Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
(Новосибирский государственный университет, НГУ)

На правах рукописи

Григорьева Алена Сергеевна

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ ГЛАГОЛОВ ОБЛАДАНИЯ В ЯЗЫКЕ НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ ПЛОТДИЧ

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Научный руководитель:
канд. филол. наук, доцент
Н. В. Налетова

Новосибирск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЛАДАНИЯ С ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 15
1. Образ мира и функционально-смысловая организация внутреннего лексикона 15
2. Психолингвистическое понимание значения слова и его экспериментальное исследование 19
3. Проблема определения многозначных и широкозначных слов 25
4. Категория обладания: лингвистический и психолингвистический аспекты ... 31
Выводы 36
ГЛАВА 2 ЯЗЫК И КУЛЬТУРА НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ СИБИРИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 39
1. Этнолингвистические и историко-культурные факторы формирования самобытности меннонитской общины 39
2. Плотдич: история, особенности и статус 46
3. Проблемы формирования письменной традиции плотдич 61
Выводы 70
ГЛАВА 3 ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЛАДАНИЯ В ПЛОТДИЧ 72
1. Экспедиционная работа в местах компактного проживания немцев-меннонитов Сибири: процедура полевого исследования 72
2. Методика ассоциативного эксперимента и системные отношения в ассоциативных полях глаголов обладания 79
3. Характеристика ядерной и периферийной зон семантической группы глаголов со значением обладания 92
4. Мицелиальный анализ ассоциативных полей глаголов со значением обладания в плотдич (в сопоставлении с немецким, голландским и русским языками) 116
Выводы 135

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....144
ПРИЛОЖЕНИЯ.....161
Приложение 1. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в плотдич.....161
Приложение 2. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в немецком языке.....162
Приложение 3. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в голландском языке.....163
Приложение 4. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в русском языке.....164
Приложение 5. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в плотдич.....165
Приложение 6. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в немецком языке.....170
Приложение 7. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в голландском языке.....173
Приложение 8. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в русском языке.....175
Приложение 9. Анкета для проведения ассоциативного эксперимента (плотдич).....177
Приложение 10. Анкета для проведения ассоциативного эксперимента (немецкий язык).....178
Приложение 11. Анкета для проведения ассоциативного эксперимента (голландский язык).....179
Приложение 12. Рассказ-наставление детям из д. Аполлоновка.....180

ВВЕДЕНИЕ

Язык плотдич (платтдойч, платский, нем. *Plautdietsch*) сибирских немцев-меннонитов представляет собой идиом, сформировавшийся в результате многовековых миграций (Нидерланды – дельта Вислы – Российская империя – Сибирь) и развивавшийся в условиях относительной изоляции от материнских нижненемецких диалектов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена особенностями функционирования плотдич, сохраняющего преимущественно устную традицию. Существующие описания идиома в большей степени ориентированы на его структурные и социолингвистические характеристики. Так, при обсуждении плотдич традиционно учитываются прежде всего внешние социолингвистические критерии: наличие или отсутствие письменной нормы, кодификации, институциональной поддержки, устойчивой литературной традиции. В этих условиях особое значение приобретает изучение речевой деятельности его носителей. Важным представляется и обращение к актуализируемым в речевой деятельности смысловым связям, в которых находит выражение языковой и внеязыковой опыт.

Актуальность исследования определяется также методологической проблемой описания ассоциативно-вербальных сетей. Для ее рассмотрения существенно разграничение понятий «ассоциативное поле» и «ассоциативно-вербальная сеть». Под ассоциативным полем понимается совокупность реакций, полученных на один вербальный стимул. Традиционный анализ отдельного ассоциативного поля позволяет выявлять ядерные и периферийные реакции, устанавливать частотные параметры и основные направления ассоциирования. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов обладания, в свою очередь, представляет собой систему ассоциативных полей глаголов исследуемой семантической группы и выявляемых между ними связей, образованных совпадающими реакциями. При исследовании лексических единиц, входящих в одну семантическую группу, существенное значение приобретает возможность компактного и наглядного представления результатов сопоставления их ассоциативных полей. Формализация межстимульных пересечений позволяет свернуть массив экспериментальных данных в систему сопоставимых показателей, отражающих степень интеграции ассоциативных полей, их относительную автономность и структурную

роль отдельных единиц в сети. Такое представление облегчает сопоставление структурной организации семантических групп в разных языках и создает основу для последующей содержательной интерпретации выявленных сходств и различий. Это позволяет выявить неочевидные при рассмотрении отдельных ассоциативных полей особенности организации семантической группы: какие актуализируемые смыслы объединяют ее единицы, как распределяются смысловые связи между ними и в чем проявляется специфика этой организации в разных языках.

Особое значение для исследования представляет категория обладания (посессивности), имеющая фундаментальный характер для языковой концептуализации мира. Обращение к особенностям актуализации посессивных отношений позволяет исследовать соответствующий фрагмент языкового сознания носителей плотдич с учетом историко-культурных условий существования меннонитской общины.

Для экспериментального изучения выбраны глаголы со значением обладания, анализ ассоциативных полей которых позволяет выявить, какие аспекты актуализируются в реакциях носителей плотдич и как они соотносятся между собой в пределах соответствующего фрагмента языкового сознания. Основным **материалом** исследования выступает массив из 368 реакций, полученных от 46 информантов – носителей плотдич. Материал на немецком языке, включающий 213 рабочих анкет и 1877 реакций, используется как ближайший германский сопоставительный экспериментальный фон для анализа структурных параметров ассоциативно-вербальной сети. Материал на голландском языке, включающий 35 анкет и 340 реакций, имеет пилотный характер и привлекается в качестве близкородственного германского языка. Также приводится сопоставление с контактным русским языком на материале Русской региональной ассоциативной базы данных [СИБАС].

Такое разграничение позволяет избежать отождествления разнотипных массивов данных. Материалы на немецком и голландском языках не задают национальную ассоциативную норму, однако используются для выявления сходств и различий в межстимульной организации ассоциативных полей глаголов обладания.

Гипотеза исследования заключается в том, что специфика характера межстимульных связей в ассоциативно-вербальной сети глаголов со значением обладания в плотдич обусловлена превалированием религиозно-общинных, социально-семейных и хозяйственно-бытовых представлений.

Объектом исследования является фрагмент языкового сознания носителей плотдич – немцев-меннонитов Сибири, в котором репрезентирована категория обладания.

Предмет исследования – структурная организация ассоциативных связей между глагольными единицами, маркирующими посессивные отношения: центральные и периферийные элементы построенной модели, межстимульные связи, степень интеграции ассоциативных полей и соотношение их общего и специфического содержания.

Цель исследования – выявление структурно-содержательной специфики ассоциативно-вербальной сети глаголов со значением обладания в языке плотдич немцев-меннонитов Сибири на фоне немецкого, голландского и русского языков.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) систематизировать теоретические основания психолингвистического исследования глаголов со значением обладания, разграничив лингвистическое описание их семантики и экспериментальное изучение актуализируемых ассоциативных связей;

2) охарактеризовать историко-культурные и социолингвистические условия функционирования плотдич немцев-меннонитов Сибири, включая особенности его письменной фиксации;

3) проанализировать ассоциативные поля глаголов со значением обладания в исследуемых языках, выявив их ядерные и периферийные зоны, основные направления ассоциирования и особенности актуализации посессивной семантики;

4) разработать и апробировать процедуру анализа ассоциативных полей, позволяющую формализировать межстимульные связи и компактно и наглядно представить структурно-содержательную организацию ассоциативно-вербальной сети;

5) сопоставить структурно-содержательную организацию ассоциативно-вербальной сети глаголов со значением обладания в плотдич с материалами на немецком, голландском и русском языках, выявив сходства и различия в межстимульных связях и специфические особенности исследуемого фрагмента языкового сознания носителей плотдич.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. В языковом сознании носителей плотдич обладание репрезентируется посредством ассоциативно-вербальной сети с центральным положением глагола *хабэ* ‘иметь’, объединяющего значения наличия, владения, получения, принадлежности, достаточности и опыта. Сеть реконструирована на основе реакций на 11 отобранных глаголов-стимулов: *хабэ* ‘иметь’, *хӧле* ‘хранить, держать’, *безэтцэ* ‘владеть, обладать’, *тьри’э* ‘получать’, *енух* ‘хватать, быть достаточным’, *ри:т* ‘хватать’, *ихи:рэ* ‘принадлежать’, *евэнэ* ‘иметь выгоду’, *эрливэ* / *дэрьхьмокэ* ‘узнавать, убеждаться на опыте’, *эрфот* ‘узнавать, получать опыт’, *опвизэ* ‘обнаруживать’. Наряду с доминирующим узлом *хабэ* в сети выделяются зона достаточности (*енух, ри:т*), зона владения и принадлежности (*безэтцэ, ихи:рэ*) и опытно-событийная зона (*эрливэ* / *дэрьхьмокэ , эрфот*), тогда как глаголы *хӧле, тьри’э, евэнэ* и *опвизэ* занимают периферийные, но функционально значимые позиции. На сопоставительном фоне центральное положение глагола со значением ‘иметь’ объединяет плотдич с материалом немецкого и голландского языков. Материал на русском языке отличается включением глагола *быть*, образующего экзистенциальную зону наряду с посессивным центром *иметь*.

2. Ассоциативные поля глаголов исследуемой семантической группы различаются по степени включенности в общую сеть и соотношению общих и специфических реакций. В плотдич наиболее интегрированы поля *енух* ‘хватать, быть достаточным’ и *ихи:рэ* ‘принадлежать’, тогда как поля *опвизэ* ‘обнаруживать’ и *ри:т* ‘хватать’ сохраняют наибольшую автономность. На сопоставительном фоне обнаруживаются различия в организации полей центральных глаголов: в материале на немецком языке поле *haben* ‘иметь’ характеризуется высокой интегрированностью в общую сеть, на голландском наиболее интегрированы как *hebben* ‘иметь’, так и *bezitten* ‘владеть, обладать’, тогда как на материале русского языка центральное поле *иметь* отличается высокой долей специфических реакций.

3. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в плотдич характеризуется высокой плотностью межстимульных связей, полицентрической организацией и интегрированностью всех 11 единиц в единую структуру. Это сочетание признаков отличает ее от полностью связной моноцентрической немецкой

сети, менее связной голландской сети с изолированным ассоциативным полем и фрагментарной русской сети, также содержащей абсолютный изолят.

4. Содержательная организация ассоциативно-вербальной сети в плотдич включает материально-предметный, социально-семейный, духовно-ценностный кластеры и кластер меры и достаточности, что отражает осмысление обладания не только как владения материальными объектами, но и как обеспеченности необходимыми ресурсами, социальной принадлежности и включенности в духовно-ценностные отношения. Религиозно-общинные реакции играют значительную роль в формировании межстимульных связей и отражают особенности актуализации посессивной семантики в исследуемом фрагменте языкового сознания носителей плотдич. На сопоставительном фоне специфика содержательной организации ассоциативно-вербально сети проявляется в выраженной связи обладания с хозяйственно-бытовой, семейной и религиозной сферами. В материале на немецком языке более отчетливо представлены отношения собственности и имущественного владения, на голландском – социально-оценочные и эмоционально-опытные, а на русском – обладания с существованием, самоидентификацией, знанием и умением.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Впервые проведено экспериментальное психолингвистическое исследование ассоциативных связей глаголов со значением обладания в языке немцев-меннонитов Сибири плотдич. В научный оборот введены экспериментальные психолингвистические данные о плотдич немцев-меннонитов Сибири, позволяющие описать фрагмент языкового сознания его носителей через анализ ассоциативных реакций на глаголы со значением обладания.

2. Смоделирована ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в плотдич. Определены ее ядерные и периферийные зоны, типы ассоциативных связей, характер межстимульной связанности, а также структурные параметры, значимые для сопоставления с ассоциативно-вербальными сетями немецкого, голландского и русского языков: плотность межстимульных связей, наличие или отсутствие изолятов, топология ядерных узлов, характер связующих реакций и соотношение синтагматических и парадигматических отношений.

3. Разработан и апробирован метод мицелиального анализа ассоциативных полей (МААП), объединяющий рассмотрение межстимульных пересечений, степени

интеграции и автономности ассоциативных полей, центральности узлов и плотности сети в единую аналитическую процедуру. Метод обеспечивает компактное и наглядное представление структурной организации ассоциативно-вербальной сети и облегчает выявление ее специфических особенностей при сопоставлении материалов на разных языках.

4. Выявлены особенности репрезентации религиозно-общинной семантики в ассоциативно-вербальной сети плотдич, позволяющие описать роль этноконфессионального компонента в организации посессивной семантической зоны.

5. На основании сопоставления с материалами немецкого, голландского и русского языков выявлены общие структурные тенденции и особенности организации ассоциативно-вербальной сети плотдич.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют несколько взаимосвязанных научных направлений. Фундаментальную основу образуют труды Л. С. Выготского [1982], А. Р. Лурии [1979], А. Н. Леонтьева [1975; 1983], А. А. Леонтьева [1971] и А. А. Залевской [1977; 1990], посвященные проблемам речевой деятельности, значения слова, образа мира и организации внутреннего лексикона.

Существенное значение имеют работы представителей Московской психолингвистической школы (в частности Н. В. Уфимцевой [2011; 2014], Ю. Н. Караулова [1987]), посвященные проблеме языкового сознания и возможностям его экспериментального изучения на материале ассоциативных данных.

Значимый вклад в разработку понятия «психолингвистическое значение слова» и методов его экспериментального описания внесли исследования И. А. Стернина и А. В. Рудаковой [Стернин, Рудакова, 2011; Стернин, 2017] (Воронежская психолингвистическая школа). Важны также труды В. М. Алпатова [1984; 1993], в которых рассматривается проблема соответствия единиц лингвистического описания психологической реальности языка и разграничиваются системоцентричный и антропоцентричный подходы к его изучению.

Особое место занимают работы И. В. Шапошниковой [2021; 2023; 2026], в которых язык в человеке (как динамический комплекс речевой способности и речевой деятельности человека) рассматривается в функционально-системной перспективе,

а организация внутреннего лексикона связывается с функционально-смысловой природой его единиц – лексонов. В рамках настоящего исследования используются также разработанные И. В. Шапошниковой [2018; 2020; 2024] подходы к анализу ассоциативно-вербальных данных, позволяющие выявлять психоглоссы разных уровней, векторы смысловых акцентуаций и социокоммуникативные установки, а также прослеживать движение значений в актуальной диахронии.

Проблема широкозначности (эврисемии) глаголов рассматривается в работах Н. Н. Амосовой [1972], Л. Я. Гросул [1982], В. Я. Плоткина [1989], И. В. Шапошниковой [2005] и других исследователей.

Основы изучения плотдич в отечественной германистике заложены И. А. Канакиным и М. Н. Валл [Валл, Канакин, 1986; Kanakin, Wall, 1994], описавшими его фонологическую и морфологическую системы. В современной науке активно разрабатываются социолингвистические аспекты и проблемы письменной фиксации плотдич (Р. Нивебур [Nieuweboer, 1998], Г. Сименс [Siemens, 2012], Е. А. Либерт [2019a], Х. те Вельде [te Velde, Vosburg, 2019] и др.).

Теоретическая значимость работы определяется расширением возможностей психолингвистического описания структурно-содержательной организации ассоциативно-вербальных сетей. На материале плотдич в сопоставлении с немецким, голландским и русским языками установлено, что центральность узлов, степень интеграции ассоциативных полей и плотность межстимульных связей характеризуют разные стороны организации сети и могут находиться в различных соотношениях. В частности, высокая плотность сети может сочетаться с ее полицентрической организацией, а центральное положение глагола – с высокой долей специфических реакций в его ассоциативном поле. Выявленные особенности организации сети глаголов со значением обладания в плотдич дополняют психолингвистическое описание соответствующего фрагмента языкового сознания его носителей, раскрывая роль хозяйственно-бытовых, социально-семейных и религиозно-общинных смыслов в формировании связей между ассоциативными полями.

Практическая значимость состоит в создании эмпирической базы для дальнейшего изучения плотдич (первый ассоциативный словарь глаголов обладания). Разработанный МААП может использоваться для исследования ассоциативно-вер-

бальных сетей других семантических групп на материале разных языков, обеспечивая единообразное описание их структурно-содержательной организации и возможность сопоставления различных конфигураций сетей. Результаты могут быть использованы при составлении учебных материалов по сохранению миноритарных языков, в курсах психолингвистики, этнолингвистики и германской диалектологии.

Методы исследования определяются характером поставленных задач. Теоретический анализ использован для обоснования применения психолингвистического подхода к исследованию языкового сознания, внутреннего лексикона и категории обладания; лексикографический анализ – для определения состава исследуемой семантической группы и отбора глаголов-стимулов. Для изучения особенностей функционирования плотдич и сбора экспериментального материала применялись полевое наблюдение, запись устной речи носителей, а также ассоциативные эксперименты: свободный и цепочечный для плотдич и свободный для немецкого и голландского языков (в онлайн-формате). Фиксация полученных данных осуществлялась посредством транскрибирования и авторской кириллической записи. Количественный анализ использован для определения частотности реакций, выделения ядерных и периферийных зон ассоциативных полей. Разработанный МААП применен для систематизации межстимульных связей и комплексного описания структурно-содержательной организации ассоциативно-вербальной сети. Содержательный анализ реакций позволил выявить смысловую основу межстимульных связей, в том числе роль религиозно-общинной семантики. Сопоставительный анализ с материалами на немецком, голландском и русском языках использован для установления общих и специфических особенностей ассоциативно-вербальных сетей плотдич.

Достоверность результатов обеспечивается репрезентативным объемом выборки для миноритарного языка (46 носителей плотдич – более 10 % от общего числа владеющих плотдич в обследованных сибирских населенных пунктах, по данным, полученным в ходе полевых экспедиций и бесед с представителями местных меннонитских общин), триангуляцией методов (свободный, цепочечный, полевой, онлайн-эксперименты), сопоставлением с лексикографическими и ассоциативными базами данных по трем референтным языкам, использованием формализованных количественных процедур и сравнительным анализом МААП с апробированными методами.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы прошли апробацию в 2022–2026 гг. и нашли отражение в пяти научных публикациях. Четыре статьи размещены в изданиях, входящих в перечень рецензируемых журналов, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и индексируемых в международной базе данных Scopus; еще одна статья принята к публикации в одном из ведущих рецензируемых научных журналов.

Результаты исследования были представлены в виде 11 докладов на всероссийских и международных научных конференциях: XX Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» (г. Москва, Институт языкознания РАН, 2022 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2022, 2023, 2024, 2025 гг.); Научно-практической конференции с международным участием «Немцы России: история, этнография, культура и язык» (г. Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет, 2022 г.); Международной конференции «Дульзоновские чтения» (г. Томск, Томский государственный педагогический университет, 2023 г.); V Международной конференции «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2023 г.); LIII Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2025 г.); XXI Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке» (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 2025 г.) и на Всероссийской конференции с международным участием «Русская языковая личность в межнациональном общении» (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2026 г.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует следующим направлениям паспорта научной специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки):

– п. 2 «Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики»;

– п. 4 «Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики»;

– п. 8 «Язык в контексте культуры. Исследование языка с использованием методов культурологии, этнологии и антропологии»;

– п. 15 «Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и 12 приложений.

В первой главе изложены теоретические предпосылки изучения семантической группы глаголов обладания с психолингвистической точки зрения: раскрываются понятия языкового сознания, ментального лексикона, психолингвистического значения слова, многозначности, широкозначности и посессивности. Во второй главе представлена этнолингвистическая и социолингвистическая характеристика плотдич: описаны историко-культурные факторы формирования меннонитской общины, история, особенности и языковой статус данного идиома, проблемы его письменной традиции. Третья глава посвящена процедуре полевой работы в местах компактного проживания немцев-меннонитов Сибири – д. Неудачино Татарского района Новосибирской области и д. Аполлоновка Исилькульского района Омской области, а также эмпирическому исследованию ассоциативных полей глаголов со значением обладания и реконструкции образуемой ими ассоциативно-вербальной сети. В главе охарактеризованы процедура и инструментарий ассоциативного эксперимента, рассмотрены типы связей между стимулами и реакциями, ядерные и периферийные зоны ассоциативных полей глаголов исследуемой семантической группы, а также структурно-содержательная организация ассоциативно-вербальной сети глаголов обладания как экспериментальной модели соответствующего фрагмента языкового сознания носителей плотдич в сопоставлении с аналогичными сетями немецкого, голландского и русского языков.

В заключении обобщаются результаты проведенной работы и формулируются основные выводы. Список литературы включает 215 источников, из которых 82 – на иностранных языках. В работе представлено 16 таблиц. В приложениях приведены ассоциативно-вербальные сети и ассоциативные поля глаголов со значением обладания в плотдич, немецком, голландском и русском языках, анкеты для проведения онлайн-экспериментов, а также рассказ-наставление детям, записанный от носителей плотдич, проживающих в д. Аполлоновка.

Глава 1
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЛАДАНИЯ С ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

1. Образ мира и функционально-смысловая организация внутреннего лексикона

Психолингвистическое изучение значения связано с вопросом о том, каким образом языковые единицы включаются в более широкий контекст человеческого опыта. В отечественной психологической и психолингвистической традиции эта проблема последовательно разрабатывалась через категорию образа мира и представление об опосредующей роли значений.

Предпосылки такого понимания были заложены в культурно-исторической концепции Л. С. Выготского. Рассматривая соотношение мышления и речи, исследователь отмечал: «Мы нашли эту единицу, отражающую в наипростейшем виде единство мышления и речи, в значении слова» [Выготский, 1982, с. 295]. При этом значение не мыслилось как неизменное образование: одним из основных результатов исследования Л. С. Выготский называет положение о том, что «значения слов развиваются» [Там же]. Тем самым значение уже здесь предстает не изолированно, а в динамике речемыслительной деятельности.

Дальнейшее развитие эта линия получила в психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Центральной для нее становится категория образа мира, связанная с пониманием восприятия как активного построения целостного предметного мира. Обращаясь к многомерности образа мира, А. Н. Леонтьев вводит понятие «пятого квазиизмерения» – «смыслового поля, системы значений» [Леонтьев А. Н., 1983, с. 253]. Значения тем самым включаются в целостный образ предметного мира и обеспечивают связь индивидуального опыта с общественно-исторически выработанными способами осмысления действительности.

Психолингвистическое осмысление категории образа мира представлено в работах А. А. Леонтьева. Образ мира определяется им как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии»

[Леонтьев А. А., 1993, с. 18]. Особенно важно положение о том, что человек «оперирует не отдельным значением, а системой значений» [Там же, с. 19]. При этом А. А. Леонтьев разграничивает индивидуально-личностный образ мира, опосредованный личностными смыслами, и инвариантный, соотносимый со значениями как социальными образованиями [Там же, с. 19–20].

Представление о множественности связей слова находит отражение и в нейропсихологических исследованиях А. Р. Лурии. Слово, по его определению, «вызывает целое “смысловое поле”» [Лурия, 1979, с. 40], вступая в потенциальные отношения с другими словами. Отдельно исследователь ставит вопрос о возможности объективного изучения таких полей и степени близости входящих в них связей [Там же, с. 91–95]. Значение при таком подходе не сводится к единичному отношению между словом и обозначаемым объектом, а раскрывается через множество потенциально актуализируемых связей.

Такой ракурс непосредственно выводит к внутреннему лексикону. А. А. Залевская характеризует его как «чрезвычайно сложную систему объемных многоярусных многократно пересекающихся полей» [Залевская, 1977, с. 72–73]. В дальнейшем слово рассматривается ею как средство доступа к единой информационной базе человека, объединяющей результаты переработки языкового и неязыкового опыта [Залевская, 1990].

Близкое понимание представлено в когнитивных исследованиях лексикона. Е. С. Кубрякова определяет ментальный лексикон как «систему, отражающую в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах» [Кубрякова, 1996, с. 97], и связывает его функции также с доступом к структурам экстралингвистического знания [Там же, с. 97–99]. Т. Ю. Сазонова, в свою очередь, характеризует единицы внутреннего лексикона как «продукты комплексной переработки перцептивного, когнитивного, эмоционального и вербального опыта» [Сазонова, 1997, с. 138–139]. Связи слова во внутреннем лексиконе, следовательно, не ограничиваются отношениями, фиксируемыми при лингвистическом описании его значения.

С различием психологической реальности языка и его научного описания связано предложенное А. А. Залевской разграничение ЯЗЫКА 1 и ЯЗЫКА 2. ЯЗЫК 1 определяется как «система функциональных ориентиров и опор», обеспечивающая процессы производства и понимания речи, тогда как ЯЗЫК 2 – как «описательная

модель языка», создаваемая в ходе метаязыковой деятельности исследователя [Залевская, 1999а, с. 31–32]. При этом «общность исходного языкового материала [...] вовсе не предопределяет идентичности получаемых продуктов» [Там же, с. 32]. Поэтому закономерности, устанавливаемые средствами лексикографического или собственно лингвистического анализа, не могут механически переноситься на функционирование языка у его носителя.

С категорией образа мира соотносится понятие языкового сознания, существенным признаком которого в психолингвистике выступает возможность «овнешнения» содержания сознания посредством языковых знаков [Тарасов, 1996; Уфимцева, Тарасов, 2009]. Н. В. Уфимцева определяет его как «ту часть сознания индивида, которая имеет дело со значениями как социальными образованиями» [Уфимцева, 2016, с. 242]. Доступной внешнему наблюдателю эта часть сознания становится с помощью слова в широком смысле – отдельного слова, ассоциативного поля или текста [Там же].

Именно в этом отношении значимы ассоциативные данные: они относятся не ко всему содержанию образа мира, а к той его части, которая получает вербальное выражение в конкретных условиях. В работах Н. В. Уфимцевой массовый ассоциативный эксперимент и построенные на его основе ассоциативные тезаурусы используются для выявления устойчивых смысловых связей и акцентуаций, характеризующих группы носителей языка [Уфимцева, 2011; 2016].

Нетождественность понятий «образ мира» и «языковая картина мира» специально подчеркивает А. А. Леонтьев [Леонтьев А. А., 1993, с. 18]. А. А. Залевская отмечает, что языковая картина мира «способна отобразить лишь часть “образа мира”» [Залевская, 2003, с. 46]. Так, языковая картина мира относится прежде всего к результатам языкового опосредования и фиксации опыта, тогда как категория образа мира охватывает более широкую психическую реальность взаимодействия человека с действительностью.

В функционально-системной перспективе эта линия получает развитие в работах И. В. Шапошниковой, которая при осмыслении целостности языка обращается к принципам теории функциональных систем П. К. Анохина [Шапошникова, 2023].

П. К. Анохин раскрывает принцип организации функциональной системы через понятие «взаимоСОдействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [Анохин, 1975, с. 35].

Обращаясь к языку в человеке как к функционально организованной системе, И. В. Шапошникова дает следующее определение: «Язык (язык 1) – динамичный сложноорганизованный комплекс функциональных систем *Homo Sapiens*, который обеспечивает специфичную для вида человека вербально-коммуникативную деятельность» [Шапошникова, 2023, с. 29]. В рамках такого понимания языка свойства внутреннего лексикона связываются с множественностью и нелинейностью отношений между его элементами [Шапошникова, 2021; 2023].

Особое значение при этом приобретает понятие лексона. И. В. Шапошникова отмечает: «Как операторы смыслообразования единицы внутреннего лексикона – лексоны – социокоммуникативно и историко-культурно маркированы через овнешняющие их языковые знаки» [Шапошникова, 2021, с. 316]. Тем самым языковой знак и стоящее за ним функционально-смысловое образование не отождествляются: вербальная единица обеспечивает возможность «овнешнения» и экспериментальной фиксации связей лексона, но не исчерпывает его содержания.

К разграничению ЯЗЫКА 1 и ЯЗЫКА 2 И. В. Шапошникова обращается в контексте интегрированного знания о человеке. В ЯЗЫК 1 включаются речевая способность и речевая деятельность человека, тогда как ЯЗЫК 2 соотносится с логико-теоретической моделью, создаваемой исследователем на основе продуктов речевой деятельности [Шапошникова, 2023, с. 11–12]. При этом «образ мира носителей живого языка представляет собой смысловой субстрат языкового сознания» [Там же, с. 30], влияющий на освоение нового опыта вербальной коммуникации.

Такое разграничение задает и масштаб психолингвистического анализа. Экспериментально наблюдаемыми оказываются не образ мира и языковое сознание как целостные образования, а отдельные их фрагменты, получающие вербальное выражение в конкретных условиях.

В случае посессивной семантики таким фрагментом становится совокупность связей, актуализируемых глаголами со значением обладания. Конфигурация выявленных связей дает основание говорить о психологически актуальном смысловом

поле соответствующего когнитивного домена и о тех смысловых акцентуациях образа мира, которые проявляются в пределах полученного экспериментального материала.

2. Психолингвистическое понимание значения слова и его экспериментальное исследование

Разграничение системно-языкового описания и функционирования слова в речевой организации человека требует уточнения статуса значения слова как объекта психолингвистического исследования. Лингвистический анализ устанавливает закрепленные в языке значения и отношения между ними, тогда как психолингвистический подход обращен к тому, как значение функционирует в речевой деятельности носителя языка.

А. А. Леонтьев связывает психологическую структуру значения с его функционированием в реальной речевой деятельности и определяет ее как «систему дифференциальных признаков значения, соотнесенную с различными видами взаимоотношений слов» [Леонтьев А. А., 1971, с. 11]. Психологическая характеристика значения тем самым включает не только содержательные признаки языковой единицы, но и отношения, в которые она вступает при функционировании.

В психологической теории деятельности А. Н. Леонтьев раскрывает соотношение общественного и индивидуального в значении через представление о «двойной жизни» значений. Значения существуют как продукты общественно-исторической практики, закрепленные в языке, и одновременно входят в систему деятельности и сознания конкретного человека. В последнем случае они вступают в новые внутренние отношения и приобретают собственную психологическую характеристику [Леонтьев А. Н., 1975, с. 147]. Таким образом, общественно закрепленное значение сохраняет относительную устойчивость, тогда как характер его функционирования определяется системой отношений, в которую оно включается в индивидуальном сознании.

Проблема соответствия единиц и категорий лингвистического описания психологической реальности языка разрабатывается в исследованиях В. М. Алпатова. При рассмотрении слова исследователь обращает внимание на то, что воспроизводимые

в речевом механизме единицы не обязательно совпадают по своим границам и свойствам с единицами, выделяемыми средствами лингвистического анализа [Алпатов, 1984]. Позднее это различие получает более общее методологическое осмысление в противопоставлении антропо- и системоцентричного подходов. Антропоцентричный подход опирается на представления носителя языка о языковых единицах, в том числе на его языковую интуицию, тогда как системоцентричный предполагает их описание с помощью специально разработанных и проверяемых исследовательских процедур [Алпатов, 1993, с. 15–18]. Последний обеспечивает формализуемость и сопоставимость описания, однако оно может оказаться «психологически неадекватным», т. е. искаженно представлять реальные психолингвистические процессы [Алпатов, 1993, с. 25]. Вместе с тем В. М. Алпатов подчеркивает взаимодополняющий характер двух подходов. Психолингвистическое исследование в таком случае не отменяет системно-языковую характеристику единицы, а обращается к особенностям ее функционирования в речевой деятельности человека и актуализируемым при этом смысловым связям.

Различие между языковой единицей и содержанием, актуализируемым при ее восприятии, проявляется в процессах идентификации слова. А. А. Залевская определяет идентификацию как совокупность процессов речемыслительной деятельности, результатом которых становится субъективное переживание знания или понимания того, о чем идет речь [Залевская, 1999б, с. 175]. При этом в процесс идентификации вовлекаются эмоционально-оценочные, осознаваемые и неосознаваемые, вербализуемые и не поддающиеся вербализации компоненты опыта [Там же].

Т. Ю. Сазонова показывает, что идентификация слова может осуществляться с опорой как на формальные характеристики языковой единицы, так и на ситуацию, предполагающую актуализацию фрагмента внутреннего контекста [Сазонова, 1999, с. 102–131]. Вследствие этого содержание, возникающее при восприятии слова, не сводится к последовательному воспроизведению признаков, выделенных в его лингвистическом описании, а определяется характером связей, актуализированных в конкретных условиях.

Проблема разграничения значения как психологической реальности и его экспериментального описания рассматривается в исследованиях И. А. Стернина и А. В. Рудаковой. Психологически реальное значение рассматривается авторами как

не доступное исследователю во всей полноте, тогда как психолингвистическое значение определяется как «реально функционирующее в языковом сознании носителей языка значение, выявляемое и описываемое по результатам психолингвистических экспериментов» [Стернин, Рудакова, 2011, с. 99–100]. Разработанная авторами процедура предполагает семную интерпретацию полученных реакций [Там же, с. 100]. Для нашего исследования существенно само разграничение психологической реальности значения и ее экспериментального описания, однако ассоциативная реакция не отождествляется с отдельной семой слова-стимула. При исследовании группы семантически связанных единиц значимым становится не только содержание отдельных реакций, но и характер отношений, обнаруживаемых между ассоциативными данными разных стимулов.

Одним из основных способов получения вербальных реакций для последующего анализа ассоциативных связей в отечественной психолингвистике стал ассоциативный эксперимент (АЭ). Уже в «Словаре ассоциативных норм русского языка» разграничиваются свободный, контролируемый и эксперимент с продолжающейся реакцией [САНРЯ, 1977, с. 5–6, 18]; в последующей исследовательской традиции широко используются обозначения свободного, направленного и цепочечного АЭ [Горошко, 2005].

Различие этих форм эксперимента связано прежде всего со степенью заданности направления ассоциирования. Направленный АЭ ограничивает область возможного ответа определенным семантическим, грамматическим или иным условием и тем самым дает возможность исследовать заранее выбранный тип отношений. При цепочечном АЭ на один стимул продуцируется ряд последовательных реакций, что расширяет объем актуализируемого материала, однако внутри такого ряда последующие реакции могут возникать уже под влиянием предшествующих [Там же, с. 54–55]. Свободный АЭ не задает формальных или семантических характеристик ответа и поэтому не ограничивает испытуемого заранее выбранным исследователем типом связи.

Для анализа семантически связанной группы это различие имеет непосредственное значение. Свободный эксперимент позволяет сопоставлять реакции на разные стимулы при отсутствии заранее заданного основания их семантического сближения. Инструкция назвать первую пришедшую в голову реакцию направлена на

минимизацию сознательного отбора ответа [Фрумкина, 2001, с. 191]. В этих условиях повторяемость одних и тех же реакций у разных испытуемых или в ответах на разные стимулы не определяется предварительно заданной экспериментатором классификацией, а может быть обусловлена актуализацией сходных смысловых связей, сформировавшихся в процессе приобретения языкового и внеязыкового опыта. Выявление и интерпретация таких совпадений осуществляются при последующем анализе экспериментального материала.

Методологические возможности АЭ связаны при этом не с непосредственным доступом к содержанию сознания, а с получением вербального материала, подлежащего дальнейшему анализу. Н. В. Уфимцева рассматривает ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания, позволяющий работать с массовыми данными, полученными в сопоставимых условиях [Уфимцева, 2014, с. 340–346]. При массовом сборе материала индивидуальная вариативность реакций дополняется их повторяемостью в выборке, что дает основание выявлять устойчивые направления ассоциирования. В более общем виде статус метода определяется И. В. Шапошниковой как «путь к изучению функционально-смысловой регуляции речевой деятельности человека» [Шапошникова, 2026, с. 53]. Следовательно, АЭ выступает способом получения эмпирических данных, а не готовой моделью исследуемой психической организации.

Результаты АЭ на отдельный стимул организуются в ассоциативное поле (АП). А. П. Клименко разграничивает АП слова как множество повторимых реакций на заданный стимул и ассоциативную структуру слова как совокупность основных направлений ассоциирования [Клименко, 1980, с. 9–10]. Такое различение позволяет отделить непосредственно полученный массив реакций от его последующей аналитической организации: поле формируется экспериментальными ответами, тогда как установление преобладающих направлений связей относится уже к их исследовательской обработке.

В отечественной ассоциативной лексикографии эта логика получает развитие при систематизации массового экспериментального материала. В «Русском ассоциативном словаре» реакции систематизируются в прямом и обратном направлениях: прямой словарь представляет реакции, полученные на определенный стимул, обрат-

ный – объединяет стимулы, в ответ на которые возникала одна и та же реакция [Караулов и др., 1994–1998]. Тем самым одна вербальная единица может рассматриваться не только как элемент АП отдельного стимула, но и как общий элемент нескольких полей.

Для настоящего исследования данное свойство ассоциативного материала особенно существенно. Анализ прямого АП характеризует распределение реакций относительно одного стимула, тогда как сопоставление нескольких полей позволяет выявлять реакции, повторяющиеся в ответах на разные стимулы. В таком случае общий ассоциат становится основанием для установления межполевого отношения, существование которого не было задано экспериментальной инструкцией. При этом сам факт совпадения реакции не свидетельствует о тождестве значений соответствующих стимулов и требует последующей содержательной интерпретации.

Возможность перехода от отдельных АП к более крупным системам связей получает дальнейшее развитие в исследованиях Н. В. Уфимцевой. При анализе массовых ассоциативных данных исследователь использует обратный ассоциативный словарь для построения модели усредненной семантической сети, в которой степень связанности единицы определяется количеством ее отношений с другими единицами [Уфимцева, 2011, с. 234–236]. Такой подход демонстрирует, что информативность ассоциативных данных не исчерпывается частотной организацией отдельного поля: существенным параметром становится включенность одной и той же единицы в разные участки ассоциативного массива.

Разграничение анализа отдельного ассоциативного поля и сетевого уровня представлено и в работах И. В. Шапошниковой. Автор характеризует АП как «микроуровень анализа ассоциативных данных» [Шапошникова, 2020, с. 26], в котором в свернутом виде представлена смысловая структура образа, актуализированного конкретной вербальной единицей. Переход к совокупности связей между единицами осуществляется на уровне ассоциативно-вербальной сети (АВС), рассматриваемой как экспериментально полученная модель [Там же, с. 18, 27]. Для настоящего исследования принципиально различие этих уровней: АП организует реакции относительно отдельного стимула, тогда как сетевое представление позволяет учитывать отношения между несколькими полями.

Исходя из этого, под АП далее понимается совокупность реакций, полученных на один стимул в заданных экспериментальных условиях, с учетом их частотного распределения в исследуемой выборке. При сопоставлении АП семантически связанных глаголов учитывается также представленность одной и той же реакции в разных полях. Таким образом, анализ включает два взаимосвязанных направления: внутреннюю организацию отдельного АП и отношения между АП, возникающие при повторении реакций. Последние дают основание для моделирования связей между исследуемыми стимулами, однако не рассматриваются как непосредственные психологические связи между лексемами или как автоматически общие компоненты их языковых значений.

Такое ограничение определяется самим статусом экспериментального материала. Полученная структура зависит от состава стимулов, выборки испытуемых и условий проведения эксперимента и поэтому характеризует исследуемый фрагмент, а не внутренний лексикон или языковое сознание носителей во всей их полноте. На необходимость осторожности при переходе от экспериментальных данных к более широким выводам указывает также А. А. Яковлев [2023, с. 168]. Вместе с тем в установленных границах ассоциативный материал позволяет выявлять устойчиво воспроизводимые связи внутри исследуемой группы и сопоставлять способы ее организации в разных выборках.

Таким образом, системно-языковое и психолингвистическое описание значения опираются на различные типы данных и не замещают друг друга. Лексикографический анализ используется для установления языковых значений и определения состава исследуемой семантической группы; АЭ дает материал о связях, актуализируемых при предъявлении соответствующих стимулов; анализ отдельного АП позволяет охарактеризовать распределение реакций на один стимул, а сопоставление нескольких АП позволяет перейти к моделированию отношений внутри исследуемой группы. Вопрос о соотношении этой экспериментально выявляемой организации с различными способами лингвистического описания семантической структуры слова требует далее обратиться к разграничению многозначности и широкозначности.

3. Проблема определения многозначных и широкозначных слов

Разграничение многозначности и широкозначности (поли- и эврисемии) связано с различными логико-интерпретативными моделями и приемами описания семантической структуры слова. Соотношение многозначности и широкозначности особенно активно обсуждалось в 1950–1980-е гг. в рамках структурной и лексической семантики: содержание семантически сложной единицы могло моделироваться как система отдельных, связанных между собой значений либо как единое значение высокой степени обобщенности, конкретизируемое в различных контекстах [Виноградов, 1953; Смирницкий, 1955; Амосова, 1957; Амосова, 1972; Плоткин, Гросул, 1982; Колобаев, 1983; Плоткин, 1989]. Для настоящего исследования существенно, что данные категории первоначально относятся к сфере лингвистического описания; вопрос о том, находят ли различия между соответствующими моделями отражение в экспериментально актуализируемом содержании, требует отдельного рассмотрения.

Многозначность, или полисемия, определяется как способность одной лексемы служить для обозначения разных, но семантически связанных предметов и явлений действительности [ЛЭС, 1990; Вендина, 2001, с. 136]. Одной языковой форме в таком случае соответствует несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ) [Стернин, 2011, с. 7]. Их формирование связано с историческим расширением сферы употребления слова и семантическими переносами, основанными прежде всего на сходстве и смежности [Вендина, 2001, с. 136; Кронгауз, 2001, с. 156].

Единство полисеманта обеспечивается сохранением семантической связи между отдельными значениями. В. В. Виноградов связывает ее с общим содержательным стержнем [Виноградов, 1977], Ю. С. Маслов – с наличием признака, сохраняющего связь производного значения с исходным [Маслов, 1987, с. 103]. Отношения между значениями могут иметь различную организацию: Ю. Д. Апресян выделяет радиальную, цепочечную и радиально-цепочечную модели полисемии [Апресян, 1995, с. 182]. Во всех случаях принципиальным является допущение относительно самостоятельных, хотя и связанных между собой ЛСВ.

Иная логика лежит в основе описания широкозначности. Н. Н. Амосова связывает широкое значение с высокой степенью семантической обобщенности: широкозначная единица допускает значительное число контекстуальных конкретизаций, сохраняя при этом единое смысловое основание [Амосова, 1972, с. 114]. В. Я. Плоткин использует термин «эврисемия» для обозначения «семантики предельно высокой степени обобщения» [Плоткин, 1989, с. 118]. В отличие от модели полисемии, предполагающей выделение отдельных ЛСВ, при таком подходе конкретное употребление рассматривается как реализация общего значения, уточняемого контекстом.

Развитие широкозначности в отдельных германских языках (в частности, в английском и немецком) неоднократно связывалось с аналитическими тенденциями в их грамматическом строе. В. Я. Плоткин и Л. Я. Гросул обращают внимание на способность семантически обобщенных единиц включаться в разнообразные синтаксические модели [Плоткин, Гросул, 1982]. При этом связь эврисемии с аналитизмом не предполагает их однозначной взаимообусловленности: даже в близкородственных германских языках функционально соотносимые единицы обнаруживают собственную внутреннюю организацию [Козлова, 2010а].

В. Я. Плоткин, характеризуя широкозначность, подчеркивает наличие у слова единого обобщенного значения, сохраняющегося при разнообразии контекстных употреблений. Конкретизация этого значения определяется прежде всего грамматической конструкцией, в которую включена единица, тогда как множественность словарных толкований сама по себе не свидетельствует о наличии нескольких самостоятельных значений [Плоткин, 1999]. К дополнительным характеристикам широкозначности относят полиденотативность, относительно высокую частотность употребления и семантическую генерализацию [Федюк, 2009, с. 200–204]. Н. В. Козлова, обобщая различные подходы, отмечает, что носители эврисемии описываются через «абстрагирование, обобщение значения и широкую контекстную сочетаемость, а также семантическую целостность» [Козлова, 2010а, с. 45]. Таким образом, определяющим становится не само количество употреблений или референтов, а способ организации их семантического разнообразия: в модели широкого значения контекст конкретизирует общее семантическое основание, не требуя обязательного постулирования нового ЛСВ для каждого случая.

Сохранение такого единства связывается, в частности, с семантическим архетипом – мотивационной базой широкозначной единицы, обеспечивающей соотнесенность различных употреблений с исходным концептом [Шапошникова, 2005; Козлова, 2010а]. Расширение значения при этом может осуществляться посредством когнитивной метафоры: свойства и отношения абстрактных сущностей осмысляются по модели взаимодействия с объектами материального мира [Концепция..., 2004, с. 7]. Семантический архетип выполняет функцию основания, позволяющего сохранять смысловую целостность единицы при увеличении ее сочетаемостного и функционального потенциала.

Особенно отчетливо проблема соотношения полисемии и эврисемии проявляется в глагольной семантике. Для глагольных носителей широкого значения существенна не только высокая степень семантической абстракции, но и расширенный объем семантико-синтаксических валентностей. Н. В. Козлова связывает их специфику со способностью представлять базовый концепт, сохранять исходный семантический архетип и реализовывать его в широком круге синтаксических моделей [Козлова, 2010а, с. 46–50]. В таком случае эврисемия имеет семантико-синтаксическую природу: широкое значение обнаруживается не изолированно от сочетаемости единицы, а в характере ее функционирования в различных моделях.

Особое место среди подобных единиц занимают глаголы со значением посессивного состояния. Это направление последовательно разрабатывается Н. В. Козловой в исследовании глагольных носителей эврисемии английского и немецкого языков [Козлова, 2008; 2010а; 2010б]. Глагол ‘иметь’ рассматривается как средство обозначения обладательного состояния субъекта и центра его посессивной сферы. При этом принципиальное значение приобретает наполняемость глагольно-объектной модели: позицию объекта могут занимать сущности различной природы, характеризующие разные стороны существования субъекта. На материале древневерхненемецкого *habēn* и древнеанглийского *habban* Н. В. Козлова показывает, что развитие такой модели идет от конкретных объектов материального мира к абстрактным сущностям и далее к деятельностной сфере [Козлова, 2010б].

Ядро модели образуют конкретные объекты, формирующие «внешний микромир» субъекта, тогда как расширение наполняемости позволяет включать в ту же

посессивную модель абстрактные сущности, относящиеся к его «внутреннему микромиру». Так, в древневерхненемецком материале объектами при *habēn* выступают не только предметы, люди и части тела, но и *chréfte* ‘сила’, *frído* ‘свобода’, *líste* ‘знание’, *mûot* ‘мужество’, *sâlda* ‘радость’ и другие абстрактные сущности. В результате Н. В. Козлова приходит к выводу, что семантика *habēn* / *habban* не накладывает жестких ограничений на тип описываемого обладательного состояния: модель охватывает внешний и внутренний микромир субъекта, а также деятельностную микросферу; ее функциональная специфика связана с широким объемом семантико-синтаксических валентностей [Козлова, 2010б].

Такое понимание особенно существенно для настоящего исследования, поскольку позволяет соотнести лингвистически выделяемую высокую степень обобщенности глагола с характером экспериментально актуализируемого содержания. Показателен в этом отношении материал плотдич. В АП *хабэ* ‘иметь’ представлены реакции, относящиеся к качественно различным сферам посессивного опыта. Материальное обладание актуализируется в реакциях *йелт* / *Jelt* ‘деньги’ [*], *ви хабэ эн штол, эн гуэдэ, эн э вэртшафт* ‘у нас есть сарай, огород и хозяйство’, *хабэ нэ машинь* ‘иметь машину’, *хабе эн рот* ‘иметь велосипед’; родственные отношения – в *habe en sin* ‘имею сына’, *хабе тенья* ‘иметь детей’, *хабэ нэ фрю* ‘иметь жену’, *эть хаб фоя теня* ‘у меня четверо детей’. В модель включаются также неотчуждаемая принадлежность – *эть hab brune hua* ‘у меня каштановые волосы’ – и абстрактные состояния: *йезундхэйт* ‘здоровье’, *habe rü* ‘имею покой’, *эть хабэ фил фрэд* ‘у меня много радости’.

Разнородность этих реакций сама по себе не является доказательством эврисемии *хабэ*, однако обнаруживаемый характер актуализации согласуется с одним из основных признаков широкого значения: различающиеся по природе объекты и состояния объединяются общей посессивной схемой. Тем самым экспериментальный материал позволяет поставить вопрос о соответствии между лингвистически описываемой семантической обобщенностью и способом организации актуализируемых связей.

[*] Здесь и далее реакции на плотдич приводятся в форме их первоначальной фиксации: письменные ответы – с сохранением орфографии информантов, устные – в авторской системе записи. Использование кириллицы и латиницы связано с отсутствием единой кодифицированной письменной нормы плотдич. Подробнее см. п. 3 Гл. 2.

При этом материал плотдич дает возможность наблюдать не только диапазон реакций на отдельный стимул, но и реальные связи между АП разных глаголов исследуемой группы. Так, реакция *йелт* / *Jelt* ‘деньги’ представлена в полях *хабэ*, *тьри’э*, *енух* и *ри:т*; *хусь* / *hüsj* / *хюсь* ‘дом’ объединяет *безэтцэ*, *хабэ*, *ихирэ* и *эрливэ*; *теня* / *тенья* / *tent* ‘дети’ представлена в полях *хабэ*, *безэтцэ* и *ихирэ*. Через общие реакции единицы с различной лингвистической семантикой оказываются связанными внутри исследуемой посессивной области, что дает возможность сопоставлять не только содержание отдельных полей, но и характер отношений между ними.

Иной характер семантической организации обнаруживается у *безэтцэ* ‘владеть / обладать’. Посессивные реакции его АП преимущественно связаны с конкретным владением: *вы(э)ршафт* ‘хозяйство’, *em hus* ‘дом’, *мийн мон бэзетцт эн оуто*, *ви бэзетце эн шойнет хусь* ‘у моего мужа есть машина, у нас есть красивый дом’, *фил ид* ‘много земли’, *эть безетц онь гретет хусь* ‘я владею большим домом’. Вместе с тем в экспериментальном материале актуализируется и другое значение – «занимать место, быть занятым»: *ван ерент вонь плотц ененумэ эс* ‘когда какое-то место занято’, *ви безетце ню дэн зоуфа* ‘мы сейчас занимаем диван’, *the te'lefon эс фокэн бэзетцт* ‘телефон часто занят’.

В данном случае наблюдается не только расширение круга объектов внутри одной общей схемы, но и различение направлений семантической актуализации, что позволяет сопоставить экспериментальный материал с моделью полисемантической организации.

Дополнительный пример дают экспериментальные данные немецкого языка. Между *haben* ‘иметь’ и *besitzen* ‘владеть, обладать’ обнаруживается выраженная взаимная ассоциативная связь: *besitzen* выступает наиболее частотной реакцией на *haben*, тогда как *haben* – наиболее частотной реакцией на *besitzen*. Одновременно характер их полей различается. В АП *haben* наряду с *Besitz* ‘владение’, *Geld* ‘деньги’, *Reichtum* ‘богатство’ представлены *Familie* ‘семья’, *Glück* ‘счастье’, *Kenntnisse* ‘знания’, *Krankheit* ‘болезнь’, *Macht* ‘власть’, *Meinung* ‘мнение’, *Musik* ‘музыка’, *Mut* ‘мужество’. Поле *besitzen* в большей степени концентрируется вокруг непосредственного владения: *Haus* ‘дом’, *Eigentum* ‘собственность’, *Geld* ‘деньги’, *Auto* ‘автомобиль’, *Eigentümer* ‘владелец’, *Wertgegenstände* ‘ценности’.

Такое соотношение также не дает оснований непосредственно отождествлять структуру АП с той или иной лингвистической категорией, однако показывает различие способов организации актуализируемого содержания при сохранении тесной связи между двумя единицами одной семантической группы.

Самостоятельный статус широкозначности при этом остается дискуссионным. Сторонники ее разграничения с многозначностью вслед за Н. Н. Амосовой исходят из семантической целостности эврисеманта: широкозначная единица реализует в разных контекстах единое высокообобщенное значение, тогда как полисемант характеризуется системой относительно самостоятельных ЛСВ [Амосова, 1972; Федюк, 2009, с. 201]. Противоположная позиция представлена, в частности, К. А. Колобаевым, который рассматривает широкозначность как предельную степень обобщенности одного из значений многозначного слова [Колобаев, 1983, с. 11]. А. М. Плотникова отмечает, что при развитой многозначности на первый план выходит количественный аспект – множественность значений, тогда как при широкозначности существенна степень их семантической обобщенности и зависимость конкретизации от контекста [Плотникова, 2009, с. 24].

Дискуссионность категории описывается и в некоторых современных исследованиях. Н. Каратаракис ставит под сомнение необходимость выделения эврисемии как самостоятельного явления и рассматривает возможность описания соответствующих фактов средствами уже существующих моделей полисемии, в том числе с учетом типологических различий между языками [Каратаракис, 2025].

Тем самым само разграничение многозначности и широкозначности во многом определяется выбранной исследователем моделью описания семантической структуры слова.

В настоящем исследовании многозначность и широкозначность рассматриваются как различные способы организации лексического значения. В качестве основания для первой рассматривается наличие нескольких относительно самостоятельных, семантически связанных ЛСВ, широкозначность связывается с сохранением единого высокообобщенного семантического основания, конкретизируемого в различных контекстах. Такое различение оказывается продуктивным применительно к глаголам обладания, для которых высокая степень абстракции значения сочетается

с широкими семантико-синтаксическими возможностями и с развитой способностью участвовать в аналитических конструкциях (в германских языках).

Вместе с тем данная классификация не переносится непосредственно на психологическую организацию значения. Ассоциативный материал позволяет поставить иной вопрос: соответствуют ли различным лингвистическим моделям различия в характере актуализируемого содержания и в системе связей исследуемых глаголов. Материал плотдич, а также сопоставительные данные немецкого языка показывают, что такой вопрос имеет эмпирические основания: АП различаются как по диапазону актуализируемых сфер, так и по характеру их внутренней организации и межполевых связей.

Таким образом, полисемия и эврисемия рассматриваются в настоящей работе как лингвистические модели описания семантически сложных единиц, которые могут быть соотнесены с экспериментально выявляемыми связями, но не отождествляются с ними. Анализ АП позволяет установить, какие содержания актуализируются при предъявлении отдельных глаголов, а сопоставление полей – выявить общие реакции, через которые единицы исследуемой семантической группы оказываются взаимосвязанными. Интерпретация выявленных связей позволяет охарактеризовать организацию соответствующей области языкового сознания. Выявление особенностей их содержания дает основание судить о том, какие компоненты образа мира, связанные с обладанием, получили вербальное выражение в экспериментальном материале.

4. Категория обладания: лингвистический и психолингвистический аспекты

Категория обладания (посессивности) относится к числу фундаментальных языковых категорий, организующих отношения между обладателем и обладаемым. В. Н. Топоров связывает ее с одной из основных функций языка – освоением мира и «усвоением его себе», т. е. его символическим присвоением средствами языка [Топоров, 1986, с. 146]. Как подчеркивает Е. А. Чавыкина, «категория посессивности – одна из наиболее древних и значимых в истории языка категория, отражающая важнейшие процессы и тенденции развития языка» [Чавыкина, 2007, с. 293]. Мышление вырабатывает эту категорию для упорядочивания отношений между вещами, и эти

отношения являются, прежде всего, социальными, так как «без них невозможно никакое человеческое общество» [Там же]. В связи с этим важно разграничивать посессивность как взгляд со стороны владельца и принадлежность как взгляд со стороны предмета [Там же, с. 294].

В антропоцентрической парадигме обладание приобретает особую значимость, поскольку связано с механизмами самоидентификации человека и установления границ «Я» через отношения принадлежности [Вежбицкая, 1999, с. 509; Милованова, 2007, с. 95]. В обыденном словоупотреблении термин «обладание» часто эквивалентен «собственности», однако в лингвистике он трактуется значительно шире [Lyons, 1977, p. 203]. Посессивность традиционно рассматривается как способ номинации объекта через его соотнесенность с другим объектом или лицом, что позволяет интерпретировать ее как разновидность относительной номинации [Журинская, 1998, с. 389].

Типологически языки разграничиваются по способам выражения посессивных отношений. Классическая дихотомия, предложенная Э. Бенвенистом, противопоставляет *habeo*-языки (*иметь*-языки) и *esse*-языки (*быть*-языки), различающиеся по доминирующим моделям предикативной посессивности [Бенвенист, 1974, с. 215–216]. Однако данное противопоставление не является абсолютным: в языках возможна конкуренция и функциональное распределение различных моделей выражения обладания. Это особенно важно для сопоставительного анализа немецкого, голландского, плотдич и русского языков: в германских языках преобладают конструкции с глаголами типа «иметь», тогда как для русского языка характерна экзистенциальная модель «у кого-либо есть что-либо».

В рамках функционально-семантического подхода посессивность рассматривается как поле, объединяющее разноуровневые средства выражения обладания, принадлежности, партитивности и других семантически близких им отношений. К. Г. Чинчлей разграничивает предикативную и атрибутивную посессивность. Предикативная посессивная ситуация включает посессора, объект обладания и выраженное предикатом отношение между ними; к центральным средствам её репрезентации относятся конструкции с глаголами типа *быть* и *иметь* [Чинчлей, 1996, с. 100–103]. Такое понимание позволяет рассматривать глаголы обладания не изолированно, а как средства моделирования различных посессивных ситуаций.

Специфика языковой концептуализации мира ярко проявляется в том, какой глагол является центральным для выражения обладания. В «иметь-языках» (немецкий, французский) обладание мыслится как активное действие субъекта и контроль над миром, тогда как в «быть-языках» (русский) оно часто представляется как нечто, происходящее помимо воли человека [Нечаева, 2007, с. 116]. Так, русская конструкция *у него есть* предполагает, что «активным является именно предмет, а его владелец – лишь страдательное лицо» [Там же], что отражает специфический «Я-концепт», где личностное начало может быть нивелировано на уровне грамматического строя [Там же, с. 121]. При этом прототипический посессор одушевлен и предпочтительно является человеком [Seiler, 1988, p. 478].

Глагол *иметь* (нем. *haben*, голл. *hebben*, плотдич *хабэ*) формирует ядро предикативной посессивности. Его семантика характеризуется высокой степенью обобщенности и функциональной гибкости: он способен выражать как конкретное физическое владение, так и абстрактные отношения (состояния, качества, социальные связи). При этом посессивные конструкции предполагают наличие актантной структуры, включающей посессора и посессум, и реализуются в рамках предикативных моделей, в отличие от атрибутивных средств, фиксирующих принадлежность как статическое свойство [Бондарко, 1996, с. 99; Неборская, Кушнерук, 2024, с. 47–53].

Семантическое пространство посессивности неоднородно и включает различные типы отношений. В работах М. А. Журинской [1977] и Б. Хайне [Heine, 1997, p. 30–36] выделяются физическое, временное и перманентное обладание, неотчуждаемое обладание (части тела, родственные связи), а также абстрактные формы (обладание состояниями, эмоциями, временем). Р. Диксон предлагает более детальную классификацию, выделяя семь типов: собственность (*ownership*), отношение части и целого, родство, атрибуты, ориентация / локация, ассоциация и номинализация [Dixon, 2010, p. 262–265].

Фундаментальным является различие между отчуждаемым обладанием (материальные ценности) и неотчуждаемым (части тела, термины родства) [Aikhenvald, 2013, pp. 3–4]. Посессоры-люди занимают более высокое место в иерархии эмпатии, что делает их более «заметными» для говорящего, чем части их тела или имущество [Velazquez-Castillo, 1996, p. 136]. Один из аспектов неотчуждаемого обладания свя-

зан с партитивностью, которую М. А. Журинская определяет как «выражение отношения части и целого, грамматикализуемое в ряде языков, обычно посредством притяжательных клитик» [Журинская, 1998, с. 389]. Клитизация партитивных имен и других имен релятивной семантики рассматривается исследователем как выражение неотторжимой принадлежности.

За этими типологическими закономерностями стоят когнитивные механизмы, объясняющие, в частности, пути развития значений глаголов обладания. С точки зрения когнитивной лингвистики, одним из таких механизмов является концептуальный перенос. В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальная метафора рассматривается как способ осмысления одной области опыта посредством другой [Lakoff, Johnson, 1980, p. 5; Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27]. Применительно к посессивности прототипическая ситуация физического владения может выступать в качестве модели-источника, позволяющей осмыслять абстрактные отношения (временные, причинные, социальные и др.) по образцу отношений физического обладания [Козлова, 2010б].

Другой аспект когнитивного описания посессивности представлен в исследованиях Р. Лангакера, который рассматривает способность человека использовать один объект как ориентир для установления ментального контакта с другим. В предложенной им модели посессор выступает точкой отсчета, обеспечивающей ментальный доступ к посессуму [Langacker, 1993; 1995]. Так, глаголы со значением обладания кодируют посессор как точку отсчета, через которую говорящий получает ментальный доступ к обладаемому объекту. С посессивностью связано понятие домениона – области концептуального пространства, к которой точка отсчета предоставляет доступ [Langacker, 1993].

Если когнитивная метафора объясняет перенос от физического действия к осмыслению абстрактных отношений, то сохранение связи между исходным и переносными употреблениями может быть описано через понятие семантического архетипа. И. В. Шапошникова отмечает «сохранение мотивационной базы в семантической структуре широкозначных глаголов». В качестве такой базы выступает «семантический архетип, позволяющий сохранить соотнесенность с исходным концептом»

[Шапошникова, 2005, с. 17]. Семантический архетип в таком случае служит областью-источником когнитивной метафоры: абстрактные отношения осмысляются по аналогии с прототипическими действиями человека с вещными объектами.

Этот механизм проявляется, в частности, в глаголах, маркирующих не статичное владение, а динамическую ситуацию изменения отношения обладания, например, в немецком *finden* ‘находить’ [Калинина, 2011, с. 74]. Концептуализация получения как перехода объекта в сферу контроля субъекта, в целом, проявляется в обширном классе глаголов приобретения [Langacker, 1991, p. 212; Aikhenvald, 2013, p. 28], например, англ. *get* ‘получать’, нем. *kriegen* ‘получать (разг.)’, *erhalten* ‘получать (форм.)’. Наряду с сохранением семантического каркаса в современном языке (особенно в немецком) наблюдается, однако, и противоположная тенденция: рост аналитических глагольно-именных конструкций, где лексическое значение глагола ослабляется, а семантическим ядром становится абстрактное существительное со значением процесса или признака [Гутарова, 2019], например, нем. *zur Anwendung kommen* ‘применяться’.

Обе тенденции – сохранение смысловой целостности глагола и его десемантизация в аналитических конструкциях – подчеркивают один и тот же факт: значение глаголов обладания не сводится к статичной словарной дефиниции. С позиции психолингвистического подхода оно рассматривается как гибкая когнитивная структура, вбирающая в себя перцептивный, эмоциональный и коммуникативный опыт носителя, и адаптирующаяся к конкретному речевому акту [Стернин, 2011; Сазонова, 2014]. Такое понимание значения предполагает переход от описания отдельной лексемы к рассмотрению функциональной организации языка в речевой деятельности. И. В. Шапошникова связывает эту организацию с «регуляцией системы ЯЗЫК 1 на смысловой основе» […] и выдвигает гипотезу о «мотивированности грамматики как системы, обеспечивающей удаление избыточности для достижения конкретного полезного результата в акте вербальной коммуникации» [Шапошникова, 2024, с. 107]. В соответствии с этим принципом категория обладания рассматривается в настоящем исследовании не только как совокупность лексико-грамматических средств, но и как фрагмент языкового сознания, элементы которого образуют систему ассоциативных связей.

Обладание с психолингвистической точки зрения анализируется через призму «образа мира», так как именно через него язык обеспечивает доступ к культуре [Ufimtseva, 2014, p. 1], и структур языкового сознания, сформированных социальными знаниями, связанными с языковыми знаками [Tarasov, 1988, p. 174]. Конкретизация значения осуществляется в процессе интерпретации с опорой на ситуацию и индивидуальный опыт носителя языка [Сазонова, 2014].

Таким образом, глаголы с семантикой обладания занимают важное место в языковой системе, находясь на пересечении грамматики, лексической семантики и когнитивных процессов. Лингвистический анализ категории обладания позволяет описать формальные способы выражения отношений собственности и принадлежности, тогда как психолингвистический подход – рассмотреть, как эти отношения представлены в языковом сознании носителей и какие смысловые акценты актуализируются при их выражении. Сопоставительный анализ позволяет выявить общие тенденции и различия в организации данного фрагмента языкового сознания.

Выводы

В настоящем исследовании разграничиваются уровень описания образа мира как психической реальности и уровень экспериментальных данных, на основании которых могут изучаться отдельные особенности функционирования языкового сознания. Вербальная реакция в АЭ не является непосредственным фрагментом образа мира или готовой единицей внутреннего лексикона, а фиксирует одно из направлений актуализации связей слова в заданных условиях. Поэтому суждения об образе мира могут основываться только на последующей интерпретации выявленных в эксперименте отношений.

В соответствии с этим определяется статус основных единиц анализа ассоциативного материала. АЭ служит способом получения вербальных реакций, в которых проявляются функционально актуализируемые связи исследуемых единиц. В отдельном АП представлена совокупность реакций на один стимул; сопоставление полей позволяет выявлять повторяющиеся реакции и межстимульные связи. Ассоциа-

тивно-вербальная сеть представляет собой построенную на этой основе модель системы экспериментально выявленных отношений и не отождествляется с внутренним лексиконом или языковым сознанием в целом.

Это разграничение необходимо учитывать и при соотнесении экспериментально выявленных связей с лингвистическими моделями значения. При описании семантически сложных единиц разграничиваются модели многозначности и широкозначности. Первая предполагает выделение нескольких относительно самостоятельных, но связанных между собой лексико-семантических вариантов; вторая – сохранение единого высокообобщенного семантического основания, конкретизируемого в различных контекстах. Для широкозначных глаголов существенны высокая степень обобщенности значения, широкий объем семантико-синтаксических валентностей и сохранение семантического единства при расширении сферы функционирования. Однако отнесение единицы к той или иной лингвистической модели само по себе не определяет характер ее психологически актуализируемого содержания; соотношение этих уровней устанавливается на основании экспериментальных данных.

Так, в АП *хабэ* ‘иметь’ представлены материальное обладание, родственные отношения, неотчуждаемая принадлежность и абстрактные состояния, сохраняющие общую посессивную основу. Одновременно совпадение отдельных реакций в полях *хабэ* и других глаголов исследуемой семантической группы позволяет выявлять связи между различными аспектами обладания. Тем самым предметом дальнейшего анализа становится не только содержание отдельных АП, но и характер отношений между ними.

Отношения между субъектом и объектом по-разному осмысляются и выражаются в различных языках и культурах, поэтому посессивность не рассматривается как единообразно организованная языковая универсалия. В настоящем исследовании она выступает как локальная область посессивных отношений, представленная выбранной семантической группой глаголов. Теоретические положения главы задают последовательность дальнейшего анализа: от лингвистического описания значений к экспериментально полученным реакциям и связям между АП, а затем к их

психолингвистической интерпретации. Характер и выраженность этих связей создают основание для последующих суждений об организации соответствующего фрагмента языкового сознания.

Глава 2
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ СИБИРИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

1. Этнолингвистические и историко-культурные факторы формирования самобытности меннонитской общины

Поскольку языковое сознание не существует в культурном вакууме, а принадлежит конкретному этносу, связано с его историей, бытом и мировидением, для того чтобы понять, как носители той или иной лингвокультуры «овнешняют» анализируемые понятия, целесообразно обратиться к методам этнолингвистики, рассматривающей язык не как автономную психическую систему, а как феномен, глубоко укорененный в культуре этноса.

Вопросы связи языка и культуры обнаруживаются в работах немецкого философа XVIII в. И. Г. Гердера [Herder, 1772]. И позднее, в начале XIX в., в трудах немецкого языковеда В. фон Гумбольдта [1984; 1985]. Как особое направление языкознания этнолингвистика появилась в XX в. благодаря американским лингвистам-антропологам Ф. Боасу [1965] и Э. Сепиру [1934], изучавшим бесписьменные языки и культуру американских индейцев. Э. Сепир утверждал, что «речь есть чисто историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления. Она многообразна, как и всякая творческая деятельность, быть может, не столь осознанно, но все же не в меньшей степени, чем религия, верования, обычаи, искусства разных народов» [Там же, с. 6]. В первой половине XX в. идея взаимосвязи языка и мышления получила дальнейшее развитие в американской антропологической лингвистике. В частности, в гипотезе Сепира-Уорфа, центральная идея которой состоит в том, что язык служит не только средством описания опыта, но и способом его структурирования для носителей языка [Hoijer, 1954, p. 93]. Позднее в научной литературе были разграничены сильная и слабая интерпретации гипотезы. Согласно сильной интерпретации, структура родного языка определяет формирование миро-

видения его носителей, слабая интерпретация предполагает, что структурные различия между языками соотносятся с различиями в неязыковых когнитивных процессах [Brown, 1976, p. 128].

Детерминистская интерпретация гипотезы лингвистической относительности не получила эмпирического подтверждения и была отвергнута. Вместе с тем ее умеренные варианты, предполагающие ограниченное и зависящее от конкретной когнитивной области влияние языковых категорий на восприятие и концептуализацию, сохраняют научную значимость и получают частичную экспериментальную поддержку [Lucy, 1997; Wolff, Holmes, 2011]. В частности, усвоение и использование реляционной лексики может способствовать формированию и применению реляционных понятий [Gentner, 2016].

Развитие отечественной этнолингвистики проходило под сильным влиянием идей В. Гумбольдта, что отражено, например, в работах А. А. Потебни «Мысль и язык» (1862 г.) и Г. Г. Шпета «Внутренняя форма слова» (1927 г.). А. А. Потебня считал, что «мысль о сравнении всех языков есть для языкознания такое же великое открытие, как идея человечества – для истории. И то и другое основано на несомненной, хотя многими не осознаваемой истине, что начала, развиваемые жизнью отдельных языков и народов, различны и не заменимы одно другим, но указывают на другие и требуют со стороны их дополнения. В противном случае, то есть если бы языки были повторением одного и того же в другой форме, сравнение их не имело бы смысла, точно так, как история была бы одною огромною, утомительною тавтологиею, если бы народности твердили зады, не внося новых начал в жизнь человечества» [Потебня, 1999, с. 45].

Наибольшую ясность термин «этнос» получил в определении С. М. Широкогорова, детерминировавшего этнос «как группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [Широкогоров, 1923, с. 13]. Позднее Ю. Бромлей предложил определение, продолжавшее идеи С. М. Широкогорова, согласно которому, этнос – «исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, обладающих об-

щими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием)» [Бромлей, 1983, с. 58].

В традициях современных исследований уточняется, что «этносу присущи общность происхождения, исторического прошлого, общие традиции, обычаи, нормы поведения, обряды, привычки, наличие специфических механизмов передачи от поколения к поколению навыков и способов жизнедеятельности народов» [Росенко, 2007, с. 132].

По мнению Э. С. Маркаряна, своеобразие этнических культур обусловлено особой организацией опыта и представляет собой «результат особой, свойственной лишь данной культуре системы организации элементов опыта, который сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур» [Маркарян, 1969, с. 68]. В свою очередь, А. А. Леонтьев трактовал эту непохожесть на языке психолингвистики: «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев, 1993, с. 20].

Одним из наиболее убедительных подтверждений того, что сознание этнически обусловлено и не сводится к простому «перекодированию», стали наблюдения над языками американских индейцев, сделанные Б. Уорфом. М. И. Черемисина, обобщая эти наблюдения, сформулировала суть связи этнического и языкового, показав, как языковая прагматика непосредственно формирует мировоззрение: «на интересную чисто семантическую особенность языков американских индейцев обратил внимание Б. Уорф: эти языки совершенно чужды той метафоризации, которая насквозь пронизывает европейские языки и ощущается их носителями как “природное свойство” человеческого сознания. Суть этого принципа – пространственное представление непространственных отношений. Американским индейцам совершенно чужд такой тип переносов» [Черемисина, 1992, с. 76].

Итак, язык – один из важнейших компонентов любой культуры и любого этноса. Он передает традиции, ценности, мировоззрение и историю народа, а также объединяет людей, являясь ключом к взаимопониманию между индивидами. Связь

языка и этноса неразрывна. Язык сохраняет в себе уникальные этнические особенности и отражает образ мышления и взгляды на мир. Смысловое поле этнической культуры и специфика этнической традиции, в свою очередь, влияют на различные уровни языка, в том числе на лексический, грамматический и фонетический. Взаимосвязь языка и этноса позволяет наблюдать изменения в эволюции этноса, его культурной среде и его идентификации.

Сибирь – регион, богатый не только природой, но и языками, сосуществующими на ее территории. Однако, помимо языков Сибири, на ее территории представлен также язык немцев-меннонитов – плотдич.

Наименование «меннониты» имеет религиозное происхождение. Так называли мирных крещенцев – последователей бывшего католического священника Менно Симонса, который стремился остановить жестокое, не соответствующее духу Евангелия бунтарское движение крещенцев, распространившееся в Западной Фрисландии (ныне Нидерланды), с помощью проповеди. В основе их верования лежали несогласие с милитаристскими режимами и стремление к мирному существованию, что остается характерной чертой и современных меннонитских сообществ.

Первое упоминание названия «меннониты» по отношению к последователям М. Симонса встречается в 1545 г., в XVI–XIX вв. его постепенно приняли другие анабаптистские общины, за исключением нидерландских общин, сохраняющих наименование *Doopsgezinden* ‘сознательно принимающие крещение’.

Несмотря на продолжавшиеся преследования со стороны властей, меннонитское движение распространилось в Нидерландах, Северной Германии, Рейнской области и Швейцарии. Уже в конце XVI в. меннониты получают возможность открыто исповедовать свою веру в Республике соединенных провинций. Но при этом из-за требований полной свободы вероисповедания и непризнания ряда форм взаимодействия с государственными структурами, такими как отказ от военной службы, принесения присяг, вплоть до XIX в. в большинстве стран Европы меннониты подвергались репрессиям, что стало причиной дальнейшей эмиграции в Америку и Российскую империю. Таким образом, многие меннониты-беженцы оказались в г. Данциг (ныне г. Гданьск, Польша) [Эпп, 2011].

Лишь немногие могли легально пребывать не территории Польши – им было позволено оставаться на заболоченных территориях между Данцигом и Восточной

Пруссией и заниматься освоением этих земель, развивая сельское хозяйство. Трудолюбие и умения меннонитов позволили превратить некогда неблагоприятные для земледелия территории в цветущий край. Однако в конце XVIII в. после первого раздела Польши места поселения меннонитов оказались под влиянием милитаристской Пруссии. В это же время меннониты были приглашены Екатериной II в Российскую империю для освоения территорий [Эпп, 2011]. Российская империя стала благоприятным пристанищем для меннонитов из-за географического положения и относительной веротерпимости [Найдич, Либерт, 2021]. Так меннониты основали колонию Хортица на правом берегу Днепра, а в начале XIX в. во время правления Александра I самую большую колонию – Молочную. Начиная с 1804 г. образовывались другие колонии: вблизи Мелитополя на реке Молочная. Рост населения привел к расформированию материнских колоний, новые, дочерние поселения возникли «вблизи Мариуполя, на Дону, в Крыму, на Волге, на Северном Кавказе, в Оренбургской области. Важный меннонитский центр возник в Александровском (Мариупольском) уезде Екатеринославской губернии, куда переселились меннонитские семьи из Хортицы» [Там же, с. 938]. В Сибири меннониты оказались уже в конце XIX в. во времена массового переселения крестьян в Сибирь (1890–1912 гг.), осваивая, в первую очередь, земли Омской области и Алтая [Эпп, 2011; Найдич, Либерт, 2021].

Сложный языковой ландшафт Данцига, влияние различных немецких и голландских диалектов, а также последующее переселение в Российскую империю создали основу для формирования уникальной языковой и этноконфессиональной общности, которая сохраняется и сегодня, несмотря на географическое и культурное рассеяние.

По данным Всемирной конференции меннонитов, в 2009 г. общая численность крещеных членов меннонитских, братских во Христе и родственных анабаптистских церквей в 80 странах составляла около 1,6 млн человек. Больше всего меннонитов проживает на территории США (около 387 тыс.), Демократической Республике Конго (220 тыс.), Эфиопии (172 тыс.), Индии (157 тыс.), Канаде (137 тыс.), Индонезии (88 тыс.), Танзании (64 тыс.), Германии (46 тыс.) [Mennonite World Conference, 2009].

Россия, несмотря на длительную историю присутствия меннонитов на своей территории, в настоящее время не входит в число стран со значительными меннонитскими общинами. По данным Всероссийской переписи населения, в 2020 г. принадлежность к меннонитам указали лишь 5 человек, тогда как в 2010 г. таковых было 4 [Всероссийская перепись населения, 2020]. Официальные статистические данные, однако, не отражают реальной численности общины, поскольку в ходе исследования и непосредственного общения с меннонитами установлено, что при ответе на вопрос о национальности большинство из них идентифицируют себя как немцев и лишь в беседе уточняют, что являются также – или в первую очередь – меннонитами. Подобное разграничение идентичностей и преобладание немецкой национальной самоидентификации представляется закономерным, поскольку «меннониты» – это не национальность, а наименование этноконфессиональной общины. Так, согласно полевым исследованиям, численность меннонитов на территории России – примерно 3 тысячи человек [Найдич, Либерт, 2021].

В России меннонитские общины на сегодняшний день ареально распределяются следующим образом:

− Алтай: села Полевое, Протасово, Орлово, Кусак, Редкая Дубрава и др. в составе Немецкого национального района;

− Новосибирская область: деревня Неудачино;

− Омская область: деревни Солнцевка, Миролюбовка, Аполлоновка.

Описывая жизнь немцев-меннонитов Омской области в XX в., П. Ран [Rahn, 1975] отмечает, что в Омской области существовала разветвленная сеть меннонитских поселений, большинство из которых располагалось вдоль Западно-Сибирской железной дороги на участке от Петропавловска до Татарской. В общей сложности на этой территории насчитывалось 36 деревень и около 30 хуторов, привязанных к станциям Исилькуль, Горькое, Куломзино, Москаленки, Пикетное, Марьяновка и др. К числу наиболее значительных деревень относились Маргенау, Фриденсру, Пучково, Николаифельд, Ивановка, Александровка, Корнеевка, Екатериновка, Чукреевка, Смоляновка, Чунаевка, Кремлев, Розенорт, Тигервейде, Петровка, Федоровка, Любимовка, Путинцовка, Гамберг, Вальдгейм, Визенфельд, Березовка, Григорьевка, Александркрон, Алексеевка, Лузино, Краснополье, Масляновка, Михайловка. Помимо деревень существовали многочисленные хутора, часто носившие

имена владельцев, – Беккерхутор, хутора Генриха Фр. Янцена, Фрезе, Вина, Якоба Фраста, Ремпеннинга, а также Геймталь, Новополь и Приветное. Наиболее высокая плотность застройки наблюдалась между станциями Исилькуль и Москаленки.

Автор также отмечает, что меннониты всегда стремились к созданию закрытых поселений и хуторов, где в кратчайшие сроки возводили собственные школы и молитвенные дома, поддерживая высокий уровень грамотности и духовной сплоченности общины. Языком повседневного общения меннонитов служил плотдич. Важное место в культурной жизни общины занимали также музыкальные традиции. Благосостояние меннонитов строилось на глубокой взаимопомощи, честности и стремлении к образцовому порядку как в труде, так и в общественной жизни [Rahn, 1975].

Сегодня меннониты живут компактными поселениями по всему миру, владея несколькими языками: родным языком / диалектом, литературным немецким и языками окружения (русский, английский, немецкий), использующимися как контактные языки [Nieuweboer, 1998, S. 191].

При этом у меннонитов наблюдается двойственность природы этнического самосознания под влиянием стыка культур и билингвизма. Некоторые меннониты относят себя исключительно к немцам / плотдич (по названию языка, на котором они говорят), другие считают себя наполовину немцами / плотдич, наполовину – русскими (в случае меннонитов, проживающих на территории России), третьи противопоставляют старшее и младшее поколения, относя старших к плотдич, а молодежь – к той культуре, в которой существуют меннониты [Сержанова, Груба, 2017].

Согласно А. Н. Ипатову, «меннонитство необходимо рассматривать как цельное религиозное направление со своей теологической доктриной и культовой практикой» [Ипатов, 1987, с. 4]. Поскольку несмотря на догматическое и обрядовое родство с баптизмом, как и с другими протестантскими течениями, оно отличается от них: особенностями теологической доктрины и культовой практикой, которыми меннонитство сильнее всего воздействует на своих последователей [Там же].

Интерес к изучению культуры и языка немцев-меннонитов вызывает как их история, так и их сохранившаяся самобытность. Несмотря на территориальную разрозненность и различные географические перемещения меннонитов, проживающих в

разных странах, сохраняется единая немецко-меннонитская идентичность, дополняемая контактной культурой, с которой меннониты лишь взаимодействуют, не ассимилируя полностью.

2. Плотдич: история, особенности и статус

Плотдич – диалект меннонитов, языковой идиом особого рода, оформление которого началось в Западной Пруссии в низовьях Вислы в XVI–XVII вв. [Quiring, 1985].

Этимология и история формирования плотдич отражают сложный путь миграции меннонитов и их языковое взаимодействие с различными культурами на протяжении веков. Название языка является самоназванием и произносится как «пло(у)тдич» или «плаутдич» [Найдич, Либерт, 2020, с. 31]. Наименование *Plautdietsch* состоит из двух компонентов:

1) *plaut* – традиционно этот корень связывают с понятием «плоский» или «низкий» (*flat*), что указывает на географическое происхождение диалекта из низменных прибрежных районов [Epp, 1987, p. 68]. Однако существует и другая трактовка: слово может происходить от нидерландского корня *-platt-*, означающего «ясный» или «понятный» [Ibid.]. Как отмечает Ф. Шпехт, когда носитель нижненемецкого не понимает чью-то речь, он может спросить: *Kannst mie at nich platt seggen*? ‘Разве ты не можешь сказать это мне ясно (*platt*)?» [Specht, 1969, S. 11];

2) корень *-dietsch-* является когнатом немецкого *Deutsch* и голландского *Diets*, исторически обозначавших язык народа (в отличие от латыни) [Epp, 1987, p. 66].

Часто плотдич классифицируется как вариант нижненемецкого языка прусского типа (*Low Prussian*), имеющий значительное сходство с говорами, существовавшими в районе Гданьска (Данцига) до середины XX в. [Найдич, Либерт, 2020, с. 32].

Развитие диалектов в районе Данцига, дельты Вислы и окрестностей, включая Вердер, Нерунг и Нидерунг, происходило под влиянием целого ряда исторических, социальных и лингвистических факторов [Tolksdorf, 1985]. С XVI в. в эти районы начали прибывать голландские меннониты, получившие особые привилегии за свои навыки в мелиорации и освоении заболоченных земель.

В период между 1530 и 1570 гг. меннониты были исключительно голландоязычными. Переломным моментом послужила первая проповедь на литературном немецком языке, прочитанная в 1762 г., а с 1767 г. переход к нему начался в сельских общинах. К 1780-м гг. голландский язык практически вышел из употребления: в быту утвердился местный нижненемецкий диалект, а в церквях и школах – литературный немецкий язык. Именно этот нижненемецкий диалект, усвоенный меннонитами в дельте Вислы, лег в основу будущего языка плотдич.

Языковая ситуация была осложнена многоуровневым городским языковым ландшафтом Данцига: нижненемецкий использовался преимущественно ремесленниками и рабочими, тогда как верхненемецкий ассоциировался с образованными слоями населения. Как крупный торговый центр, город также стал важным узлом языкового обмена, что способствовало процессам стандартизации языка [Jähnig, Letkemann, 1985].

Основное ядро идиома сформировалось в течение примерно 250 лет проживания общины в низовьях Вислы [Найдич, Либерт, 2020, с. 29]. В этот период плотдич вобрал в себя лексику фризско-нидерландского происхождения, которая сохранилась до сих пор, например: *Meiw* ‘рукав’ и *Varjoa* ‘весна’ [Там же].

Окончательное оформление языка произошло после переселения меннонитов в Северное Причерноморье в конце XVIII в. Именно здесь выделились два его основных диалекта – хортицкий и молочанский, имеющие небольшие фонетические различия [Там же, с. 31]. Поскольку общины Хортица и Молочная покинули регион Вислы еще до того, как диалекты на территории Германии подверглись сильному воздействию литературного языка, речь их жителей «законсервировала» многие архаичные черты нижнепрусского диалекта XVIII в.

Согласно М. В. и Е. М. Бондаренко, плотдич – диалект и может рассматриваться как особое «ответвление» нижненемецкого языка (нем. *Plattdiitsch)*, который меннониты распространили по всей территории Восточной Европы (в Польше, Восточной Пруссии, Украине, России). Кроме того, существует теория, согласно которой меннониты считаются этнически голландской конфессиональной группой, пришедшей из Польши через Восточную Европу в Украину и Россию и говорящей на собственном диалекте – плотдич. В соответствии с этим определением, носители плотдич считаются голландцами, поскольку в XVI в. меннонитов, пришедших из

Нидерландов, Германии, восточно-фризских земель, объединял нидерландский язык, таким образом, саксонский элемент в плотдич объясняется влиянием гронингенского диалекта нидерландского языка. Однако у данной теории есть некоторые неточности: уже в конце XVI в. началось заселение Польши немцами из Нижней Саксонии, в то время как массового переселения голландцев и фризов в XVII в. не наблюдалось [Бондаренко М. В., Бондаренко Е. М., 2013, с. 79].

Попытки обосновать нидерландское, а не немецкое происхождение меннонитов получили в исторической литературе ироническое обозначение «голландство» (нем. *Holländerei*). Применительно к происхождению плотдич подобный подход подвергается критике как «подмена описания современного плотдич, его диасистемы, изложением модели исторической языковой ситуации, в которой начинал формироваться данный диалект в нижне-висленской общине» [Plautdietsch, 2021]. Так, опускается обстоятельство, что язык меннонитов в XVI в. в Польше и в XVIII в. в Пруссии как на стандартном, так и на диалектном уровнях имел разную генетическую основу, поскольку к этому времени его диалектная база изменилась от нидерландской к нижненемецкой [Postma, 1959, S. 106; Ипатов, 1987, с. 12]. Таким образом, «меннониты, пришедшие из Пруссии и поселившиеся в конце XVIII в. в южно-украинских колониях Хортица и Молочная, имели уже вполне сформировавшийся обиходно-разговорный диалект плотдич на низовом уровне общения и *Hochdeutsch* в качестве “эталонного” языка» [Бондаренко М. В., Бондаренко Е. М., 2013, с. 80].

Одной из наиболее обсуждаемых проблем исследования плотдич является его языковой статус. На данный момент мнения исследователей разделены: некоторые придерживаются позиции, что плотдич – один из диалектов немецкого языка, другие – выделяют плотдич как самостоятельный язык. Согласно Г. Сименсу, одному из ведущих исследователей и носителю плотдич, плотдич – язык. Позиция Г. Сименса обоснована попаданием плотдич под защиту Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, по определению хартии – диалекты под защиту не попадают [Сименс, 2014]. М. Енен, носитель плотдич, отмечает, что помимо защиты хартии, плотдич считается самостоятельным языком из-за наличия в нем собственных диалектов [Jänen, 2022].

Фундаментальное значение для социолингвистики имеет классификация Х. Клосса [Kloss, 1967], предложившего разграничивать пути обретения языком статуса самостоятельной единицы на основе критериев внутренней дистанции и социального конструирования. Данная дихотомия позволяет объяснить, почему в одних случаях лингвистическая близость не препятствует признанию идиомов отдельными языками, а в других – даже уникальные в структурном плане идиомы воспринимаются как диалекты.

Первый путь – *Abstandsprache* (абштанд-язык, «отстоящий язык») – основан на объективной лингвистической дистанции. В этом случае идиом квалифицируется как язык в силу своей структурной удаленности от всех прочих языковых систем, что делает взаимопонимание без специального обучения невозможным. Как поясняет Х. Клосс, понятие *Abstand* применимо преимущественно к устной форме и фиксирует разрывы между устными идиомами вне зависимости от наличия у них литературной нормы. Примером служат пары типологически неродственных языков (баскский и французский).

Второй путь – *Ausbausprache* (аусбау-язык, «развитый язык») – идиом, используемый автономно по отношению к другим языкам. Данное понятие является первично социологическим и относится к языкам, которые были «преднамеренно переформированы, чтобы стать средством разнообразного литературного выражения» [Kloss, 1967, p. 29]. Ключевым здесь является наличие письменного стандарта и его использование в таких сферах, как наука, судопроизводство и пресса. Как отмечает исследователь, *Ausbau* «выводится из письменного стандарта» [Ibid., p. 32], и именно он нормирует устную речь. Особую значимость эта концепция приобретает при анализе близкородственных идиомов. Даже если носители диалектов составляют единую языковую общность в дописьменный период, создание двух литературных стандартов на основе разных диалектов ведет к формированию двух отдельных аусбау-языков. Иллюстрацией такого типа могут стать отношения между чешским и словацким, датским и шведским, болгарским и македонским, так как именно письменная традиция, а не исключительно взаимопонятность, определяет их статус как отдельных языков [Ibid., 1967, p. 31]. Важно, что многие языки мира, такие как англий-

ский, французский или немецкий, являются одновременно развитыми и отстоящими, тогда как другие (например, словацкий по отношению к чешскому) обязаны своим статусом исключительно институционализации.

Для многих германских идиомов, существующих в рамках этноконфессиональной группы, типично явление «бескрышности» (*roofless* / *dachlos*): они более не соотносятся с единым литературным стандартом метрополии как с нормой [Nieuweboer, 1999; te Velde, Vosburg, 2019]. Среди них: пенсильванско-немецкий, функционирующий в общинах амишей и меннонитов США без письменной кодификации и официального статуса [Louden, 2016], плотдич, а также исторически люксембургский, который лишь в конце XX в. обрел статус национального языка, выйдя из «бескрышного» состояния. В случае плотдич отсутствие кодификации и единой письменной нормы в диаспоре приводит к высокой вариативности языка, когда носители из разных стран с трудом понимают друг друга [Либерт, 2019а].

Таким образом, отстоящий язык (*Abstandsprache*) – это язык, который «родился» самостоятельным, а развитый язык (*Ausbausprache*) – это язык, который «стал» самостоятельным в процессе исторического и социального развития. плотдич, обладая дистанцией (*Abstand*), остается «бескрышным» (*roofless*) и часто воспринимается как диалект именно из-за отсутствия общепринятой кодификации (*Ausbau*) [te Velde, Vosburg, 2019; Либерт, 2019а]. В этом отношении показательна его глубокая параллель с идишем.

Идиш и плотдич восходят к западногерманской диалектной основе, формировались в условиях длительной территориальной изоляции и функционировали как средства общения замкнутых этноконфессиональных сообществ [Bach, 1969; Hutterer, 1975, S. 285; Канакин, Валл, 1994, с. 2; Либерт, 2010, с. 190; 2012, с. 4–5]. Оба идиома приобрели значительную структурную дистанцию от немецкого языка.

Своеобразие идиша связано с взаимодействием германского, семитского и славянского компонентов, повлиявших на его лексику, вокализм, консонантизм и систему глагольного аспекта [Берков, 2001; Jakobson, 1962; Weinreich, 2008]. Плотдич характеризуется оригинальной фонологической системой, развитой палатализацией, отсутствием второго передвижения согласных, аналитизацией, частичной утратой [Quiring, 1928, p. 42; Brandt, 1991; Либерт, 2010, с. 187–188; Libert, 2014, p. 423–426;

te Velde, Vosburg, 2019, p. 258–259; Шиндрова, 2025] и «сокращением падежных противопоставлений и преимущественно средним родом диминутивов» [Либерт, 2018, с. 15]. Идиш не только сохранил, но и развил генитивное маркирование, тогда как в плотдич посессивные отношения выражаются преимущественно аналитическими конструкциями [Thiessen, Reimer, 1983; Hoge, 2018; Roehrs, 2022, p. 352].

Различие в современном статусе идиша и плотдич обусловлено прежде всего социальными и институциональными факторами [Теркулов, 2023, с. 144]. Присвоению идишу статуса самостоятельного языка способствовали еврейское национальное движение, провозглашение его национальным языком на Черновицкой конференции 1908 г. и создание в 1925 г. института YIVO [Weinreich, 2008, p. 101; Weinberg, 2008, p. 470]. В результате языкового планирования был сформирован стандартный идиш – *klal-shprakh*, объединивший черты разных диалектов; были разработаны единая орфография, правила романизации, грамматики и учебные материалы [Weinreich, 1968; Mark, 1978; Jacobs, 2005, p. 287; Fishman, 2008].

Институциональная поддержка позволила идишу функционировать как литературному языку в различных коммуникативных сферах [Fishman, 2005; Estraikh, 2008]. Плотдич, напротив, не имеет единого кодифицирующего центра. Формированию общей нормы препятствуют различия между хортицким и молочанским диалектами, территориальная разобщенность носителей и сосуществование региональных письменных традиций в Канаде, Германии, России и странах Латинской Америки [Nieuweboer, 1999; te Velde, Vosburg, 2019; Либерт, 2019a].

При этом предлагаемые системы записи не всегда принимаются носителями. Например, в Сибири сосуществуют кириллические, латинские и смешанные способы письменной фиксации [Канакин, 1983; Либерт, 2019a; Налетова, Григорьева, 2023; Сорокина, 2023; Григорьева, 2026]. Вместе с тем отсутствие стандартизации компенсируется устойчивой межпоколенческой передачей языка, внутренней сплоченностью меннонитских общин и практиками «защитной изоляции» [Libert, 2014; Louden, 2016]. Плотдич сохраняется как культурный язык и маркер этноконфессиональной принадлежности [Nieuweboer, de Graaf, 1994; Siemens, 2012; te Velde, Vosburg, 2019], а его символическая ценность связывается носителями с религиозным наследием, историей миграций и памятью общины [Cox, 2008; Григорьева,

2023; Налетова, Григорьева, 2023]. При этом самостоятельность плотдич признается рядом исследователей и отражена в лингвистическом каталоге *Glottolog* [Glottolog].

Итак, оба идиома развились из диалектов в полноценные языковые системы благодаря уникальной религиозной идентичности (меннонитство и иудаизм), сформировав собственную грамматику и литературную традицию. Однако дальнейшие пути разошлись: идиш стал классическим примером развитого языка именно за счет создания мощной кодификационной базы – института YIVO, что окончательно вывело его из разряда диалектов [Weinreich, 2008; Либерт, 2012; Siemens, 2025].

Влияние этноконфессиональной группы на миноритарные германские языки носит, в свою очередь, двойственный характер: с одной стороны, изоляция способствует формированию уникальных независимых систем («дочерних языков», *Tochtersprache*), с другой – иноязычное окружение неизбежно ведет к структурной интерференции и угрозе постепенной ассимиляции [Либерт, 2012; te Velde, Vosburg, 2019]. Так, идиш и плотдич определяются как «дочерние языки», поскольку они окончательно оформились в условиях диаспоры, кроме того, такой статус позволяет подчеркнуть их автономию [Hutterer, 1975, S. 285; Либерт, 2010, с. 186].

В диаспоре миноритарный язык часто оказывается в ситуации триглоссии, где функции жестко распределены: L-разновидность (Low) – родной язык (например, плотдич) используется только в семье и быту; H-разновидность (High) – литературный (немецкий) используется в религии и образовании; E-разновидность (External) – государственный язык (русский, английский) используется для контактов с внешним миром [te Velde, Vosburg, 2019, p. 277]. Процесс «вертикализации», когда местные общинные связи заменяются национальными структурами (государственные школы, общая экономика), неизбежно ведет к доминированию государственного языка и постепенному отмиранию миноритарного [Salmons, 2005, p. 132–135].

Итак, статус языка зависит не только от генетической дистанции (*Abstand*) – т. е. степени структурного сходства или различия между идиомами, обусловленной их общим происхождением, но и от степени его социальной «достройки» (*Ausbau*). Отсутствие последней в условиях диаспоры обрекает миноритарный идиом на роль «бескрышного» диалекта, функционирующего в жестких рамках триглоссии и подверженного ассимиляции.

Согласно немецкому германисту Г. Леффлеру [Löffler, 2003], выделение диалекта из материнского языка или отделение его от соседних диалектов должно происходить с учетом нескольких критериев.

1. Лексический критерий. Диалект – подсистема Я1 (Язык 1) всеохватывающей языковой системы Я (сам язык). Частичное возмещение или отклонение между Я и Я1 происходит на всех грамматических уровнях лишь в той степени, чтобы сохранить двустороннее понимание. Соответственно, диалект является в таком случае вариантом языковой системы с «ненарушенной понятностью» (*mit ungestörter Verstehbarkeit*). Однако нельзя точно указать, до какой степени языковые единицы варьируются, чтобы понятность не нарушалась.

Ф. Б. Агард [Agard, 1971] более точно определил лингвистические отклонения между всеобъемлющей языковой системой и диалектом, производным от нее, допуская только определенные системные отклонения, например, в морфонематической области. Если отклонения превалируют, это уже не два диалекта, а два разных языка.

Таким образом, согласно лексическому критерию, отличия диалекта немецкого языка от литературной нормы выражаются следующим образом:

– диалект: скудное содержание (*dürftige Besetzung*) на всех грамматических уровнях: отсутствуют целые категории, например, претеритум у глагола; сокращены словарный состав и синтаксический строй; ограничены возможности логического структурирования речи, в частности построения гипотактических структур;

– литературный язык: оптимальное содержание на всех грамматических уровнях. Наличие максимального перечня грамматических категорий, например, таких глагольных форм, как плюсквамперфект и футур II (сложное будущее время). Богатый словарный состав (*maximaler Wortschatz*). Все возможности логической связи.

2. Критерий области использования. Согласно данному критерию предлагается следующее разделение:

– диалект используется в фамильярно-интимном общении, на локальном уровне и на рабочем месте, а также в разговорной речи;

– литературный язык функционирует в ежедневном общении, надлокальном уровне, как в устной, так и в письменной речи, в литературе, искусстве, науке, на торжественных мероприятиях, церковных службах, в официальной речи и школах.

3. Критерий языковых пользователей. В основе данного критерия лежит круг людей, использующих тот или иной вариант языка:

– диалект используется низшими слоями населения: рабочими, фермерами, ремесленниками, мелкими служащими и людьми с низким уровнем образования;

– на литературном языке говорят средние и высшие слои населения, высшие должностные лица, люди академических профессий, общественной и культурной жизни, а также люди со средним общим образованием.

Согласно этому критерию, диалект – язык простого народа. Однако характеристика диалекта как крестьянского языка / языка рабочих может носить лишь случайно-побочный характер. В таком случае описание диалекта со стороны критерия говорящих на том или ином языке не охватывает всех функций использования диалекта.

4. Критерий языкового происхождения. При описании развития языка как неотъемлемой части какой-либо культуры, т. е. становления языка как единой или компромиссной формы между несколькими подъязыками, часто речь идет именно о диалектах.

Таким образом:

– диалект – предшественник, антецедент (*Antecedent*, предпосылка) [Agard, 1971], чистый или действительный мундарт* (*Mundart*, наречие, диалект, говор); хронологически подчиненная ступень развития: десцендент (*Descendent*, преемник), «опустившийся» язык какой-либо культуры (*gesunkene Kultursprache*), жаргон. Стоит отметить, что термины «диалект» и «мундарт» часто используются как абсолютные синонимы, но также часто – для диатопического разграничения. Так, отношения диалекта с мундарт можно описать как отношения холонима и меронима, целого и части. Особые отличительные черты мундарта – произношение и лексический состав. Например: группа диалектов – нижненемецкие диалекты, диалекты – западногерманские и восточногерманские, мундарты – северо-саксонский, вестфальский и остфальский относятся к западногерманским; мекленбургский-переднепомеран-

* Хотя понятия «диалект» и «мундарт» во многих исследованиях не различаются, как и у Г. Леффлера [Löffler, 2003], согласно таким языковедам, как, например, А. Социн и Я. Гримм, диалект – скорее общий вариант, в то время как мундарт больше воспринимается как местный диалект или язык устной реализации, в некотором смысле как представление местной языковой системы [Grimm, 1848; Socin, 1888].

ский, бранденбургский, средне- и восточно-померанский и нижнепрусский – к восточногерманским. Последние нередко считаются диалектами, в связи с чем стирается грань между диалектом и мундартом [Heusinger, 2004, S. 105–112];

– литературный язык – форма языка, объединяющая ранее сформировавшиеся диалекты как языка повседневного и внутрикультурного общения, ступень становления отдельно взятого диалекта как единой языковой нормы. Ступень «угасания» более поздних диалектных разновидностей, формирующихся под влиянием наддиалектной разговорной формы.

Относительно развития немецкого языка и немецких диалектов Г. Леффлер [Löffler, 2003, S. 6] отмечает, что их история представляет собой постоянную смену процессов: формирования разговорного языка на основе диалектов и последующего возникновения новых региональных разновидностей под влиянием наддиалектной формы. Таким образом, из германских, вернее западногерманских, диалектов, не имевших вышестоящего культурного языка, верхненемецкие диалекты развились в самостоятельные языки, такие как идиш или люксембургский.

5. Критерий пространственной протяженности. Именно этот критерий подразумевается чаще всего, когда речь идет об отделении диалектов какого-либо языка. Здесь выделяются следующие разграничения:

– диалект местно- и пространственно-ограничен, имеет территориальную специфику;

– литературный язык надтерриториален, не имеет пространственных ограничений и территориальных особенностей.

Исследование диалектов нередко отождествляют с диалектной или языковой географией. Безусловно, основываясь на географических данных, также можно узнать особые характеристики диалекта. Тем не менее характеристика диалекта не должна основываться исключительно на критерии пространственной протяженности.

6. Критерий коммуникативной досягаемости. Данный критерий тесно связан с пространственной протяженностью. В соответствии с этим критерием:

– диалект обладает ограниченной и потому минимальной коммуникативной досягаемостью, меньшим радиусом понимания;

– литературный язык обладает неограниченной и потому оптимальной коммуникативной досягаемостью, наибольшим радиусом понимания.

Применение вышеперечисленных критериев к плотдич показывает, что его положение нельзя определить однозначно. По сфере употребления и коммуникативной досягаемости он сохраняет черты диалекта: используется преимущественно во внутриобщинном и семейно-бытовом общении, имеет ограниченный круг носителей и сравнительно небольшой радиус понимания. Вместе с тем по критериям происхождения и пространственного распространения плотдич выходит за рамки местной разновидности немецкого языка. Он сформировался на диалектной основе, но длительное время развивался обособленно, распространился за пределами исходного ареала и приобрел региональные варианты. Критерий языковых пользователей требует применительно к плотдич уточнения: круг говорящих определяется принадлежностью к этноконфессиональному сообществу. Таким образом, ограниченность сфер употребления сближает плотдич с диалектом, тогда как самостоятельное историческое развитие, территориальное распространение и структурное своеобразие не позволяют считать его типичным территориальным диалектом.

З. Хойзингер [Heusinger, 2004] противопоставляет современный литературный немецкий язык не только диалекту – диалектизмам, а также выделяет региональную лексику – регионализмы. С точки зрения употребления лексики, автор рассматривает диалектизмы и регионализмы едино, основным разграничением понятий выступают несовпадающие территориальные границы.

Использование регионализмов базируется на пространственной распространенности, которая не всегда конгруэнтна диалектальным границам. Регионализмы воспринимаются говорящими как единицы стандартного языка, а также используются в письменной речи. Например, во всем немецкоязычном пространстве распространена лексема *Kartoffel* ‘картофель’. Основное использование лексемы – север Германии, южные предгорья Альп и до Мангейма, к Западу вдоль Рейна и южнее до Бонна, в то время как в Кельне и некоторых частях вестфальского диалектального пространства, Рудных горах, регионах вокруг Мюнхена, Вене, Инсбруке, Базеле и Верне используется вариант *Erdapfel*. К северу от Берлина в магазинах продается *Nudel*, к югу от Берлина – *Knolle*. В Эйфеле и Хунсруке на кухнях готовится *Grummbeere*. Еще немного южнее от Вюрцбурга до региона на ближнем востоке от

Боденского озера люди знают наравне с *Grummbeere* также *Krummbeere, Erdbirne* и *Bodenbirne.* Среди диалектизмов, наряду с региональными вариантами лексемы *Kartoffel*, можно выделить формы нижненемецких диалектов: *Tüffel, Tuffei, Erfel, Erpel, Duffel, Kantüffel, Kartüffel*, в восточной части Германии к северу от Ганновера существует вариант, относящийся к мундарту, – лексема *Pudel*. К диалектным вариантам относятся также такие лексические единицы, как *Gromper, Grumbire, Grumbir, Härdöpfu, Bodabira, Herdöpfel.*

Ландшафтные регионализмы выбираются в повседневном общении для номинации продуктов питания, профессий, обозначений родства, времени, домашних животных. Благодаря их применению в письменной форме и записи в межрегиональных словарях, они рассматриваются как «заменители» литературного языка. Таким образом, помимо диалектного словаря, сохраняются ареальные варианты, которые также используются в повседневном варианте литературного немецкого языка, а также при письменном общении в регионах.

Диалект сегодня редко служит маркером социального положения. Для некоторых людей он является основным или единственным средством общения и одновременно указывает на их принадлежность к определённой местности. В сельских и локальных сообществах диалект выполняет прежде всего идентификационную функцию: он характеризует говорящего как члена сообщества и открывает ему доступ к формам взаимодействия, закрытым для посторонних.

Таким образом, в классификации З. Хойзингера плотдич определяется как диалект, а не мундарт: он объединяет более узкие территориальные разновидности, которые могут рассматриваться как мундарты. Отсутствие единой надрегиональной литературной нормы и преимущественно внутригрупповое употребление не позволяют отнести его в рамках данной классификации к литературному языку.

Кроме того, исследователи выделяют «базисный диалект» [Wiesinger, 1980; Bellmann, 1983; Niebaum, 1999]. Согласно Г. Белльману, базисный диалект – диалект с самым высоким показателем диалектизации, определенным эксклюзивно-локальным словарным составом, который все чаще оценивается как архаичный [Bellmann, 1983, S. 112]. П. Визингер дает базисному диалекту следующие характеристики: сельский, сильно привязанный к местности, более консервативный с точки зрения

исторического развития диалект, используется маломобильным населением в повседневной речи и имеет малый коммуникативный диапазон [Wiesinger, 1980, S. 188]. Таким образом, отнесение плотдич к диалекту в классификации З. Хойзингера может быть уточнено через понятие базисного диалекта: его характеризуют локальная ограниченность, консервативность, преимущественное употребление в повседневном общении и небольшой коммуникативный диапазон.

В статье «Является ли плотдич языком или диалектом?» (*Ess Plautdietsch eene Sproak ooda een Dialetjt?*) Г. Сименс [Siemens, 2025] рассматривает вопрос о языковом статусе плотдич с трех разных позиций: лингвистической, юридической и политической. С точки зрения Международной организации по стандартизации, плотдич официально признан самостоятельным языком. Ему присвоен отдельный языковой код *pdt*, что ставит его на один уровень с другими признанными языками, в то время как общий код нижненемецкого языка – *nds*. Таким образом, в системе ISO плотдич – это не диалект нижненемецкого, а отдельный язык. Согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (1999), плотдич не признан отдельным языком. В правовом поле Германии он официально считается частью (диалектом) регионального нижненемецкого языка (*Nadadietsch*). Попытки активистов, таких как Петер Винс и общества «*Plautdietsch-Freunde*» (*Plautdietsch Frind*) [Plautdietsch-Freunde e. V.], добиться для него статуса отдельного языка меньшинства в рамках Хартии не увенчались успехом. С социолингвистической точки зрения есть веские аргументы в пользу того, что плотдич является самостоятельным языком. Он обладает собственной грамматикой, словарями, литературой и уникальной структурой. Г. Сименс также упоминает известное изречение М. Вайнрайха: «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот» (*A shprakh iz a diyalekt mit an armey un a flot* / *a language is a dialec twith an army and a navy*) [Weinreich, 1945]. Несмотря на то что у носителей плотдич нет ни того ни другого, ни собственного государства («*Plautland*»), классификация ISO все равно определяет его как язык.

Это противоречие между формальным статусом и реальным восприятием объясняется тем, что, как подчеркивал М. Вайнрайх, статус языка часто является вопросом самосознания и политической воли. Например, есть носители английского языка, которые считают шотландский диалектом английского и, следовательно, его

отклонением, подходящим в лучшем случае для шуток о диалектах и стихов о фермерской жизни. Также есть носители плотдич, которые считают, что их родной язык – «только диалект» или «не лучший вид немецкого» [Weinreich, 1945].

Таким образом, несмотря на то что в официальной политике Германии плотдич продолжает рассматриваться как региональный диалект, по международным техническим стандартам он может считаться языком.

Таблица 1

Статус языка плотдич

Статус	Классификация / параметр	Обоснование
Язык	Юридический (позиция Г. Сименса)	Плотдич попадает под защиту Европейской хартии региональных языков, которая не распространяется на диалекты.
	Технический стандарт (ISO)	Международная организация по стандартизации присвоила плотдич отдельный языковой код *pdt*, отличный от кода нижненемецкого языка (*nds*).
	Социолингвистический	Наличие собственной грамматики, словарей, литературы и уникальной структуры.
	Генетический	Определение его как «дочернего языка» (*Tochtersprache*), окончательно оформившегося в условиях диаспоры и ставшего уникальной независимой системой, аналогично идишу
	Структурно-диалектный (М. Енен)	Статус самостоятельного языка обосновывается наличием у плотдич собственных внутренних диалектов.
	Концепция «отстоящего языка» (*Abstandsprache*) (Х. Клосс)	Плотдич квалифицируется как «отстоящий язык» благодаря объективной лингвистической дистанции и структурной удаленности от других систем.
Диалект	Концепция «развитого языка» (*Ausbausprache)* (Х. Клосс)	Из-за отсутствия общепринятой кодификации и письменного стандарта плотдич остается «бескрышным» (*roofless*) идиомом.

Окончание табл. 1

Лексико-грамматический (Г. Леффлер)	Характеризуется «скудным содержанием» на всех уровнях: отсутствием целых категорий и сокращенным словарным составом.
Иерархический (З. Хойзингер)	Диалект, объединяющий более узкие территориальные мундарты; отсутствие надрегиональной литературной нормы и преимущественно внутригрупповое употребление не позволяют отнести его к литературному языку.
Функциональный (область использования)	Используется преимущественно в фамильярно-интимном общении, в семье и быту (L-разновидность в ситуации триглоссии).
Социальный (критерий пользователей)	Традиционно воспринимается как «язык простого народа» (фермеров, рабочих), идентифицирующий члена конкретного сообщества.
Пространственно-коммуникативный	Имеет территориальную специфику, ограниченную пространственную протяженность и минимальный радиус понимания.
Типологический (базисный диалект)	Рассматривается как сельский, консервативный и архаичный диалект с высоким показателем диалектизации.
Политико-правовой	Официально считается частью (диалектом) регионального нижненемецкого языка (*Nadadietsch*).

Рассмотрев различные классификации (табл. 1), мы можем сделать следующий вывод: языковой статус плотдич остается спорным и зависит от используемых исследователем критериев. При этом необходимо разграничивать статус плотдич в целом и статус исследуемого сибирского идиома, который по своим характеристикам сближается с базисным диалектом. Несмотря на отсутствие единой письменной традиции, на плотдич существуют книги, письменные и телевизионные СМИ. Во многих меннонитских деревнях и поселениях на плотдич ведутся церковные службы, а в некоторых меннонитских школах он также используется в качестве языка обучения. Плотдич имеет особые морфологическую и фонологическую системы, описанные в работах И. А. Канакина и М. Н. Валл [Канакин, 1983; Валл, Канакин, 1986].

Плотдич также сложно отнести к языкам с ограниченной распространенностью, поскольку меннониты проживают не только на территории России: значительное число его носителей живет в Канаде, США, Германии, Казахстане и других странах. Кроме того, обладая специфическими особенностями в разных ареалах распространения, плотдич обнаруживает внутреннюю диалектную вариативность, что является одним из признаков самостоятельного языка. Таким образом, на основании приведенных данных плотдич в целом рассматривается нами как язык, тогда как исследуемый сибирский идиом – как одна из его диалектных разновидностей.

3. Проблемы формирования письменной традиции плотдич

Несмотря на обширную историю попыток человека записать и передать свой опыт и мысли, на сегодняшний день вопрос создания письменности не теряет своей актуальности: в современном мире все еще существуют бесписьменные и младописьменные языки.

В 1920-х гг. в СССР начинается работа по просвещению народов. Поскольку в большинстве своем неграмотными оставались бесписьменные народности, была поставлена задача по созданию письменности для народов, которые ее не имели. Для этого была разработана концепция создания письменности на основе латинского алфавита. Кроме того, предлагалось перевести на латинскую основу письменность народов, ранее использовавших другие графические системы. Под влиянием этого движения за латинизацию и унификацию письменностей некоторые финно-угорские и тюркские народы заменили свои алфавиты, основанные на русской графике, на латинские. В ходе развития письменности народов СССР латинизированный алфавит оказался более удобным, чем арабский. Он позволил отказаться от сложных и неудобных алфавитов и стал промежуточным шагом к переходу на более практичный и необходимый для народов СССР русский алфавит. Использование латинской основы создавало большой разрыв с алфавитами крупнейших народов страны. Этот фактор стал основным аргументом в пользу окончательного выбора кириллической системы письма для новых алфавитов. Однако народы СССР, имевшие письменность на латинской основе (литовцы, латыши, эстонцы), сохранили свою традиционную графику. Также сохранили свое традиционное письмо армяне и грузины.

Большинство же народов СССР перешло на письменность на русской графической основе [Дешериев, 1957].

Разработка алфавитов для бесписьменных языков начиналась с изучения их звукового строя и создания фонетической транскрипции, которая затем использовалась при формировании письменности.

Р. О. Шор выделяет два основных критерия создания письменности:

1) алфавитная система должна быть основана на различиях фонем, которые действительно существуют в языковом сознании носителей языка;

2) создание алфавита не должно усложнить освоение грамоты носителями языка, но должно предполагать «сбережение умственной энергии и облегчение усвоения грамотности народными массами и будущими поколениями» [Шор, 1928, с. 68].

Одним из первых в отечественном языкознании функциональное различие между звуками обозначил П. К. Услар. Он разграничивал «звукокачества», служащие для различения слов и требующие самостоятельного буквенного обозначения, и «звукоколичества» – их многочисленные произносительные варианты [Услар, 1888, с. 11]. И. А. Бодуэн де Куртенэ заложил основы психологической теории фонемы [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 271]. Л. В. Щерба развил эту концепцию, показав, что многочисленные звуковые оттенки, реализуемые в речи, объединяются в ограниченное число фонем, выполняющих смыслоразличительную функцию [Щерба, 1912, с. 8–9].

В 1928 г. Н. Ф. Яковлев предложил универсальные принципы составления алфавита для бесписьменных языков. Он обратил внимание на отсутствие в предшествующих трактовках социальной стороны явления и считал, что фонемами должны признаваться те звуковые отличия, «которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка» [Яковлев, 1928, с. 46]. Таким образом, фонемы определяются как «социально выделяемые в языке звуки», причем «таких звуков в каждом языке существует различное, но всегда строго ограниченное количество» [Там же].

На этой основе Н. Ф. Яковлев разработал математическую теорию составления алфавита. Ее основное положение сформулировано следующим образом: «система практического письма должна графически отражать фонемы данного языка – и только» [Там же, с. 48].

Следовательно, основными проблемами создания алфавита и в настоящее время являются выделение смыслоразличающих для носителей данного языка фонем и выбор одной из уже существующих алфавитных систем как основы для разработки новой письменности.

Обе эти проблемы в полной мере характеризуют и ситуацию в плотдич. Отсутствие единой письменной традиции, наряду с территориальной рассредоточенностью носителей и внутренней вариативностью плотдич, затрудняет его изучение. «В настоящее время существуют три центра меннонитской культуры, где создаются произведения на плотдич – Канада и некоторые страны Южной и Центральной Америки (Парагвай, Белиз, Мексика), Россия и, наконец, в последние десятилетия – Германия» [Либерт, 2019а, с. 35].

В ранний период своего существования (XVI в.) меннониты писали на нидерландском языке, использовав его для богослужебных и религиозных текстов, включая Библию и проповеди. Однако со временем, особенно после переселения в Пруссию и далее в Россию, письменным языком меннонитов стал литературный немецкий, который использовался для официальных документов, церковных записей и переписки. В быту же меннониты говорили на особом идиоме – плотдич, который долгое время существовал преимущественно в устной форме и только в XX в. начал фиксироваться письменно с разными орфографическими традициями в зависимости от региона (Канада, Россия, Германия) [Там же].

Одной из причин отсутствия письменной традиции плотдич является его диалектное происхождение. Нижненемецкие диалекты исторически редко использовались в литературе или официальных документах, уступая место литературному немецкому языку (нем. *Hochdeutsch*) – стандартизированному варианту, распространенному в религиозных и административных сферах [Kloss, 1978, S. 22].

Кроме того, немцы-меннониты избегали ассимиляции и старались сохранять традиционный уклад жизни, ключевую роль в котором играла, прежде всего, передача языка «из уст в уста». Таким образом, использование плотдич оставалось ограниченным бытовыми и сельскохозяйственными сферами. В результате чего язык не находил отражения в формальном письме [Rempel, 1984, S. 25]. Те же тенденции –

устная передача языка и ограниченность его бытом – сохраняются и сегодня. Следовательно, большинство говорящих на плотдич не владеют письменной формой языка.

Однако среди меннонитских диаспор в Канаде и США были предприняты попытки стандартизации письменного плотдич. Тем не менее стандартизация осложняется разнообразием диалектов – их различием на лексическом и фонетическом уровнях, и отсутствием единой системы орфографии, которая могла бы быть легко воспринята носителями разных регионов, что сохраняет язык преимущественно устным [Epp, 1987, p. 70–72].

Таким образом, на сегодняшний день в силу влияния культурного уклада немцев-меннонитов, диалектного разнообразия, и конечно, отсутствия единой письменной традиции плотдич остается главным образом языком бесписьменным. Однако современные инициативы по стандартизации и интерес исследователей к языку могут в будущем способствовать созданию единых норм его письменной фиксации.

Первые попытки письменного творчества на плотдич появились в начале XX в. в форме стихов и рассказов. В послевоенные годы начинается создание более крупных произведений. В России авторы плотдич практиковали малые жанры: стихи и юмористические шванки (70–90-е гг. XX в.) [Либерт, 2019а, с. 35]. Иная картина сложилась в Канаде, где язык меннонитов имеет более молодую, но уже достаточно развитую литературную традицию, представленную такими авторами, как Арнольд Дайк, Руди Уиб, Джек Тиссен и Рубен Эпп. Однако и здесь остро стоит проблема нестабильности письменной нормы, как отмечает Г. Сименс, «немногие авторы, пишущие на плотдич, сами порой меняют собственную орфографию, адаптируя ее для адресата» [Siemens, 2012, S. 16].

Согласно Е. А. Либерт [2019а], выделяется несколько орфографических традиций плотдич, которые в той или иной степени ориентированы на литературную норму немецкого языка.

1. Максимальное сближение с нормами немецкой орфографии (часть авторов России и Германии, некоторые канадские авторы). Для такой орфографической традиции характерны:

− сохранение всех букв немецкого алфавита, часто включая умлауты;

− использование букв *v* / *f* по немецкому образцу;

− использование *h* для отображения долготы;

− написание имени существительного с большой буквы.

2. Отход от немецкой орфографии (прежде всего в Канаде, где меннониты признаются отдельной этнической группой и не считаются немцами). В результате попыток «упразднить» немецкую орфографию в 1984 г. был издан словарь Х. Ремпеля. В словаре:

− последовательно проводится отказ от букв *v, q, y, x*;

− отказ от символа *h* как обозначения долготы;

− используются знаки умлаутов *ä* / *ü*: *Üag* ‘глаз’, *wäa* ‘кто’, *Kjäakj* ‘кухня’, *Däa* ‘дверь’, *läwe* ‘жить’ [Rempel, 1984].

3. Запись при помощи фонетической транскрипции. Попытки записи плотдич при помощи фонетической транскрипции предпринимались отечественными германистами в 1960–80-е гг. прежде всего в рамках диссертационных исследований и сопутствующих публикаций [Авдеев, 1967; Валл, 1974; Jedig, 1966; Гринева, 1979].

4. Подход отечественного лингвиста И. А. Канакина (разработан в 1980-е гг.) [Канакин, 1983; Валл, Канакин, 1986; Kanakin, Wall, 1994] – «полный отказ от диакритических значков (умлаутов), обусловленный не лингвистическими, а техническими (типографскими) причинами» [Либерт, 2019а, с. 37]. В целом, И. А. Канакин придерживался принципов, установленных в [Rempel, 1984]:

− *tj, dj, nj, chj* обозначали мягкие согласные (*etj* ‘я’);

− *zh* и *ts* использовались для обозначения аффрикат (*hiezh* ‘просо’);

− вводились сочетания следующих гласных, включая геминаты: *uu* (*luut* ‘поздно’), *oa* (*foada* ‘отец’), *ei* (*mei* ‘май’), *ou* (*dout* ‘то’), *ee* (*twee* ‘два’), *oo* (*oopa* ‘дедушка’);

− отказ от букв *q, v, x, y* и от написания существительных с большой буквы;

− буквосочетания *ng, sp, st, ie* использовались так же, как и в литературном немецком.

5. Запись кириллицей, хотя она «не позволяет в полной мере отразить особенности вокалической системы плотдич, в частности, изменения позднего характера» [Nieuweboer, 1998, S. 243]. В исследовании Е. А. Либерт кириллическая запись

встречалась у информантов (прежде всего, у детей), например, при попытке написать названия блюд: пирога с вареньем *риблплоц*, несладкой булочки *твойбак*, похожей на хворост выпечки *ролькухен* [Либерт, 2019а, с. 38].

В 2019 г. специально для детей школьного возраста д. Неудачино Новосибирской области Е. А. Либерт подготовила пособие по развитию навыков устной и письменной речи на языке меннонитов *Plautdietsch* (плотдич), опубликованное под названием «*Plautdietsch miene Muttasproak. Leseheft fe Schooltjinja*» («Плотдич – мой родной язык. Тетрадь для чтения для школьников») [Либерт, 2019б]. В качестве формы записи автором был выбран вариант, использующийся в Германии, это объясняется тем, что «язык меннонитов формировался преимущественно в XVII–XVIII веках, когда члены меннонитских общин, выходцы из Нидерландов и Северной Германии, жили на территории Пруссии. Какая-то часть из них обосновалась в конце XVIII века в Российской империи. В лексическом составе плотдич осталось много слов голландского происхождения» [Силантьева, 2020], а все дети, говорящие на плотдич, изучают в школе литературный немецкий язык. Однако, несмотря на апробацию пособия на школьных уроках, сами носители отметили, что запись кириллицей была бы предпочтительней и более понятной [Там же]. Таким образом, данный опыт подчеркивает влияние контактного языка и предпочтительность разработки своей письменной системы на его базе.

Именно кириллическую форму записи мы считаем наиболее удобной при описании плотдич Сибири, поскольку кириллица является алфавитной системой, привычной с детства немцам-меннонитам исследуемого региона, что подтверждается не только информантами Е. А. Либерт, но и нашего исследования.

При совместной с носителем языка [*] расшифровке реакций мы столкнулись с проблемой выбора записи: традиционно принятая в отечественных исследованиях плотдич фонетическая транскрипция и запись латиницей была не понятна для консультанта-носителя, следовательно, нужно было подобрать понятную как консультанту, так и остальным информантам форму записи. Поскольку активно использующаяся на Западе латиница труднодоступна для понимания, а при письменном общении друг с другом, например, в онлайн-переписке, респонденты используют кирил-

[*] М. Д. Шелленберг (Адриан), 2000 г. р.

лическую систему, именно кириллица легла в основу авторской формы записи, разработанной нами при расшифровке аудиального материала, полученного от респондентов.

Эта система, однако, скорее смешанная: представляет собой кириллическую форму записи с использованием дополнительных знаков, поскольку кириллический алфавит не обладает достаточным инвентарем для передачи всех фонем, существующих в плотдич.

Кроме того, важно было выработать такую систему записи, которая сохранит возможность воспроизводить лексемы максимально приближенно к реальному звучанию, поскольку при отсутствии обозначений особых фонем верное произношение слов без помощи носителя становится невозможным. Так, задействованы следующие маркеры:

− знак фонетической транскрипции «:» для передачи долготы: *мо:кэ* ‘делать’, *ла:нг* ‘длинный’;

− апостроф «’» для обозначения мягкости: *д’ыс* ‘этот’, *дэ т’яса* ‘подушка’, *т’и:ть* ‘время’;

− скобки для указания призвука: *вы(э)ршафт* ‘хозяйство’, *лост(ь)ет* ‘веселый’, *рӱ(ую)зомлэ* ‘выбирать’, *нэ бӧ(у)д* ‘в будке’, *эс ешэ(й)т* ‘он хороший (адекватный, нормальный)’, *эн йон(г)* ‘мальчик’;

− умлауты из немецкого алфавита, так как именно с их помощью возможна наиболее близкая передача реального произношения: *бӧм* ‘дерево’, *вӧ (грӧт) эс минь грӧтинт* ‘какой большой мой внук’.

Таким образом, формула авторской записи выглядит следующим образом: кириллица + знаки фонетической транскрипции + латиница. В формулу не включаются указания призвуков, так как для этой цели использовались кириллический алфавит и умлауты, являющиеся частью латиницы.

В ходе нашего исследования собран материал, записанный носителями самостоятельно. Распределение форм записи представляется следующим образом:

− 55 % анкет заполнены кириллицей: *ви ихире не дэ плотдиче* ‘мы принадлежим к плотдиче (немцам, которые говорят на плотдич)’, *кум быт тыэнь* ‘иду до конца’, *ну ойн эфемилье ехире*‘ принадлежать одной семье’. Один из информантов использовал также диакритические знаки, вероятно, с целью указания мягкости /

наличия твердого приступа: *дой хабе фил эрливт эн дерх'йимокт* ‘они много пережили и перенесли’, *тьри'э эн йишеньть* ‘получить подарок’. Остальные респонденты никак не выделяли на письме особые фонемы;

− 36 % – в смешанном формате (кириллицей и латиницей): один из информантов дублировал ответы, записанные латиницей, кириллицей – *Jelt (елт*) ‘деньги’, *Eschentj* (*ешеньть*) ‘подарок’. В других случаях за основу взята кириллическая форма с использованием умлаутов – *ви хёле зех тён* ‘мы держимся все вместе’. Среди последних также единожды встречается использование апострофа: *енух кэнфа'т* ‘достаточно конфет’;

− остальные 9 % – латиницей: *hole en Tent* ‘держать ребёнка’, *hole op apel* ‘люблю яблоки’, *Uabit* ‘работа’. Данная форма записи, как и упомянутые выше, неоднородна. Кроме того, некоторые респонденты придерживались немецкой письменной традиции – сохраняя написание существительных с заглавной буквы. На наш взгляд, важно отметить, что запись латиницей встречается у респондентов школьного возраста. На выбор данной формы записи могло повлиять изучение немецкого языка, а также присутствие и помощь при прохождении опроса консультанта-носителя, который является для информантов учителем немецкого языка.

Разница авторской системы записи и форм, используемых носителями языка, прослеживается на примерах фиксации исследуемых глаголов обладания (табл. 2). В приведенных сопоставлениях наблюдается, что

− среди вариантов, приведенных информантами, хотя бы один раз используется форма, совпадающая с авторской (выделены полужирным шрифтом). Лишь три глагола не имеют совпадений с авторской записью – глаголы со значениями «принадлежать» и «хватать», а также один из глаголов со значением «узнавать, убеждаться на опыте»;

− последний, кроме того, интересен тем, что не имеет ни одного повторения, каждый из приведенных вариантов записи уникален;

− носители языка также не указывают качество гласных – длинные или краткие, что является основным отличием от авторской формы записи;

− по-разному обозначают мягкость согласных звуков: *ть* / *т’* и *хь* / *х’*;

− расхождения в записи чаще встречаются в таких парах гласных, как *е* / *э*, *о* / *ö*, и согласных, как *б* / *п*, *т* / *ть* (*т’*), *х* / *хь* (*х’*) и *ц* / *тц*.

При этом, не имея возможности связаться с респондентами, сложно с уверенностью утверждать, являются ли различные варианты обозначениями действительно разных фонем или же под разной оболочкой на письме «кроется» одинаковое звучание.

Таблица 2

Разница авторской системы и форм записи носителей языка на примере глаголов обладания

Авторская форма	**Варианты носителей языка**
хабэ ‘иметь’	***хабэ*** (5); *хабе* (3)*; habe* (2)
хӧле ‘хранить, держать’	*höle* (3); *холе* (3); ***хӧле***
безэтцэ ‘владеть, обладать’	*бэзетце* (2); *безецен*; *безетцэ*; ***безэтцэ***; *бэзэтце*
евэнэ ‘иметь выгоду / выигрывать’	***евэнэ***(4); *евене*
опвизэ ‘обнаруживать / показывать’	***опвизэ*** (4); *опвизе* (2); *обвизэ*
тьри’э ‘получать’	*тьриэ* (2); ***тьри'э*** (2); *трие*; *тьрие*; *тьрийе*
енух ‘хватать, быть достаточным’	***енух*** (4)
ихи:рэ ‘принадлежать’	*ехире* (5); *ихире*; *ихирэ*
эрливэ / *дерхьмокэ* ‘узнавать, убеждаться на опыте’	*эрливе* (4); ***эрливэ***(2) / *derchmoke*; *дерхмоке*; *дерхмокэ*; *дерхьмоке*; *дерх'йимокт*; *дэрхьмокэ*
эрфот ‘узнавать, получать опыт’	***эрфот*** (5)
ри:т ‘хватать’	*рийт* (2); *рить* (2); *rite*; *рите*; *ритэ*

Так, за исключением полностью латинских вариантов, способы записи носителей языка, как и авторская запись, сводятся к формуле: кириллица + знаки фонетической транскрипции + латиница. Главное различие заключается в использовании диакритических знаков: информанты не указывают долготу гласных, а апостроф встречается как замена мягкого знака, т. е. маркирует мягкость согласного. В авторской форме записи апостроф используется также для указания «экстра»-мягкости – уникальной фонемы плотдич.

Таким образом, вопрос формирования письменной традиции плотдич остается открытым: фонетическая форма записи наиболее удобна для исследователей, но не понятна носителям языка, «чистые» варианты записи кириллицей и латиницей – без использования смешанной формы и диакритических знаков – не отражают фонетических особенностей языка, создавая трудность для изучения плотдич, например,

носителями других языков, переезжающими в меннонитские деревни. Разработанная в настоящем исследовании смешанная система записи имеет не нормативный, а инструментальный характер и используется для максимально точной и одновременно доступной носителям плотдич Сибири фиксации экспериментального материала.

Выводы

История немцев-меннонитов насыщена переселениями, гонениями и миграциями, что отражается и в современном положении их языка, плотдич: отсутствие единой сформировавшейся письменной традиции и дискуссионность его статуса как самостоятельного языка являются наиболее очевидными последствиями этих процессов.

Сопоставление с генетически и типологически близким идишем подтверждает, что с лингвистической точки зрения плотдич обладает всеми основаниями для статуса самостоятельного языка. Однако для фактического признания на институциональном уровне плотдич недостает «надстройки» – единой кодификации, письменной нормы и поддержки институтов. Пока эти компоненты отсутствуют, плотдич, вероятно, будет сохранять неопределенный языковой статус.

Несмотря на то что статус плотдич как самостоятельного языка на сегодняшний день остается дискуссионным и зависит от исследовательского подхода – прежде всего от критериев, используемых для разграничения языка и диалекта, – в настоящей работе плотдич рассматривается как самостоятельный язык, поскольку является географически распространенным (его носители проживают в России, Германии, Канаде, США, Казахстане и других странах), имеет собственные морфологические и фонологические особенности, а кроме того, обладает внутренней диалектной дифференциацией. Также плотдич используется в СМИ, в книгопечатанье и на церковных службах. При этом исследуемый идиом немцев-меннонитов Сибири рассматривается как одна из диалектных разновидностей плотдич, по своим характеристикам сближающаяся с базисным диалектом.

Таким образом, плотдич в условиях сибирских деревень остается живым языком, отражающим сложную историю меннонитов: от голландских переселенцев Данцигской низины до современных общин в сельской Сибири. Язык становится

зеркалом исторической памяти и маркером этнокультурной идентичности. Его сохранение возможно лишь при поддержании жизнеспособности общины, межпоколенческой преемственности и уважении к своим традициям.

Глава 3
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЛАДАНИЯ В ПЛОТДИЧ

1. Экспедиционная работа в местах компактного проживания немцев-меннонитов Сибири: процедура полевого исследования

В целях изучения языка и культуры меннонитов, а также проведения АЭ * с носителями плотдич в ноябре 2021 г. была совершена экспедиция в д. Неудачино Новосибирской области, а в июле 2024 г. в д. Аполлоновка Омской области.

В д. Неудачино проживает около 500 человек, менее 100 из которых владеют плотдич. Точные данные о численности меннонитов в деревне отсутствуют. Особый уклад жизни меннонитов наблюдается при первом знакомстве с деревней. Неудачино – нетипичная для российского менталитета деревня. На территории около 1,5 км^2 располагаются невысокие аккуратные дома, несмотря на то что каждый из домов обнесен изгородью, высота заборов одинаковая у каждого домовладельца – черта немецкого менталитета. Эта с первого взгляда незначительная особенность неудачинской архитектуры позволяет сразу отличить дома меннонитов от территорий неместных жителей (например, русских и казахов, позднее переселившихся в Неудачино). В Неудачино есть администрация, Дом культуры, школа (около 90 учащихся) и два молельных дома, исторически отделившихся друг от друга и символично располагающихся на противоположных улицах. В деревне есть Дом-музей им. А. Я. Штеффена, знаменитого часового мастера. Авторские башенные часы А. Я. Штеффена можно увидеть в Санкт-Петербурге, Татарске и в Доме культуры д. Неудачно. В доме-музее собрана коллекция часов и различных старинных вещей А. Я. Штеффена, хранятся реликвии истории меннонитов и книги на плотдич.

Бережное отношение меннонитов к благоустройству отмечал еще Х. Ангер [Anger, 1930]. Деревни меннонитов, которые автор видел в Сибири, в основном по-

* Приведенные в настоящей главе характеристики относятся к ассоциативному материалу информантов, принявших участие в АЭ, а также к данным СИБАС и не предполагают экстраполяции на всех носителей анализируемых языков.

ходили друг на друга, как одно яйцо на другое. Их уже издалека можно было отличить от других немецких и русских деревень. Главным образом это было связано с расположением деревенской дороги, несколькими прямыми рядами осин, которыми дома были скрыты от видимости из-за пределов деревни. В результате все деревни меннонитов издали выглядели как рощи, с разрезом посередине – главной дорогой. Только вблизи можно было разглядеть дома, спрятанные позади и между деревьями. Вид такой деревни меннонитов казался особенно удивительным в пустынной Кулундинской степи, так как нигде в степи не росло деревьев, а в русских деревнях их очень мало. При ближайшем рассмотрении были обнаружены и другие особенности меннонитских деревень. Дома в основном несколько больше и построены лучше, чем дома лютеранских и католических немцев и русских. У меннонитов, как правило, жилые дома и конюшни находились под одной крышей, у лютеран и католиков они, за редким исключением, разделены. Жилые помещения меннонитов ничем не отличались от жилищ других немцев. В частности, меннониты славились хорошим садоводством и имели большие овощные и цветочные клумбы везде, куда бы автор ни пришел. Населенные пункты меннонитов в Сибири малочисленны, вот почему в деревнях меннонитов всегда только одна деревенская дорога. Из меннонитов, живущих в Сибири, часть родом из Голландии, но все они чувствуют себя немцами, все говорят по-немецки, и все русские тоже считают их немцами. Описывая исключительность хозяйства жителей колонии Варенбург (сейчас с. Привольное Ровенского района Саратовской области) по сравнению с другими поселениями немецких лютеран в Сибири, автор отмечает, что лучше он видел лишь однажды – у меннонитов. Все немецкие крестьяне, с которыми Х. Ангер познакомился в Сибири, проявляли большой интерес к Германии. Меннониты, которые, однако, всегда, даже если они очень живо интересовались Германией, чувствовали себя в первую очередь меннонитами.

Религия меннонитов – баптизм, одно из направлений протестантского христианства. Вера – неотъемлемая часть жизни неудачинцев, прочно вошедшая во все сферы жизни. Так, один из важнейших принципов веры меннонитов – добровольное принятие и глубокое уважение к институту семьи – является базой повседневной жизни и мировосприятия. Х. Ангер пишет, что в то время (30-е гг. XX в.) он неодно-

кратно встречал тягу к эмиграции у некоторых жителей в деревнях меннонитов. Истинная причина эмиграции заключалась в религии, основные мотивы которой были притеснены. Из всех немцев, проживающих на территории Сибири, меннониты больше всего привязаны к религии, запрещающей любые бои с оружием в руках [Anger, 1930, S. 33]. Про сложное положение меннонитов пишут и Т. де Граф и Р. Нивебур: после Октябрьской революции положение российских меннонитов стало очень тяжелым. В 1930-е гг. произошла первая массовая депортация. Колонии на Украине распались, и большинство меннонитов теперь жили в Сибири и Казахстане. Только в нескольких районах Юго-Западной Сибири меннониты все еще жили в этнически однородных деревнях, в большинстве других регионов страны они были рассеяны среди многих других национальностей [de Graaf, Nieuweboer, 1993].

Важная часть в распорядке дня немцев-меннонитов уделяется посещению молельных домов и молитвенным собраниям, на которых читаются проповеди, подробно разбирается текст Библии, устраиваются церковные песнопения. Раньше церковные службы меннонитов велись на плотдич или немецком языке, однако по мере увеличения числа прихожан из числа приезжих они постепенно стали проводиться на русском языке. В настоящее время немецкий язык используется лишь при исполнении одной песни раз в неделю. Кроме того, проводятся собрания, куда приходят исключительно молодые люди. На этих собраниях в комфортной обстановке юноши и девушки могут поделиться своими мыслями, а также обсудить священные тексты, сыграть на музыкальных инструментах и спеть вместе.

Важно, на наш взгляд, отметить и открытость, любовь к жизни и окружающему миру местных жителей. Новый человек в закрытом сообществе меннонитов воспринимается не как чужак, а как гость. Главное правило – взаимоуважение и уважение личных границ другого человека.

Меннониты д. Неудачино гордятся своим происхождением и своим домом. Любят природу, окружающую их родную деревню, – широкие поля. В чем отражается еще одна отличительная черта неудачинцев – свободолюбие.

Появление новых прихожан в молельных домах д. Неудачино привело к угасанию плотдич – приезжие не прилагали усилий к изучению языка местных жителей, доступность церковных служб стала возможной лишь на русском языке. В послевоенное время в связи с приездом в д. Неудачино учителей, не владеющих плотдич,

общение учащихся на языке стало также невозможным. Негласный «запрет» на использование плотдич привел к упадку престижа языка среди молодежи. До недавнего времени молодежь избегала общения на языке – использование плотдич считалось непопулярным. Только в последние годы молодые меннониты начали проявлять интерес к овладению, сохранению и распространению плотдич.

В Аполлоновке проживает около 970 человек, 70 % из которых – меннониты. Точных данных о площади деревни нет, однако она значительно крупнее Неудачино, состоящей из 4 улиц, и насчитывает 11 улиц. В Аполлоновке также имеется школа, рассчитанная на небольшое количество учеников. Работает фельдшерско-акушерский пункт, оказывающий базовую медицинскую помощь. Конечно же, центральное учреждение деревни – большой дом молитвы, вмещающий всех членов общины.

Как и Неудачино, Аполлоновка является типичной меннонитской деревней, сохраняя как архитектурные особенности, так и организацию ведения домашнего хозяйства и быта, уклада семьи и главенствующую роль Бога в жизни каждого члена общины.

На собраниях в Аполлоновке на плотдич также читаются наставления детям – короткие увлекательные, но при этом поучительные истории. Так, в ходе экспедиции во время собрания с помощью диктофона записан один из таких рассказов. Его текст расшифрован носителями языка, И. А. Шелленберг, 2002 г. р. и М. И. Эпп, 2004 г. р. (прил. 12). Текст представляет собой поучительную историю с ярко выраженной моралью. В ее основе лежат ценности послушания, ответственности и семейных взаимоотношений. Старший брат проявляет истинное детское любопытство и ослушивается родителей, но желание нарушить запрет приводит к беде – страдает младший брат. Здесь прослеживается важный мотив: ошибки старших отражаются на младших, которые берут с них пример. Семейные отношения показаны через призму заботы и дисциплины: мама предупреждает, папа устанавливает границы, а дети испытывают их на прочность. Через испытание болью и опасностью проявляется ещё одна ключевая ценность – забота о ближних. История также подчеркивает мотив вины и осознания: старший мальчик понимает, что даже если сам остался невредим, его поступок все равно был неправильным, потому что причинил вред другому. Это выводит на центральную мысль рассказа: истинная любовь к близким выражается в том, чтобы не подвергать их опасности и быть для них хорошим примером.

Те же ценности – уважение к ближнему, ответственность и забота – лежат в основе повседневного сосуществования жителей Аполлоновки, независимо от их вероисповедания. Отличительной чертой деревни является наличие на территории поселения небольшой православной церкви. Жители деревни отмечают, что существование двух религиозный направлений в одном пространстве никак не влияет на отношения местных – все относятся друг к другу с уважением.

Немаловажно отметить наблюдения о высокой степени развития методов ведения домашнего хозяйства: «меннониты традиционно выделялись среди немцев высоким уровнем развития экономики и культуры, использованием наиболее современной техники и приемов ведения земледелия и животноводства» [Савин, 2009, с. 3].

Так, одной из особенностей Аполлоновки является предпринимательская деятельность сельскохозяйственного сектора. В деревне работает несколько кооперативов, занимающихся переработкой сельхозпродукции. Одними из наиболее значимых предприятий являются зернохранилище и мельница, где перерабатывают выращенное зерно. А также свой комбикормовый завод. Особую роль в экономике деревни играет ООО «Виллок Фарм», современное сельскохозяйственное предприятие, специализирующееся на выращивании зерновых и масличных культур. Оно применяет передовые агротехнологии, включая точное земледелие, и активно сотрудничает с другими хозяйствами региона. «Виллок Фарм» также участвует в развитии инфраструктуры деревни, предоставляя рабочие места и поддержку местным инициативам. Учреждение компании берет свое начало в Канаде, где существует одноименное хозяйство, принадлежащее Валтеру Вилламсу. Валтер и его супруга Анна, путешествуя по России, проявляли интерес к бескрайним и необрабатываемым сибирским полям. Так, в 2002 г. было запущено финансирование под реализацию, в 2005 г. началась активная деятельность, а сегодня – завод не только успешно работает, не уступая в качестве ведущим аграрным предприятиям, но и больше не является собственностью канадцев. Сотрудниками предприятий являются преимущественно меннониты: их способность к труду, навыки ведения сельского хозяйства и отсутствие пагубных привычек позволяют быть уверенными в результате работы и своих коллегах.

Значимость принадлежности к общине прослеживается и на уровне этнического самосознания. Самоидентификация меннонитов Аполлоновки и Неудачино – немцы. Однако местные жители говорят, что несмотря на то, что считают себя этническими немцами и относятся к немцам на территории России, в Германии они – русские. Также российские меннониты являются желанными работниками в Германии, поскольку обладают трудо- и жизнелюбием. На наш взгляд, меннонитов Сибири – русских с немецкой самоидентичностью, можно описать как немцев с русской душой: они отличаются порядком и нравом немцев, свободолюбием и гостеприимством русского человека.

Особенность и уникальность своего языка, плотдич, осознают и сами меннониты. Ввиду отсутствия единой письменности, язык передается в устной форме от поколения к поколению. Удивительным, с нашей точки зрения, выступает факт единства понимания меннонитов, несмотря на некоторые различия на лексическом и фонетическом уровнях в семьях в пределах одного сообщества (в нашем случае – д. Неудачино и д. Аполлоновка, расстояние между которыми составляет практически 300 км по автомобильным дорогам).

Небезынтересна языковая особенность молодежи меннонитов: говоря как о прошлом, так и о будущем, самих лексем «прошлое» и «будущее» молодые девушки и юноши не знают, хотя данные лексические единицы в языке существуют. С накоплением жизненного опыта понимаются уникальность языка и единственная возможность передачи языка новым поколениям через устную речь. Также приходит осознание, что плотдич – важнейшая часть меннонитского самосознания. От этого язык ценится еще больше. Неудачинцы даже замечают, что между людьми, говорящими на плотдич, существуют особая связь.

В лексическом составе плотдич в д. Неудачино и Аполлоновка обнаруживается отпечаток формирования на стыке голландской и нижненемецкой языковых систем. Устойчивое сходство ряда базовых лексем подтверждает эту двойственную природу: *фраувэ* ‘вдова’ (голл. *vrouw* ‘женщина’, *weduwe* ‘вдова’, нем. *Frau* ‘женщина’, *Witwe* ‘вдова’), *юа* ‘год’ (голл. *jaar*, нем. *Jahr*), *ӧльт* ‘старый’ (голл. *oud*, нем. *alt*), *лу:ть* ‘поздно’ (голл. *laat*), *енух* ‘достаточно’ (голл. *genoeg* [ɣə ˈnux], нем. *genug*). При этом для самих носителей генетическое родство с голландским остается неочевидным: литературным немецким владеют не все, а голландским – практически никто.

Также встречаются и самостоятельные лексемы, не восходящие напрямую ни к голландскому, ни к немецкому: например, *препс*, *шварцпрепс* ‘(чёрный) кофе’ – напиток из зерен пшеницы, ячменя и овса, исторически заменявший кофе.

Несмотря на практическую идентичность плотдич в Аполлоновке и Неудачино, в ходе полевой записи материала выявлены отдельные лексические расхождения. Так, в Неудачино лексема *шлу:т’* употребляется в значении ‘поздно’ (*Т эс шлу:т’* ‘уже поздно’, *хой комэ шлу:т’ но дэ нахт* ‘он пришел поздно ночью’), тогда как в Аполлоновке она означает ‘конец’, ср. зафиксированную поговорку: *ди й’эшихьт эс йт’ мит нэ гольднэ шлу:т’* ‘история окончилась золотым концом’.

В речи меннонитов обеих деревень отчетливо прослеживается и русское влияние. Среди лексических заимствований, адаптированных фонетически и грамматически, – *нэ баночка* ‘(одна) баночка’, *кастрол* ‘кастрюля’, *аллергия*, *багажник*, *документ*, *магазин*, *трактор* и др.

Показательна и грамматическая интерференция: характерная для немецкого языка и плотдич конструкция с союзом *oder* ‘или’ в конце альтернативного вопроса (нем. *du fährst heute mit dem Traktor aufs Feld, oder?* ‘ты сегодня поедешь на поле на тракторе, да?’) проникает в русскую речь меннонитов, порождая высказывания типа: *Мы сегодня должны закончить раньше управляться, или?*

Преобладание русского языка с сожалением отмечают жители обеих деревень, однако степень его влияния в Аполлоновке ниже, чем в Неудачино. В первую очередь, это обуславливается тем, что большая часть жителей – этнические немцы-меннониты. Кроме того, язык повседневности Аполлоновки – плотдич, а дети дошкольного возраста практически не владеют русским. Также старшие члены общины регулярно проводят занятия с детьми на языке.

Экспедиционная работа в Неудачино и Аполлоновке позволила сопоставить условия функционирования плотдич в двух меннонитских сообществах Сибири. В обеих деревнях язык сохраняет важную роль в общинной жизни и выступает маркером групповой идентичности, однако степень его повседневного и межпоколенческого употребления различается: в Аполлоновке позиции плотдич устойчивее, тогда как в Неудачино заметнее его вытеснение русским языком. Собранный материал выявил близость исследуемых локальных вариантов, отдельные лексические расхождения и влияние русского языка на лексику и речевые модели носителей.

2. Методика ассоциативного эксперимента и системные отношения в ассоциативных полях глаголов обладания

Образ мира определяется А. А. Леонтьевым как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев, 1993, с. 18]. Теоретической основой современной отечественной психолингвистики выступает деятельностный подход: по словам В. А. Пищальниковой, «деятельностный подход в психолингвистике формируется […] под воздействием общей теории психической деятельности Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и др.» [Пищальникова, 2021, с. 35]. В соответствии с этой исследовательской установкой меняется и интерпретация ассоциативных данных. В. А. Пищальникова отмечает, что «соотношение стимула и реакции […] представляет собой единое речевое действие, где стимул становится мотивом порождения высказывания, а ассоциат выражает коммуникативное намерение автора» [Пищальникова, 2019, с. 750]. И. В. Шапошникова подчеркивает: «Преимущество экспериментально полученных ассоциативно-вербальных материалов заключается в том, что они дают доступ к психологически актуальной смысловой структуре образа мира ЯЛ» [Шапошникова, 2024, с. 90]. Получение такого материала предполагает прежде всего формирование стимульного списка, соответствующего задачам исследования и особенностям анализируемого языка.

Для плотдич существует лишь один «Словарь синонимов и антонимов плотдич» Э. Нойфельда [Neufeld, 2003]. Однако он не мог быть использован нами в качестве основного источника при формировании стимульного списка, поскольку ядерная для исследуемой семантической группы лексема *хабэ* ‘иметь’ в словаре отсутствует. По этой причине отбор глаголов плотдич осуществлялся посредством выявления семантических соответствий к немецкому стимульному списку с последующей проверкой и уточнением у носителя языка [*].

Лексикографический анализ немецкого материала проводился с опорой на электронные словари DWDS и Duden Online. Таким образом, выбраны следующие

[*] М. Д. Адриан (Шелленберг), 2000 г. р.

11 лексем, семантика которых содержит значение обладания: *aufweisen* ‘обнаруживать’ *, *bekommen* ‘получать’, *besitzen* ‘владеть, обладать’, *erfahren* ‘узнавать, получать опыт’, *erleben* ‘узнавать, убеждаться на опыте’, *gehören* ‘принадлежать’, *genügen* ‘хватать, быть достаточным’, *haben* ‘иметь’, *halten* ‘хранить’, *profitieren* ‘иметь выгоду’, *reichen* ‘хватать’. В группу ближайших синонимов, непосредственно содержащих значение обладания, входят глаголы *bekommen, besitzen, gehören, genügen, halten* и *reichen*. Глаголы *erfahren* и *erleben* являются синонимами, в их значении ‘получать опыт’ и ‘убеждаться на опыте’ семантика обладания рассматривается через призму опыта, как того, что человек имеет априори. Обладание в семантике глагола *profitieren* ‘иметь выгоду’ отражается владением неким преимуществом посредством кого-то или чего-то. Глагол *aufweisen* ‘обнаруживать’ также включен в эксперимент, поскольку, согласно онлайн-словарю DWDS, *aufweisen* входит в группу синонимов глагола *haben*. И хотя значение обладания прослеживается в нем не с первого взгляда, все же присутствует: обнаруживать – находить, т. е. приобретать нечто материальное либо опыт. В исследование не включались аналитические конструкции, однокоренные слова, стилистически маркированные слова, а также контекстуальные синонимы.

Практически все отобранные глаголы-стимулы на плотдич имеют сопоставимые с немецкими лексемами формы и соответствуют им семантически: *хабэ* ‘иметь’, *хӧле* ‘хранить, держать’, *безэтцэ* ‘владеть, обладать’, *опвизэ* ‘обнаруживать’, *енух* ‘хватать, быть достаточным’, *ихи:рэ* ‘принадлежать’, *эрфот* ‘узнавать, получать опыт’, *ри:т* ‘хватать’. Несколько отличаются по внешним признакам, но аналогичны в содержании глаголы *евэнэ* ‘иметь выгоду’ и *тьри’э* ‘получать’. Глагол со значением ‘узнавать, убеждаться на опыте’ имеет два эквивалента, по совету носителя в нашем эксперименте респондентам предлагались оба – *эрливэ* / *дэрьхьмокэ*.

Состав голландского стимульного списка определялся не только переводом: лексикографический анализ [Van Dale; Mijnwoordenboek] подтвердил полное соответствие отобранных голландских единиц немецким стимулам, а также сохранение синонимических связей внутри исследуемой семантической группы.

* Переводы немецких лексем здесь и далее приводятся по: PONS Online-Wörterbuch Deutsch–Russisch. URL: https://de.pons.com/übersetzung/deutsch-russisch (дата обращения: 25.05.2026); выбор русского соответствия с учетом актуализируемого значения уточняется по Duden Online и DWDS.

В эксперимент были включены глагол *hebben* ‘иметь’ [*] и его синонимы: *beleven* ‘пережить’, *bezitten* ‘обладать’, *ervaren* ‘получать опыт’, *houden* ‘хранить’, *krijgen* ‘получать’, *profiteren* ‘иметь выгоду’, *reiken* ‘доставать’, *toebehoren* ‘принадлежать’, *voldoen* ‘быть достаточным’. Они отражают разные аспекты обладания – от непосредственного владения до обладания опытом, качествами или ресурсами.

Центральные единицы *hebben* и *bezitten* восходят к древним моделям выражения обладания, но различаются семантически и прагматически: *hebben* обладает более широкой сочетаемостью и употребляется как с обозначениями материальных объектов, так и с абстрактными существительными (*hebben een idee* ‘иметь идею’, *hebben talent* ‘иметь талант’), тогда как *bezitten* преимущественно связан с юридическим или материальным владением (*een huis bezitten* ‘владеть домом’, *aandelen bezitten* ‘владеть акциями’) [Van Dale; Mijnwoordenboek].

Глаголы *beleven* и *ervaren* выражают обладание через личный опыт: первый акцентирует субъективное переживание события (*een avontuur beleven* ‘пережить приключение’), второй – приобретение опыта и знаний (*moeilijkheden ervaren* ‘сталкиваться с трудностями’) [Van Dale].

Reiken, houden и *toebehoren* представляют обладание через взаимодействие субъекта и объекта: *reiken* указывает на достаточность количества (*de tijd reikt* ‘времени достаточно’), *houden* – на удержание объекта, *toebehoren* – на принадлежность. В отличие от *bezitten*, предполагающего активного обладателя, *toebehoren* смещает акцент на объект: *het huis behoort hem toe* ‘дом принадлежит ему’ – *hij bezit een huis* ‘он владеет домом’ [Van Dale; Mijnwoordenboek].

Krijgen и *profiteren* передают процессуальный аспект обладания через приобретение материальных или нематериальных благ. *Profiteren* в свою очередь специализируется на извлечении пользы или выгоды. *Voldoen* не является прямым синонимом глаголов обладания, но в отдельных контекстах соотносится с наличием необходимых качеств или ресурсов для соответствия требованиям (*aan de verwachting voldoen* ‘оправдывать ожидания’) [Van Dale; Mijnwoordenboek].

[*] Переводы голландских лексем здесь и далее приводятся по: Новый нидерландско-русский и русско-нидерландский словарь / Т. Н. Дренясова, С. А. Миронов, Л. С. Щечкова. М.: Просвещение, 2021. 717 с. Выбор русского соответствия с учетом контекста уточняется по Van Dale Online; переводы контекстно зависимых и развернутых реакций дополнительно проверены носителем голландского языка, билингвом (мужчина, 1999 г. р.; личная консультация, 2025–2026 гг.).

Основой для формирования голландского стимульного списка служил немецкий список. При подборе голландских соответствий консультанту-носителю предъявлялись немецкие стимулы вместе с их русскими переводами: немецкие формы использовались как ориентир ввиду генетической близости немецкого и голландского языков, а русский перевод обеспечивал точное понимание значения, поскольку консультант также владеет русским языком. При подборе стимулов-эквивалентов была допущена ошибка и вместо аналога глагола *aufweisen* ‘обнаруживать’ использовалась лексема *bewijsstuk* ‘доказательство’. Несоответствие выявлено при первичном анализе реакций, после чего существительное заменено на соответствующий глагол, однако по совершению замены новых ответов получено не было. Поэтому в анализе результатов АЭ на голландском языке глагол со значением ‘обнаруживать’ не рассматривается и не включен в АВС.

АЭ с носителями плотдич осуществлялся в три этапа. Всего получено 368 реакций, 212 из них единичны.

Первый эксперимент проведен в экспедиции в д. Неудачино в ноябре 2021 г. Респондентами стали 13 жителей деревни в возрасте от 14 до 76 лет. Стимульный список состоял из 50 слов. Стимулы эксперимента на плотдич переведены и записаны на диктофон консультантом-носителем языка [*], воспроизведены информантам, затем их реакции записаны и расшифрованы.

Особенность полученного материала на плотдич заключается не только в формате проведения эксперимента, но и в его типе. Несмотря на широкий спектр ассоциирования, который предполагает заявленный изначально свободный АЭ, нами все же задавалась инструкция – реакция одним словом / кратким словосочетанием (например, с предлогом или союзом). В некоторых реакциях информантов данная инструкция не выполнялась, вследствие чего эксперимент является скорее свободно-отсроченным.

На втором этапе проведен цепочечный эксперимент в онлайн-формате (ноябрь 2022 г. – март 2023 г., а также единичные анкеты получены в период с марта 2024 г. по июль 2024 г.). Здесь стимульный список составили 11 лексем (прил. 9). Информантами эксперимента выступили 20 жителей д. Неудачино, д. Аполлоновка, с. Миролюбовка, г. Омска, п. Любино, д. Пучково и г. Бологое в возрасте от 11 до 30 лет.

[*] М. А. Шелленберг (Адриан), 2000 г. р.

Им предлагалось прослушать стимулы на плотдич и после каждого услышанного слова записать на плотдич все возможные слова / словосочетания, которые ассоциируются с данным словом. Несмотря на наличие подробного описания заполнения анкеты, нами не были даны комментарии относительно формы записи, каждый из информантов придерживался удобного для него варианта. Таким образом, при анализе собранного материала сохранена орфография информантов.

Третий этап эксперимента – экспедиция в д. Аполлоновка в июле 2024 г. Информантами стали 13 мужчин и женщин в возрасте от 19 до 76 лет. Материал собирался аналогично первому этапу – респондентам воспроизводились стимулы, их ответы записывались, а затем транскрибировались. Выборка, полученная в Аполлоновке, наиболее обширна, поскольку во время записи АЭ часто приобретал форму нарративного интервью: старшие информанты практически не давали одиночных слов, разворачивая каждый стимул в законченное высказывание, пословицу или личный пример из жизни. Результаты эксперимента расшифрованы (аудиозаписи переведены в письменную форму, выделены отдельные высказывания и уточнено лексическое содержание реакций) носителем языка [*].

С носителями немецкого и голландского языков эксперимент был проведен одинаковым образом. Испытуемым предоставлялась анонимная онлайн-анкета (прил. 10, прил. 11), собирающая о самом испытуемом информацию о родном языке, месте жительства, возрасте и поле. Анкета включала 50 слов-стимулов, выявляющих первую реакцию, приходящую на ум испытуемым. 39 слов опроса – «слова-пустышки», выбранные для немецкого языка из списка самых частотных слов, представленных в онлайн-словаре Duden. В анкете на голландском языке дан их перевод. При этом испытуемые не были ограничены во времени, что, как правило, нехарактерно для экспериментов такого рода. Кроме того, нами не были установлены требования (пол, возраст, образование и т. п.) к участникам экспериментов, поскольку целью исследования является выявление устойчивых, коллективно разделяемых семантических связей внутри семантической группы обладания, а не вариативности, обусловленной социальными факторами.

[*] М. И. Эпп, 2004 г. р.

При описании процедуры учитывается, что временной параметр относится к значимым условиям свободного ассоциативного эксперимента: в классическом понимании такой тип эксперимента предполагает максимально быстрое реагирование первым пришедшим в голову словом, а временной промежуток между стимулом и реакцией должен быть сведен к минимуму, поскольку сама процедура ассоциирования не предполагает сознательного отбора ответа [Фрумкина, 2001; Горошко, 2005].

Вместе с тем методическая литература фиксирует разные формы проведения свободного АЭ, в том числе письменную и устно-письменную, при которых контроль спонтанности реакции обеспечивается не только техническим ограничением времени, но и формулировкой инструкции, специально акцентирующей необходимость записывать первое пришедшее в голову слово без обдумывания [Горошко, 2005].

В настоящем исследовании материалы на немецком и голландском языках собирались в онлайн-формате, где встроенное техническое ограничение времени реакции на каждый отдельный стимул не представлялось возможным. При этом процедура не предполагала длительного рефлексивного выполнения задания: в обращении к информантам указывалось, что заполнение анкеты занимает не более 15 минут, а инструкция была ориентирована на фиксацию первой пришедшей в голову реакции. Следовательно, временной параметр контролировался не технически, а инструктивно и организационно.

Данное обстоятельство рассматривается как методическое ограничение исследования и учитывается при интерпретации результатов: полученные данные не используются для анализа латентности реакции, скорости ассоциирования или степени автоматизированности ответа, однако, на наш взгляд, остаются релевантными для анализа состава АП, повторяющихся реакций и межстимульных пересечений внутри семантической группы глаголов обладания.

Важным, на наш взгляд, также является упоминание сложности в сборе языкового материала на немецком и голландском языках в связи с геополитической обстановкой. Информанты, особенно носители голландского языка, неохотно принимали участие в эксперименте.

Эксперимент на немецком языке проходил в два этапа: первый – с марта 2020 г. по январь 2021 г., второй – с марта 2024 г. по февраль 2026 г. В исследовании на

немецком языке приняли участие 216 информантов обоих полов в возрасте от 13 до 68 лет. География участников весьма обширна и охватывает в основном города Германии: Ахен, Бад-Эйнхаузен, Берлин, Бохум, Дюссельдорф, Кельн, Клоппенбург, Ланштайн, Майнц, Мюнхен, Нюрнберг, Потсдам, Франкфурт-на-Майне, Штутгарт. Один из участников уточнил, что живет в Саарбрюккене, но вырос в Мюнхене. А также города Австрии: Вена, Клагенфурт-ам-Вертерзе, Линц. Зафиксирован один ответ от респондента – носителя немецкого языка, проживающего в Черногории. Некоторые участники предпочли сохранить анонимность или указали шутливые / уклончивые данные, такие как *None of your business* ‘не ваше дело’. Однако 3 из заполненных на немецком языке анкеты не могут быть учтены, поскольку при прохождении опроса не было соблюдено основное условие эксперимента – для успешного проведения и чистоты эксперимента респондентами могут являться лишь носители немецкого языка. Таким образом, получены 213 «рабочих» анкет, включающих в общем 1877 собранных реакции, различными из которых являются 226.

Эксперимент на голландском языке с 37 респондентами носит статус пилотного и проводился параллельно со вторым этапом анкетирования на немецком языке (март 2024 г. – февраль 2026 г.). Участниками выступили как мужчины, так и женщины в возрастном диапазоне от 17 до 54 лет, один информант предпочел идентифицировать себя как небинарную персону. В качестве родного всеми информантами указан голландский. За исключением одного участника, проживающего в Берлине, Германия, остальные в качестве места проживания указали следующие города Нидерландов: Алмере, Амерсфорт, Арнем, Ассен, Бреда, Весп, Вестерквартир, Грот-Аммерс, Делфт, Ден Босх, Дордрехт, Дутинхем, Зейдларен, Зотермер, Маастрихт, Неймеген, Нигтевехта, Нурд-Брабант (регион), Роттердам, Сассенхейм, ‘т Велд, Уден, Утрехт, Эйтхорн, Фламандский Брабант (регион), Хаутен, Хилваренбек, Хиллегом, Хофддорп, Хорн, Эйндховен. Для анализа взяты 35 анкет, поскольку одна заполнена респондентом, владеющим голландским языком, но указавшим в качестве родного языка английский. Другая – является анкетой-политическим протестом, содержит оскорбления и не относится к теме исследования. Таким образом, общее количество реакций составляет 340, 217 из них являются единичными.

Для сопоставления плотдич с контактным, русским, языком необходимо было подобрать иной стимульный список, поскольку анализируемые нами германские

«иметь»-языки обладают отличным от русского «быть»-языка строем [Бенвенист, 1974; Stassen, 2009]. Лексикографический анализ показывает [Словарь синонимов русского языка, 1970; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2000; НКРЯ, 2003-2026], что в русском языке центральным, стилистически нейтральным глаголом обладания является *иметь*, употребляемый по отношению к любым видам собственности, внешним признакам и качествам. Его синоним *владеть* подчеркивает возможность распоряжаться имуществом, особенно крупным, а применительно к обыденным вещам приобретает разговорный, ироничный оттенок. Этот же глагол используется для обозначения положительных внутренних качеств (талант, дар). *Обладать* тяготеет к литературной, приподнятой речи и, как правило, описывает ценные свойства, значительную собственность или положительные внутренние качества человека. *Располагать* указывает не просто на наличие, а на возможность использовать ресурсы, обычно значительные или представленные в большом объеме. Для констатации существования или наличия используется нейтральное *быть*. Анализ АП семантической группы обладания на материале русского языка проведен с использованием Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС (прил. 8). Выбор региональной базы обусловлен тем, что плотдич, анализируемый в данной работе, функционирует именно в сибирском ареале, и сопоставление с русским языком того же региона обеспечивает территориальное единство языковой среды. При этом сопоставление материалов СИБАС с данными РАС показывает высокую степень устойчивости ряда ассоциативных доминант, составляющих ядро языкового сознания русских, при наличии отдельных изменений в их составе и ранговых позициях [Шапошникова, 2012, с. 63, 70]. При интерпретации русского материала необходимо учитывать его временную обусловленность. Сопоставление данных РАС и СИБАС 1 + 2 выявляет существенные изменения в составе и весе глагольных ассоциативных доминант, включая общее сокращение глагольного инвентаря ядра АВС в материалах экспериментов нового времени [Шапошникова, 2026, с. 54–57].

Поскольку не все из интересующих нас лексем выполняют стимульную роль в АЭ СИБАС, также использован обратный словарь. При этом данные обратного словаря не рассматриваются как эквивалент прямых АП и используются только для учета входящих связей лексемы, т. е. стимулов, вызвавших ее в качестве реакции.

Обращение к обратным ассоциативным связям методически оправдано: АВС принципиально двунаправленна, и АП, реконструируемое по реакциям на слово-стимул, и поле, извлекаемое из связей «от реакции к стимулу», отражают единую систему семантических отношений в языковом сознании носителей [Залевская, 2005, с. 89–92; Уфимцева, 2014, с. 340–341]. Кроме того, обращение к обратному словарю позволяет учитывать входящие связи лексемы, т. е. количество стимулов, вызвавших ее в качестве реакции. В исследовании И. В. Шапошниковой глагольные ассоциативные доминанты распределяются по уровням «в зависимости от количества входящих связей» [Шапошникова, 2026, с. 53]. Автор отмечает: «По мере снижения веса доминантных единиц, их связи становятся более разреженными, а по мере повышения уровня, наоборот, плотность связей возрастает сообразно психолингвистической значимости соответствующих смысловых узлов внутреннего лексикона» [Там же, с. 54].

Таким образом, в исследовании использованы сопоставимые по семантическому составу стимульные списки для плотдич, немецкого и голландского языков, для русского материала с учетом особенностей выражения обладания был сформирован отдельный список. Ассоциативные данные плотдич, немецкого и голландского языков получены экспериментально, тогда как данные на русском языке извлечены из прямого и обратного словарей СИБАС с учетом указанного выше ограничения. Различия в способах и времени получения материала учитываются при интерпретации результатов: полученные данные характеризуют определенный этап функционирования языкового сознания носителей исследуемых языков и не могут рассматриваться как неизменная общенациональная норма.

Собранный в результате описанной процедуры эмпирический материал (прил. 5–7) далее рассматривается с точки зрения характера ассоциативных связей между стимулами и реакциями. Особое внимание уделяется синтагматическим, парадигматическим и эпидигматическим связям, представленным в ассоциативных полях глаголов со значением обладания в сопоставляемых языковых материалах.

И. Г. Овчинникова характеризует синтагматический тип отношений обеспечивающим развертывание и структурирование высказывания, а парадигматический – выбор лексем и словоформ [Овчинникова, 2006, с. 87].

Применительно к ассоциативному материалу синтагматическая связь определяется через сочетаемостные возможности слова-стимула. Н. В. Козлова отмечает, что «понятие синтагматики очень тесно связано с теорией валентности» [Козлова, 2019а, с. 59]. В ассоциативном эксперименте такая связь реализуется в реакциях, способных заполнять позиции, открываемые словом-стимулом. В настоящем исследовании к синтагматическим относятся такие ассоциативные пары, в которых реакция реализует сочетаемостную позицию слова-стимула и вместе с ним может образовывать синтаксически и семантически связанное сочетание или фрагмент высказывания. Так, в наших экспериментах синтагматическими отношениями связан в материале плотдич *хабэ* ‘иметь’ с реакцией *вэртшафт* ‘хозяйство’, ср. *ви хабэ эн штол, эн гуэдэ, эн э вэртшафт* ‘у нас есть сарай, огород, хозяйство’ или *тьри’э* ‘получать’ с *рентэ* ‘пенсия’, ср. *эть тьрий рентэ* ‘я получаю пенсию’; нем. *haben* с такими реакциями, как *Glück* ‘счастье’, *Krankheit* ‘болезнь’ и др., а для *halten* – это *Hund* ‘собака’, *Freundschaft* ‘дружба’, а голл. *beleven* ‘пережить’ связан синтагматическими отношениями с реакциями *avontuur* ‘приключение’ или *vakantie* ‘отпуск’.

Парадигматические пары – «это пары слов, имеющие в своих содержаниях как минимум один общий существенный признак» [Мартинович, 1990, с. 144]. Парадигматические отношения устанавливаются между стимулом и реакцией на основании их семантической соотнесенности. Н. В. Козлова определяет их как «отношения противопоставленности и / или функционального тождества языковых элементов» [Козлова, 2019а, с. 57]. В ассоциативном эксперименте такие связи реализуются прежде всего в синонимических и антонимических реакциях, а также в реакциях, функционально соотносимых со словом-стимулом. В данном случае показательны отношения, выстраивающиеся в плотдич между глаголом *эрливэ* / *дерхьмокэ* ‘узнавать, убеждаться на опыте’ и реакцией *ӧтхӧле* ‘выдерживать’, существенный общий признак объединяет голл. *ervaren* ‘получать опыт’ с реакциями *meemaken* ‘переживать’ и *voelen* ‘чувствовать’, которые отражают различные аспекты процесса восприятия и проживания событий; между нем. *haben* ‘иметь’ и следующими полученными реакциями, содержащими в своей семантике значение обладания: *bekommen* ‘получать’, *brauchen* ‘нуждаться, пользоваться’, *besitzen* ‘владеть, обладать’ и *Besitz* ‘владение, обладание’.

Помимо синтагматических и парадигматических отношений, в ассоциативном материале отдельно учитывались эпидигматические отношения, при которых связь между стимулом и реакцией основана на словообразовательной или семантической производности: такие отношения возникают между однокоренными словами либо между значениями многозначной лексемы [Мишанкина, 2017, с. 9]. Примером могут быть такие «семейные гнезда», как:

− в плотдич *ри:т* в значении ‘хватать’ вызывает эпидигматическую связь со значением «рвать / тянуть» – *крють ритэ* ‘рвать траву’, *датя рите* ‘тянуть одеяло’;

− немецкий *erfahren*: *Wissen* ‘знание’ (через связь с *wissen* ‘знать, узнавать’), *erlernen* ‘выучить’ (через связь с *lernen* ‘учить’), *Erlebnisse* ‘переживания’ (через связь с *erleben*);

− *houden* ‘хранить’, имеющий в голландском также значение ‘любить’ связан эпидигматическими отношениями с *hield* ‘хранил / любил’ и *liefhebben* ‘любить’.

Основной особенностью плотдич является абсолютное преобладание синтагматических отношений, доля которых достигает 78 %. В отличие от немецкого языка, где в ядре ассоциативного поля доминирует парадигматика (55 %), носители плотдич склонны не к классификации понятий, а к их ситуативному развертыванию: слово-стимул воспринимается как часть конкретной жизненной ситуации. Например, на стимул *хабэ* типичными реакциями становятся *йелт* ‘деньги’, *теня* ‘дети’ или *ви(э)ртшафт* ‘хозяйство’, а на стимул *тьри’э – ешенть* / *ешеньть* / *эн ешенть* / *тьрийе ерент вонь ешеньть* ‘подарок’ или *рентэ* ‘пенсия’.

В голландском языке также наблюдается преобладание синтагматики – 64 % (например, *bezitten* ‘обладать’ – *geld* ‘деньги’ (5), *land* ‘страна / земля’ (2)), что сближает его с плотдич, однако характер ситуативных ассоциаций различается: в голландских реакциях на стимул *profiteren* проявляется социально-политический контекст, например, *asielzoeker* ‘проситель убежища’, тогда как реакции носителей плотдич всегда остаются в рамках быта и семейных ценностей. Такая семантическая направленность соотносится с бытовым характером функционирования плотдич – язык используется прежде всего в повседневном внутригрупповом общении.

В русском материале, как и в плотдич, глаголы обладания обнаруживают выраженную связь с их синтаксической и семантической сочетаемостью. По данным СИБАС, ярко выражена синтагматика (82 %), реализующаяся преимущественно через

конкретные и абстрактные объекты обладания: *деньги*, *машина*, *совесть*. В плотдич доминирование синтагматики особенно отчетливо проявляется в реакциях религиозной семантики, именно они разворачиваются в конкретные жизненные ситуации и речевые формулы. В сознании носителей плотдич вера вплетена в структуру «нарративного» мышления, что последовательно проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, религиозные реакции в плотдич редко бывают одиночными – они стремятся к расширению до законченного высказывания. Ярким примером служит реакция-развернутая синтагма *ви ехерэ то Готэс теня, то елэбье меншэ* ‘мы принадлежим к Божьим детям, к верующим людям’ на стимул *ихирэ* ‘принадлежать’.

Во-вторых, глаголы, вызывающие в немецком или голландском материально-экономические ассоциации, в плотдич синтагматически связываются также с категориями веры. Стимул *евэнэ* ‘иметь выгоду / побеждать’ актуализирует не только предметно-прагматическую и игровую семантику, *ешенть* ‘подарок’, *шпэл* ‘игра’, но и религиозно-нравственные смыслы: *дэ зи:н конть эвэнэ мэт Т’ристус* ‘я могу победить грех с помощью Христа’, *эть вэл дот ойвье лэве евенэ* ‘хочу побеждать ради вечной жизни’– «выгода» здесь осмысляется через призму спасения души.

В-третьих, в ассоциативном материале плотдич вера осмысляется как форма коллективной принадлежности и сопричастности. Синтагматические реакции на глагол *ихирэ* ‘принадлежать’, например, *ви ехерэ то Готэс теня* ‘мы принадлежим к Божьим детям’, показывают, что религиозная принадлежность включена в пространство повседневных социальных отношений наряду с принадлежностью к семье и общине. Лексема *емендэ* / *емэндэ* ‘община / церковь’ представлена в таких развернутых реакциях, как *эть ехе то дэ емендэ* ‘я принадлежу церкви’, *эть ехе то дэ менените емендэ* ‘я принадлежу к меннонитской общине’, а также *ву нэ емэндэ эс эм дарп* ‘где есть церковь в деревне’.

Кроме того, в отличие от политически окрашенных голландских реакций и нейтрально-правовых русских конструкций, в плотдич преобладают предикативные конструкции, отражающие моральный уклад: *дот эс шонь ван ман годет хавт* ‘хорошо, если имеешь что-то доброе’, *ви вуэрэ эм химел куме ван ви вуэре эн Готт рехьтехь бливе* ‘мы попадем на небо, если будем верны Богу’ *эть вэл минь Йозус ехерэ* ‘я хочу принадлежать моему Иисусу’, *дэ зи:н конть эвэнэ мэт Т’ристус* ‘я

могу победить грех с помощью Христа’, *этъ вэл дот ойвье лэве евенэ* ‘хочу побеждать ради вечной жизни’, *дот вот тёньмул унух, уба ман мот тофрэд зэзэ* ‘никогда не бывает достаточно, но нужно быть довольным’ и др.

Религиозно-общинная семантика не исчерпывается прямыми номинациями Бога, Иисуса и церкви. В ряде развернутых реакций принадлежность раскрывается как вовлеченность в конкретные языковые и семейно-родовые общности: *ви ихире не дэ плотдиче* ‘мы принадлежим к сообществу носителей плотдич’, *nü de familje Wiebe* ‘к семье Вибе’, *у ойнэ фемилье ехире* ‘принадлежать одной семье’, *то эрент воне фамилие* ‘принадлежать к какой-то семье’.

Общинный уклад проявляется также через представление о достаточности, ориентированной не только на самого обладателя, но и на других: *енух итэ тэм яст опниме* ‘достаточно еды, чтобы принимать гостей’. В поле *хабэ* материальные объекты обладания «соседствуют» с духовно-эмоциональными состояниями: *habe rü* ‘имею покой’, *эть хабэ фил фрэд* ‘у меня много радости’. Эти реакции расширяют содержание обладания: значимым оказывается не накопление имущества само по себе, а наличие необходимого для совместной жизни, гостеприимства, покоя и радости.

С семейно-общинной принадлежностью соединяется и память о миграционном опыте: *ви хабэ нэ шворэ тить ерлэфт ос онзэ ешвэста ола вахь фурэ нэ дичьлонд* ‘мы пережили тяжелое время, когда наши братья и сестры уехали в Германию’. Межпоколенческий характер этой памяти проявляется также в реакциях *он тьрехьтстить эн дан ходе онзе элре фил дэрьхьемокт* ‘во время войны наши родители многое пережили’ и *эть хаб нох нихь фил эрфуэт ос мине элрэ* ‘я пережил не так много, как мои родители’. Личный опыт здесь оценивается через опыт старших поколений, а исторические испытания сохраняются в данном фрагменте языкового сознания как часть семейной и общинной памяти.

Парадигматические отношения в плотдич составляют около 17 % и представлены преимущественно антонимическими парами, структурируя семантику обладания бинарной оппозицией: *хабэ* ‘иметь’ – *йивэ* ‘давать’, *енух* ‘доставать / достаточно’ – *веныхь* ‘мало’, *евэнэ* ‘выигрывать’ – *фершпил* ‘проигрывать’.

Эпидигматические отношения представлены значительно реже (около 5 %) и проявляются, в частности, в ассоциативном поле *ри:т* ‘хватать’. Реакции *крють*

ритэ ‘рвать траву’ и *датя рите* ‘тянуть одеяло’ актуализируют семантически связанные значения физического воздействия на объект, соотносящиеся с захватом и удержанием как способами взаимодействия субъекта с объектом обладания.

Таким образом, если немецкий ассоциативный лексикон, связанный с обладанием, структурирован как логическая система классификаций, голландский – как социально-оценочная сеть, а русский тяготеет к объектно-центрированной системе, то вербальные отношения в плотдич немцев-меннонитов Сибири представляют собой семантически интегрированную модель повседневного уклада, в которой посессивность неразрывно связана с физическим трудом, семьей и религиозной идентичностью общины. Синтагматика здесь выступает связующим между глаголами с семантикой обладания и базовыми ценностями общины, превращающими любое высказывание об обладании в потенциальное свидетельство о вере и принадлежности. Различия проявляются лишь в пропорциях типов отношений: в плотдич, русском и голландском преобладает синтагматика (82, 78 и 64 % соответственно), в немецком наблюдается небольшое преобладание парадигматики (55 %).

3. Характеристика ядерной и периферийной зон семантической группы глаголов со значением обладания

Иерархичная структура организации АП семантической группы глаголов со значением обладания проявляется в первую очередь при анализе реципрокных [*] связей, т. е. тех случаев, когда стимулы становятся реакциями друг для друга. Так, для каждого глагола-стимула подсчитана частота, с которой он появляется в качестве реакции на другие глаголы.

В плотдич взаимосвязь глаголов обладания между собой в целом оказывается незначительной, однако внутри группы отчетливо выделяется компактное семантическое ядро. В табл. 3 представлены случаи, когда один из исследуемых глаголов плотдич появляется в качестве реакции на другой глагол-стимул этой же группы. В

[*] Термин «реципрокный» (от лат. *reciprocus* ‘возвращающийся, взаимный’) употребляется для обозначения отношений, основанных на взаимной обращенности и смене позиций их участников. В настоящем исследовании он акцентирует обратимость функциональных ролей «стимул» и «реакция» внутри одной пары. Термин «взаимная связь» обладает более широким значением и не указывает непосредственно на смену этих ролей; обозначение «обратная связь» может быть смешано с анализом данных обратного ассоциативного словаря, а термин «двусторонняя связь» характеризует только направленность отношений. Поэтому для данного типа межстимульных связей используется термин «реципрокная связь».

скобках указана абсолютная частота таких реакций, а процентный показатель отражает их долю от общего числа межстимульных реакций, зафиксированных в материале (n = 34). Тот же принцип представления данных используется далее в табл. 4–6 для немецкого, голландского и русского языков.

Таблица 3

Глаголы-стимулы в роли продуцентов * в плотдич

Глагол-продуцент	Глаголы-реакции (абс. частота)	Доля межстим. реакций (в %)
хабэ	*хӧле* (2), *безэтцэ* (4), *енух* (1), *евэнэ* (1), *эрливэ* (1)	26,5
ри:т	*енух* (6), *хабэ* (2)	23,5
хӧле	*эрливэ* (2 в форме *ӥтхӧле*), *безэтцэ* (1), *ри:т* (1), *хабэ* (2)	17,6
енух	*ри:т* (1), *хабэ* (1), *тьри'э* (1)	8,8
эрливэ	*эрфот* (3; в формах *ерлефт* / *дэрхьмоке*)	8,8
тьри'э	*енух* (1), *ихирэ* (1 в форме *bekume*)	5,9
евэнэ	*тьри'э* (2; в форме *эвэннезе*)	5,9
безэтцэ	*хӧле* (1; в форме *безецен*)	3
опвизэ	–	0
ихирэ	–	0
эрфот	–	0

Центральное положение, образуя 50 % всех пересекающихся реакций, занимают *хабэ*, выступающий продуцентом в 5 случаях (26,5 %), за ним следует *ри:т* – 4 реакции (23,5 %). Глагол *енух* (8,8 %) является абсолютным синонимом *ри:т* и также встречается как реакция на *хабэ*, формируя устойчивый узел *хабэ–ри:т–енух*. Высокий процент глагола *хӧле* (17,6 %) обусловлен его активным использованием для описания процесса сохранения жизни или физического выдерживания трудностей (через форму *ӥтхӧле*). Остальные глаголы демонстрируют заметно меньшую степень реципрокности и занимают периферийное положение: *опвизэ*, *ихирэ* и *эрфот* не выступают в качестве реакций на другие стимулы. В структуре АП они являются узлами-реципиентами: аккумулируя входящие связи от других глаголов-стимулов, самостоятельно они не инициируют аналогичных исходящих связей.

* В настоящем исследовании продуцентом называется глагол-стимул, в АП которого другой глагол исследуемой семантической группы появляется в качестве реакции. Таким образом, продуцент выступает источником исходящей межстимульной связи. В этом значении термин противопоставляется реципиенту – глаголу, фиксируемому в качестве реакции. В данном контексте термин не связан с традиционным психолингвистическим пониманием продуцента как субъекта порождения речи или текста.

Тем самым «образ» обладания в языковом сознании носителей плотдич определяется через практичность и достаток.

Хабэ-центричное строение АП обладания в плотдич подтверждается и метрическим анализом «степени центральности» (*degree centrality*) [Steyvers, Tenenbaum, 2005; Newman, 2010; Barabási, 2016], которая рассчитывается следующим образом: отношение количества связей узла (сколько раз этот глагол связан с другими) к максимально возможному количеству связей (общее количество глаголов минус 1, поскольку узел не может быть связан сам с собой), чем выше значение, тем больше связей имеет глагол.

Когнитивным ядром выступает *хабэ* со степенью центральности 0,6, значительно опережая остальные глаголы и связывая большинство ключевых аспектов владения. Вторую позицию занимает *хёле* с показателем 0,4, выполняя роль важного связующего звена между базовым обладанием, процессом владения, физической мерой и экзистенциальным опытом. Срединную зону образуют *ри:т*, *енух*, *эрливэ* / *дэрхьмокэ* и *тьри'э* с равной степенью центральности 0,3, формируя кластер прагматической достаточности, в котором получение ресурса, его наличие и переживание опыта осмысляются как взаимосвязанные элементы. На периферии располагаются *безэтцэ* и *евэнэ* (0,2), а также *ихирэ* и *эрфот* (0,1), демонстрирующие узкую семантическую специализацию. При этом *опвизэ* со степенью центральности 0,0 оказывается изолированным узлом и не включается в межпонятийную сеть обладания, так как в ходе АЭ он ни разу не был назван информантами в качестве реакции на другие глаголы-стимулы из исследуемой группы.

Следовательно, в анализируемом фрагменте языкового сознания носителей плотдич наблюдается тенденция к редуцированию разнообразных форм владения к наиболее универсальной и когнитивно доступной модели «иметь».

В языковом сознании носителей немецкого языка, напротив, наблюдаются крепкие системные связи между рассматриваемыми глаголами-стимулами (табл. 4).

Таблица 4

Глаголы-стимулы в роли продуцентов в немецком языке

Глагол-продуцент	**Глаголы-реакции (абс. частота)**	**Доля межстим. реакций (в %)**
haben	*besitzen* (128), *bekommen* (94), *aufweisen* (45), *gehören* (102), *halten* (84), *profitieren* (1), *erfahren* (1), *reichen* (1), *genügen* (1), *erleben* (1)	50,1
besitzen	*haben* (112), *bekommen* (6), *gehören* (5)	12,9
erleben	*erfahren* (112)	12,3
genügen	*reichen* (102)	11,2
reichen	*genügen* (64), *aufweisen* (8)	7,9
bekommen	*haben* (38), *profitieren* (6), *erfahren* (1)	4,9
halten	*reichen* (1), *haben* (1), *bekommen* (1), *genügen* (1)	0,4
gehören	*besitzen* (1)	0,1
erfahren	*erleben* (1)	0,1
profitieren	*genügen* (1)	0,1
aufweisen	–	0

Анализ реципрокных связей ожидаемо показал, что центральным узлом сети является глагол *haben*, он является универсальной реакцией почти для всех стимулов. Это подтверждает его центральную и системообразующую роль в немецкой АВС обладания.

Наиболее частотная реципрокная связь образуется между глаголами *haben* и *besitzen*. Высокая частотность взаимных реакций наблюдается также между семантически близкими глаголами *reichen* и *genügen*. Связь между *erfahren* и *erleben* имеет выраженно асимметричный характер. Такая асимметрия может быть связана с различиями в организации их АП: *erfahren* преимущественно актуализирует близкий по значению глагол *erleben*, тогда как реакции на *erleben* представлены главным образом синтагматически связанными существительными: *Abenteuer* ‘приключение’, *Erfahrung* ‘опыт’, *Spaß* ‘удовольствие’. Также достаточно предсказуемо, что глагол *besitzen* – одна из частотных реакций на глагол *gehören,* так как, например, в онлайн-словаре [DWDS] через связанные по смыслу выражения этот глагол трактуется следующим образом: *in Besitz sein von* ‘быть принадлежащим’. В обратную сторону

связь не проявляется. Однако семантика владения в поле *gehören* представлена однокоренными и тематически близкими номинативными единицами: *Besitz* ‘владение’ (34), *Besitzer* ‘владелец’ (1), *Eigentum* ‘собственность’ (1).

По результатам метрического анализа степени центральности глагол *haben* также демонстрирует максимальный нормированный показатель – 1,0. Значительно уступает ему *bekommen* (0,5), занимающий промежуточное положение между процессом приобретения и состоянием обладания. Показатель 0,4 имеют *genügen*, *halten* и *reichen*. Значение 0,3 зафиксировано у *besitzen*, *profitieren* и *erfahren*, а минимальное значение 0,2 – у *aufweisen, gehören* и *erleben*. Последние характеризуются наименьшим числом непосредственных связей с другими узлами исследуемой сети.

При рассмотрении пересечений глаголов-стимулов между собой на материале голландского (табл. 5) абсолютным лидером в качестве реакции выступает *hebben* – 49,2 % всех межглагольных реакций, что подтверждает его статус ядерного глагола.

Таблица 5

Глаголы-стимулы в роли продуцентов в голландском языке

Глагол-продуцент	**Глаголы-реакции (абс. частота)**	**Доля межстим. реакций (в %)**
hebben	*bezitten* (12), *krijgen* (11), *toebehoren* (3), *houden* (3)	49,2
krijgen	*hebben* (2), *bezitten* (2), *toebehoren* (2)	10,2
ervaren	*beleven* (8)	13,6
houden	*hebben* (6), *bezitten* (1)	11,9
bezitten	*hebben* (2), *houden* (2), *toebehoren* (1)	8,5
beleven	*ervaren* (4)	6,8
voldoen	–	0
reiken	–	0
profiteren	–	0
toebehoren	–	0

Следующим по частотности выступает *ervaren* (13,6 %). Далее располагаются *houden* (11,9 %), *krijgen* (10,2 %), *bezitten* (8,5 %) и *beleven* (6,8 %). Глаголы *toebehoren, profiteren, reiken* и *voldoen* в качестве реакций не представлены. Однако отсутствие *toebehoren* в роли реакции не свидетельствует о его изолированности: в

его АП зафиксированы глаголы *hebben* (3), *krijgen* (2) и *bezitten* (1). В то же время *profiteren*, *reiken* и *voldoen* не образуют непосредственных межглагольных связей в пределах рассматриваемого материала.

Особое положение занимает пара *beleven* – *ervaren*, образующая реципрокную связь: в поле стимула *beleven* реакция *ervaren* зафиксирована восемь раз, тогда как в поле *ervaren* реакция *beleven* представлена четырежды. На уровне межглагольных реакций эти лексемы формируют обособленный двухузловой фрагмент сети, что соотносится с их общей ориентацией на сферу переживания и приобретаемого опыта, а не непосредственного владения.

Структурное положение глаголов в рассматриваемой сети уточняется показателями степени центральности. Максимальное значение демонстрируют *hebben* и *bezitten* (по 0,44). При одинаковом числе непосредственных связей *hebben* заметно превосходит остальные глаголы по совокупной частоте употребления в качестве реакции и поэтому выступает ведущим узлом рассматриваемой сети. *Krijgen* и *toebehoren* занимают промежуточное положение (по 0,33), тогда как *houden* характеризуется меньшим числом связей (0,22). Глаголы *beleven* и *ervaren* (по 0,11) образуют отдельный событийно-опытный фрагмент, а *profiteren*, *reiken* и *voldoen* (0) в пределах анализируемых межглагольных реакций выступают как изолированные узлы.

Итак, ядерным глаголом с семантикой обладания во всех сопоставляемых германских языках является «иметь» (*хабэ* / *haben* / *hebben*).

В плотдич через *хабэ* информанты определяют и осмысляют все остальные категории обладания. Его роль как центрального узла проявляется в нескольких ключевых аспектах.

Он служит базовым средством объяснения других, более специфических глаголов. Информанты используют его для толкования стимулов, которые кажутся им слишком абстрактными или сложными:

− через *хабэ* объясняется *хёле*: *хеле дот эс ерент вот хабэ* ‘держать – это что-то иметь’;

− в некоторых случаях *хабэ* заменяет *безэтцэ* ‘владеть / обладать’: *на эн хусь хаб эть* ‘ну, дом я имею’;

− иногда *хабэ* приводится в качестве синонима (*безэтцэ* и *хёле*);

− при ассоциировании с глаголом-стимулом *енух* происходит транспозиция, адвербиализация – *енух хабэ* ‘иметь достаточно’.

Также *хабэ* неразрывно связан в сознании носителей плотдич с понятием *миньт* / *минь* ‘мое / мне’. Для информантов «иметь» означает превращать объект в часть своего личного пространства: *ван эть хаб, дот эс миньт* ‘если у меня есть, это мое’.

Центральность глагола подтверждается и разнообразием объектов, которые с ним сочетаются. В ответах информантов *хабэ* охватывает:

− материальные ценности: *йелт* ‘деньги’, *машинь* ‘машина’, *рот* ‘велосипед’, *хюс* / *хусь* ‘дом’, *штол* ‘сарай’ и др.;

− социальные и семейные связи: *брёда* ‘брат’, *мон* ‘муж / мужчина’, *теньяя* / *теня* / *тинт* ‘дети’, *фрю* ‘жена / женщина’, *элрэ* / *элре* ‘родители’ и др.;

− объекты быта: *ефис* ‘посудина’, *вэртшафт* ‘хозяйство’, *гуэдэ* ‘огород’;

− абстрактные и внутренние состояния: *апетит* ‘аппетит’, *вуарэ* ‘слово’, *зорье* ’заботы’, *йезундхэйт* ‘здоровье’.

Аналогичная картина наблюдается в немецком языке, где доминирующее положение *haben* подтверждается тем, что он выступает в качестве наиболее частотной реакции на стимулы *besitzen* (128), *gehören* (102), *bekommen* (94) и *halten* (84). В ассоциативном поле *aufweisen* глагол *haben* зафиксирован 45 раз и занимает второе место после реакции *zeigen* ‘показывать’ (103). Кроме того, *haben* представлен в полях остальных стимулов: *erfahren, erleben, genügen, profitieren* и *reichen*. Таким образом, *haben* выступает точкой пересечения всех исследуемых АП и образует межстимульные связи, объединяющие глаголы семантической группы обладания.

Экзистенциально-волевой компонент значения глагола *haben* проявляется в его наиболее сильных парадигматических связях с категориями бытия и желания: самыми частотными реакциями на него являются *sein* ‘быть’ (39) и *wollen* ‘хотеть’ (22). Помимо этого, вокруг *haben* формируется разноплановое АП, охватывающее все уровни человеческого бытия: от конкретных объектов (*Geld* ‘деньги’ (6), *Familie* ‘семья’ (4), *Dinge* ‘вещи’ (2), *Nahrungsmittel* ‘продукты питания’) и абстрактных понятий (*Glück* ‘счастье / удача’ (5), *Kenntnisse* ‘знания’ (4), *Mut* ‘мужество’ (3), *Macht* ‘власть’ (3), *Meinung* ‘мнение’ (2), *Krankheit* ‘болезнь’ (2)) до количественных характеристик (*viel* ‘много’ (2)).

В голландском языке вокруг *hebben* также формируется наиболее обширное АП, включающее субъекты обладания (*mijn* ‘мой’, *jullie* ‘вас’), абстрактные понятия (*zin* ‘предложение, фраза, смысл’, *zullen* ‘воля’) и конкретные объекты владения (*auto* ‘автомобиль’, *kleding* ‘одежда’, *spullen* ‘вещи’). Таким образом, *hebben* выступает связующим звеном, объединяющим процессы (получение), состояние (владение) и результат (принадлежность) в единую семантическую структуру в сознании носителей голландского языка.

Анализ реципрокных связей между ассоциативными полями глаголов обладания в русском языке (по данным СИБАС) показывает, что глагол *иметь* выступает центральным узлом образуемой ими АВС. Наиболее сильная и сбалансированная взаимная связь зафиксирована между *иметь* и *обладать*. Связь *иметь–владеть* носит симметричный характер – равное количество реципрокных связей (табл. 6). Между *владеть* и *обладать* установлена однонаправленная связь: в АП *владеть* реакция *обладать* зафиксирована 7 раз, тогда как обратная реакция отсутствует. Связь *иметь–быть* носит асимметричный характер: реакция *быть* на стимул *иметь* представлена 4 раза, а иметь на стимул *быть* – один раз. Глагол *располагать* не образует реципрокных связей с другими глаголами исследуемой группы и тяготеет к иным семантическим полям, что подтверждается реакциями *надеяться* и *нравиться*.

Таблица 6

Глаголы-стимулы в роли продуцентов в русском языке

Глагол-продуцент	**Глаголы-реакции (абс. частота)**	**Доля межстим. реакций (в %)**
иметь	*обладать* (15), *владеть* (11), *быть* (1)	42,2
обладать	*иметь* (15), *владеть* (7)	34,4
владеть	*иметь* (11)	17,2
быть	*иметь* (4)	6,3
располагать	–	–

Следует разграничивать центральность глагола внутри локальной АВС обладания и его положение в ядре общей АВС русского языка. В исследовании И. В. Шапошниковой глагольные ассоциативные доминанты распределяются по уровням в зависимости от количества входящих связей. Пятый уровень автор определяет как

«нижнюю, пограничную по отношению к периферии зону ассоциативных доминант – пятую (от 199 до 100 входящих связей)» [Шапошникова, 2026, с. 54]. Глагол *иметь* представлен в составе этого уровня РАС с показателем 108 входящих связей, тогда как в соответствующем перечне ядерных глагольных единиц СИБАС 1 + 2 он отсутствует. Следовательно, выявленная в настоящем исследовании системообразующая роль глагола *иметь* характеризует его положение внутри семантической группы обладания, но не означает его принадлежности к глобальному ядру АВС русского языка.

Тем не менее широкий семантический охват глагола *иметь* соответствует внутренней неоднородности посессивного домена: его обобщенное реляционное значение позволяет соотносить с субъектом сущности различного типа. В анализируемом материале он употребляется по отношению к любым видам собственности, внешним признакам и внутренним качествам: от материальных благ (*деньги* (43), *машина* (11), *дом* (7), *квартира* (4)) и социальных связей (*дети* (8), *семья*, *друзья*) до внутренних качеств (*совесть* (10), *мнение* (10), *честь*, *воля*, *талант*), прав и абстрактных возможностей (*власть*, *право*, *успех*, *опыт*), биологических объектов (*мозг*, *сердце*) и состояния организма (*здоровье*).

Значительная часть семантики реализуется через устойчивые словосочетания, о чем свидетельствует высокая частотность таких реакций, как *в виду* (24), *дело* (13) и *место* (7).

Хотя русский язык считается «быть»-языком, семантика *иметь* тесно переплетена с бытийностью: в АП *иметь* возникают реакции *есть*, *быть*, *в наличии*, связывающие обладание с существованием как таковым.

Таким образом, согласно проанализированным глагольным интеракциям [*], несмотря на общее ядро, АВС глаголов со значением обладания имеет в каждом из рассматриваемых языков собственную иерархическую структуру. Самая плотная связь звеньев наблюдается в немецком языке, а наименее – в голландском. В русском

[*] Интеракцией в настоящем исследовании называется взаимодействие глаголов внутри ассоциативно-вербальной сети, выявляемое на основании пересечений их ассоциативных полей и случаев появления одного глагола-стимула в качестве реакции на другой. Термин используется для обозначения не самого факта формального пересечения, а устанавливаемой на его основе связи между единицами, которые соотносятся друг с другом в функциональных позициях стимула и реакции. В отличие от сочетания «пересечение АП», обозначающего наличие общих реакций, выявляемых при сопоставлении состава двух и более АП, термин «интеракция» акцентирует взаимодействие глаголов как узлов единой сети.

материале связи сосредоточены преимущественно в ядре сети, тогда как периферийные элементы характеризуются слабой связанностью. Плотдич занимает промежуточное положение, обнаруживая специфику организации исследуемого фрагмента ментального лексикона его носителей.

Более детально структура обладания реконструируется, если рассмотреть интеракции глаголов посредством общих ассоциатов.

Так, в плотдич выделяются 23 общих реакций (табл. 7 [*]), которые формируют несколько устойчивых семантических кластеров, объединенных вокруг глагола *хабэ* как центрального узла сети. Эти реакции обозначают важные для языкового сознания носителей плотдич концептуальные узлы, связывающие несколько глаголов обладания через духовный контекст.

Первый кластер общих ассоциативных реакций образует материально-прагматическое ядро АВС глаголов со значением обладания, связанное с категориями достатка и собственности: наиболее частотной общей реакцией выступает *йелт* ‘деньги’ (10), к ней примыкают *хусь* ‘дом’ (7), *машинь* / *оуто* ‘машина’ (6), а также процессуальные реакции *йивэ* ‘давать’ (3) и *немэ* ‘брать’ (3), связывающие *хабэ*, *безэтцэ*, *тьри’э* и *ихирэ*.

Второй, семейно-родственный, кластер формируют реакции *фамилье* ‘семья’ (8), *теня* ‘дети’ (5), *мон* ‘муж / мужчина’ (4) и *фрю* ‘жена / женщина’ (3), актуализирующие представление об обладании как принадлежности к семье.

Третий кластер можно определить как духовно-ценностный, где общими реакциями становятся *Гот* / *Йозус* (10), а также *Еменде* ‘церковь’ (4), связывающие прежде всего *ихирэ*, *эрливэ* / *дэрхьмокэ*, *евэнэ* и *бливэ* с религиозно-этическим измерением обладания.

Отдельный кластер меры и достатка формируют реакции *фил* ‘много’ (5), *веныхь* ‘мало’ (3), *брёт* ‘хлеб’ (2) и *итэ* ‘есть’ (2), объединяющие *енух*, *ри:т*, *хабэ* и *эрфот* вокруг идеи обеспеченности необходимым.

[*] В табл. 7–10 представлены реакции, которые встречаются в АП двух и более глаголов-стимулов соответствующей языковой группы. Для каждой реакции указываются глаголы-стимулы, в АП которых она зафиксирована. Число в скобках показывает, сколько раз данная реакция встретилась в АП конкретного стимула. В последнем столбце приводится общее количество фиксаций этой реакции во всех АП, где она представлена.

Таблица 7

Пересекающиеся реакции глаголов со значением обладания в плотдич

Реакция	Частота упоминаний на каждый стимул	Общее количество фиксаций реакций
йелт / *jelt* / *jelt* (*елт*) ‘деньги’	*хабэ* (3), *тьри’э* (3), *енух* (2), *ри:т* (2)	10
фамилье / *фамилия* / *фемилье* ‘семья’	*ихирэ* (6), *безэтцэ* (1), *эрливэ* (1)	8
хусь / *hüsj* / *хюсь* ‘дом’	*безэтцэ* (3), *хабэ* (2), *ихирэ* (1), *эрливэ* (1)	7
гот / *gott* / *готтэс* ‘бог(а)’	*ихирэ* (4), *евэнэ* (1), *эрливэ* (1)	6
машина / *машин* / *машинь* / *машине* / *мъшинь* / *мешинь* / *meschinj* / *оуто* / *оутэ* / *отэ* ‘машина’	*хабэ* (2), *безэтцэ* (1), *опвизэ* (1), *тьри’э* (1), *эрфот* (1)	6
теня / *теньа* / *tent* ‘дети’	*хабэ* (3), *безэтцэ* (1), *ихирэ* (1)	5
шпэл / *spell* / *шпил* ‘игра’	*евэнэ* (3), *безэтцэ* (2)	5
ешенть / *ешеньть* ‘подарок’	*тьри’э* (3), *евэнэ* (1), *енух* (1)	5
фил / *viel* / *fiel* / *фэел* / *филе* / *vielet* ‘много’	*эрливэ* (2), *хабэ* (1), *енух* (1), *эрфот* (1)	5
емендэ / *еменде* ‘община / церковь’	ихирэ (3), эрливэ (1)	4
мон ‘муж / мужчина’	*хабэ* (1), *безэтцэ* (1), *опвизэ* (1), *ихирэ* (1)	4
шонь / *шоне* / *шонет* ‘хорошо’	*хабэ* (1), *евэнэ* (1), *енух* (1), *ри:т* (1)	4
йозус / *т’ристус* ‘иисус / христос’	*ихирэ* (2), *евэнэ* (1)	3
хэнь / *hont* ‘рука’	*хёле* (2), *хабэ* (1)	3
йивэ ‘давать’	*хабэ* (1), *безэтцэ* (1), *тьри’э* (1)	3
немэ / *nete* ‘брать’	*хабэ* (1), *тьри’э* (1), *ихирэ* (1)	3
веныхь ‘мало’	*енух* (2), *безэтцэ* (1)	3
фрю ‘жена / женщина’	*хабэ* (1), *хёле* (1), *ихирэ* (1)	3
брёт ‘хлеб’	*опвизэ* (1), *енух* (1)	2
итэ / *этэ* ‘есть / кушать’	*хёле* (1), *енух* (1)	2
вы(э)ршафт ‘хозяйство’	*хабэ* (1), *безэтцэ* (1)	2
лу:т ‘поздно’	*ихирэ* (1), *ри:т* (1)	2
ворхэт / *дэ ворхэт* ‘правда’	*эрфот* (1), *эрливэ* (1)	2

Несмотря на отсутствие реакции, общей для всех 11 глаголов-стимулов, АП обладания в плотдич сохраняет внутреннюю связность за счет ряда высокочастотных смысловых доминант. Наиболее распространенной реакцией выступает *фил* ‘много’, зафиксированная у 8 из 11 стимулов (*хабэ, хӧле, безэтцэ, тьри’э, енух, ихирэ, эрливэ / дэрхьмокэ, эрфот*), что позволяет рассматривать категорию количества как один из ключевых параметров концептуализации обладания.

Важную объединяющую роль играют также реакции *йелт* ‘деньги’, концентрирующая вокруг себя прагматическое ядро глаголов обладания (*хабэ, тьри’э, енух, ри:т*), *машинь* / *оуто* ‘машина’, связывающая 5 стимулов (*хабэ, безэтцэ, опвизэ, тьри’э, эрфот*) и выступающая маркером владения и социального статуса, *шпэл* ‘игра / борьба’, объединяющая 5 глаголов (*евэнэ, безэтцэ, хабэ, хӧле, эрливэ / дэрхьмокэ*) и отражающая представление об обладании как о процессе усилия, достижения или жизненной борьбы. Значимым социальным концептом остается и *фамилье* ‘семья’, актуализирующая семантику принадлежности «к своим» и родства в АП глаголов *ихирэ* (6), *безэтцэ* (1) и *эрливэ / дэрхьмокэ* (1). При этом отсутствие единой реакции на все стимулы указывает не на разобщенность поля, а на его семантическую многослойность. Различия в содержании ассоциативных полей позволяют выделить несколько групп глаголов в зависимости от характера актуализируемых ими смыслов. Первую группу образуют глаголы, в ассоциативных полях которых актуализируется преимущественно материально-предметная сторона обладания: *хабэ* ‘иметь’, *безэтцэ* ‘владеть’, *тьри’э* ‘получать’, *енух* ‘доставать’ и *ри:т* ‘хватать’. Их АП закономерно связаны с бытовыми и материальными категориями – *йелт* / *елт* / *Jelt* / *йэлт* ‘деньги’, *хусь* / *хюсь* / *Hüsj* / *hus* / *ху:сь* ‘дом’, *вэртшафт* / *выршафт* / *выэршафт* / *Wertschaft* / *гуэдэ* ‘хозяйство’, *пос* ‘паспорт’, *брӧт* ‘хлеб’.

Отдельный блок образуют глаголы-стимулы, в АП которых актуализируются духовно-ценностные смыслы, а также представления о пережитом опыте и приобретении знаний: *ихи:рэ* ‘принадлежать’, *эрливэ / дэрхьмокэ* ‘узнавать, убеждаться на опыте’ и *эрфот* ‘узнавать’. К этому блоку по характеру полученных реакций примыкает глагол *евэнэ* ‘побеждать / выигрывать’, АП которого включает религиозно-нравственную семантику. Среди реакций на данные стимулы представлены лексемы, обозначающие сакральную принадлежность, жизненный опыт и интеллектуальное освоение действительности: *Гот* / *Gott* ‘Бог’, *тьрехь* / *трехь* / *тьрехьт*

‘война’, *ворхэт* / *дэ ворхэт* ‘правда’, *эрфуэрунг* / *эрфуэт* / *эрфуат* ‘опыт’. Особое положение занимает глагол *хёле* ‘хранить, держать’, АП которого совмещает предметный и ценностный компоненты, что проявляется, в том числе, в реакции *вот ми ефелт, оп вот эть хёль* ‘то, что мне нравится, что я храню’, и тем самым связывает соответствующие смысловые сферы.

Анализ ассоциатов носителей плотдич показывает семантическую неоднородность семантического поля обладания и позволяет выделить их функциональную специфику.

В АП глагола *хёле* прослеживается связь между значениями физического удержания объекта, непосредственно соотносимого с посессивностью, и эмоциональной привязанности. В значении ‘хранить, держать’ он обозначает сохранение объекта в сфере физического контроля субъекта: *эть кон ерент вот эне хень хёле* ‘я могу что-то держать в руках’, *höle en Tent* ‘держать ребёнка’. Употребления *хёль оп мине фрю* ‘люблю свою жену’, *хёль оп шофэ* ‘люблю работать’, *хёль оп воршт эн сыр* ‘люблю колбасу и сыр’, *хёле ап шмокэт* ‘любить что-то красивое’ не выражают обладание непосредственно, однако демонстрируют перенос от физического удержания и сохранения объекта к его устойчивому включению в эмоционально-ценностную сферу субъекта.

Глагол *безэтцэ* ‘владеть / обладать’ в посессивном значении обозначает владение материальными объектами и хозяйственными ресурсами: *ви бэзетце эн шойнет хусь* ‘мы владеем красивым домом’, *мийн мон бэзетцт эн оуто* ‘мой муж владеет автомобилем’, *фил ид* ‘много земли’, *вэртшафт* ‘хозяйство’. В АП глагола представлены также употребления с самостоятельным значением занятости или занимания пространства: *тэлефон эс фокэн бэзетцт* ‘телефон часто занят’, *ви безетце ню дэн зоуфа* ‘мы сейчас занимаем диван’, *безетцт мотэ фрю, фамилие, оубет* ‘быть занятым женой, семьей, работой’. Эти реакции непосредственно не выражают обладание, однако отражают полисемию глагола и семантическое сближение владения объектом с его занятием или удержанием в сфере контроля субъекта.

Глагол *евэнэ* ‘побеждать / иметь выгоду’ репрезентирует обладание как результат усилия, успеха или моральной победы (*эн шпэл* ‘игра’, *характа евенэ* ‘победить характер’, *мэт Т’ристус* (*дэ зи:н конть эвэнэ*) ‘победить грех с помощью Христа’,

евен де оньземтент ‘я побеждаю одиночество’, *эн даби эн эрфольхь хабэ* ‘иметь в этом успех’, *дот ойвье лэве* ‘вечную жизнь’).

Глагол *опвизэ* в значении ‘обнаруживать’ соотносится с посессивностью через установление наличия у субъекта определенного объекта, признака или скрываемого содержания: *твэшн эн визь эть ерэнт ве:м вот* / *орвизе оп ереньвот, вот дэ менш нихь дэньт вота хэне луте дэтвота нихь зёзоя нодехь талт дэта твэшэнэн опвизе* ‘иной раз выговариваю / обнаружить то, что человек не хочет показывать’. К этой же модели примыкают употребления *опвизэ вот эть хаб* ‘показать то, что у меня есть’ и *эть кон минь пос опвизэ* ‘я могу предъявить свой паспорт’, в которых демонстрация объекта эксплицирует его наличие у субъекта. Такие употребления, как *опэм химэл* ‘на небо’ и *теть мул ду хан* ‘посмотри туда’ реализуют самостоятельное значение ‘показывать / указывать’ и с посессивностью не связаны.

Переходность обладания отражает *тьри’э* ‘получать’, ассоциируемый с дарами, помощью и социальным обеспечением (*эн ешеньть* ‘подарок’, *рентэ* ‘пенсия’, *штруф* ‘наказание’, *эн посылкэ фон дичлонд* ‘посылка из Германии’, *мул нэ халп* ‘часто помогают’, *шоне томатэ уть эм гуэдэ* ‘красивые помидоры из огорода’).

Меру достаточности и удовлетворенности базовыми потребностями выражает *енух* ‘хватать / быть достаточным’ (*брёт* ‘хлеб’, *тофрэд* ‘доволен’, *енух итэ* ‘достаточно кушать’, *т’и:ть* ‘время’, *едбеере* ‘земляника’, *хаб фон олэм енух* ‘от всех имею достаточно’).

Глагол *ихирэ* ‘принадлежать’ смещает фокус от владения вещью к социальной и духовной принадлежности (*Готэс теня* ‘Божьи дети’, *фамилийа* ‘семья’, *дэ менените емендэ* ‘меннонитская община’, *дэ дичен фольт* ‘немецкий народ’, *мине фрю* ‘моей жене (принадлежать)’, *ту Росланд* ‘России’).

Экзистенциальное измерение обладания раскрывает *эрливэ* / *дэрьхьмокэ* ‘переживать / выдерживать’, связанный преимущественно с трудным опытом (*шворэ тить* ‘тяжелое время’, *трехь* ‘война’, *трурихьтит* ‘горе’, *кранкхейт* ‘болезнь’, *эн вонда* ‘чудо’, *ӥтхӧле* ‘выдерживать’).

Тогда как *эрфот* ‘узнавать / получать опыт’ отражает познание мира, в том числе через жизненные уроки (*ворхэт* ‘правда’, *эрфуэрунг* / *опыт* ‘опыт’, *фил рейн* ‘много дождя’, *эн ерегнис* ‘событие’, *ву:т* ‘слово’, *моньхь оне годэд штунд* ‘много добрых часов’).

Последний стимул, *ри:т* ‘хватать’, выражает прагматическую достаточность и физический предел ресурса (*руть ритэ крють* ‘рвать траву’, *эрэнт вуат* ‘урожая хватит’, *дэ хонд* ‘руку (подать)’, *дэ тийт* ‘время’, *кулэ* / *холт* ‘уголь / дрова’, *ес енух* ’всего достаточно’).

Итак, образ обладания в плотдич – это материальное владение и эмоциональная привязанность, социальная принадлежность и духовный опыт, достаточность и жизненное преодоление.

Анализ общих реакций на материале немецкого языка показывает высокую степень централизации АП, которое характеризуется абстрактностью и выраженной системностью межглагольных связей. Абсолютным ядром также выступает глагол *haben*, доминирующий как универсальная реакция (234) и связывающий практически все зоны поля – от материального владения до экзистенциального опыта. Вокруг него формируется кластер собственности и принадлежности, объединённый реакциями *Besitz* ‘владение’ (46), *Eigentum* ‘собственность’ (43) и *Haus* ‘дом’ (17), что отражает концептуализацию обладания, прежде всего, как юридически и социально закреплённого владения. Второй крупный узел образуют категории достаточности и ресурса – *genug* ‘достаточно’ (46), *ausreichend* ‘достаточный / в достаточной мере’ (35), *brauchen* ‘нуждаться’ (26), связывающие обладание с идеей меры, необходимости и функциональной обеспеченности. Существенное место занимает и экономико-прагматический кластер, представленный реакциями *Geld* ‘деньги’ (50), *geben* ‘давать’ (48), *Vorteil* ‘преимущество’ (21), *gewinnen* ‘выигрывать’ (20), *Reichtum* ‘богатство’ (13), что показывает тесную связь обладания с обменом, выгодой и ресурсной успешностью. Кроме того, в структуре поля представлены реакции, относящиеся к семейно-родственной сфере (*Familie* ‘семья’ (8), *Kind* / *Baby* (11)), сфере познания (*wissen* / *Wissen* ‘знать / знание’ (25), *Kenntnisse* ‘знания’ (9), *erkennen* ‘распознавать’) и эмоциональной сфере (*Emotionen* ‘эмоции’ (6), *Freude* ‘радость’ (6)), благодаря чему обладание осмысляется не только как владение вещью, но и как обладание опытом, знанием, отношениями и жизненными возможностями.

Таким образом, по связям через общие ассоциации (табл. 8) можно выделить несколько «узлов»:

− *Geld* ‘деньги’ является самым крепким звеном и связывает *profitieren* (15), *besitzen* (11), *bekommen* (8), *haben* (6), *reichen* (6) и *genügen* (4);

– *geben* ‘давать’ объединяет *reichen* (15), *haben* (15), *bekommen* (10), *halten* (4), *besitzen* (3) и *aufweisen*;

– через *Eigentum* ‘собственность’ / *Besitz* ‘владение’ пересекаются *gehören* (*Besitz* (29), *Eigentum* (18)), *besitzen* (*Eigentum* (19)), *haben* (*Besitz* (17), *Eigentum* (4)) и *aufweisen* (*Eigentum* (2));

– глаголы *haben*, *besitzen* и *genügen* объединяются через реакцию *brauchen* ‘нуждаться’ (10, 6 и 10 соответственно);

– отрицание *nicht* также является общим для *genügen* (10), *reichen* (5), *besitzen* (3) и *haben* (2).

Таблица 8

Пересекающиеся реакции глаголов со значением обладания в немецком языке

Реакция	**Частота упоминаний на каждый стимул**	**Общее количество фиксаций реакций**
Geld ‘деньги’	*profitieren* (15), *besitzen* (11), *bekommen* (8), *haben* (6), *reichen* (6), *genügen* (4)	50
geben ‘давать’	*reichen* (15), *haben* (15), *bekommen* (10), *halten* (4), *besitzen* (3), *aufweisen*	48
Besitz ‘владение’	*gehören* (29), *haben* (17)	46
Eigentum ‘собственность’	*gehören* (18), *besitzen* (19), *haben* (4), *aufweisen* (2)	43
brauchen ‘нуждаться’	*haben* (10), *besitzen* (6), *genügen* (10)	26
nicht (отрицание)	*genügen* (10), *reichen* (5), *besitzen* (3), *haben* (2)	20

Среди анализируемых глаголов несколько формируют относительно автономные ассоциативные поля и, таким образом, стоят «особняком» по отношению к основному массиву реакций. Так, глагол *halten* ‘хранить, держать’ обладает наиболее специфической ассоциативной сетью: ключевые реакции на него – *heben* ‘поднимать’ (25), *loslassen* ‘отпускать’ (16) и *fallen* ‘падать’ (15) – практически не актуализируются в АП других глаголов. Это указывает на его связь прежде всего с физическим действием удержания, а не с отношениями собственности, принадлежностью к определённой общности или обладанием нематериальными объектами. Точки пересечения с другими лексемами возникают лишь на уровне общих объектов (например, *Kind* ‘ребенок’, *Hund* ‘собака’) и через глагол *geben* ‘давать’.

Аналогично глагол *aufweisen* ‘обнаруживать / показывать’ демонстрирует слабую интеграцию в общий ассоциативный кластер: реакции – *Fehler* ‘ошибка’ (6), *Zeichen* ‘знак’ (3), *Merkmale* ‘признаки’ (3), *Symptome* ‘симптомы’ (2) – формируют преимущественно аналитико-дескриптивное поле, в рамках которого значение осмысляется не как активное ‘иметь’, а как ‘характеризоваться наличием’.

Особое положение занимает и глагол *profitieren* ‘получать выгоду’, который, хотя и связан с семантической областью обладания через финансовый компонент, актуализирует специфический пласт оценочных и прагматических ассоциаций: *Gewinn* ‘прибыль’ (22), *Vorteil* ‘преимущество’ (14), *Gier* ‘жадность’ (11), *Eigennutz* ‘корысть’ (3). Наличие подобных реакций позволяет рассматривать данный глагол как репрезентант отдельной сферы «прагматического владения», семантически и аксиологически отличной от остальных единиц поля.

В полученном экспериментальном материале аспекты обладания, актуализированные в АП немецких глаголов-стимулов, могут быть систематизированы следующим образом:

1) *haben* ‘иметь’ задает базовую категорию наличия, тесно связанную с бытием (*sein* ‘быть’ (39)), волей (*wollen* ‘хотеть’ (22)) и собственностью (*Besitz* ‘собственность / владение’ (17));

2) *halten* ‘держать’ отражает физическое удержание и контроль над объектом (*heben* ‘поднимать’ (25), *loslassen* ‘отпускать’ (16), *fallen* ‘падать’ (15));

3) *besitzen* ‘владеть / обладать’ выражает устойчивое материальное владение (*Eigentum* ‘собственность’ (19), *Haus* ‘дом’ (15), *Geld* ‘деньги’ (11));

4) *profitieren* ‘извлекать выгоду’ связано с получением преимущества (*Gewinn* ‘прибыль’ (22), *gewinnen* ‘выигрывать’ (18), *Vorteil* ‘преимущество’ (14));

5) *aufweisen* ‘обнаруживать / показывать’ актуализирует выявление признаков и качеств (*Fehler* ‘ошибка’ (6), *Zeichen* ’знак’ (3), *Merkmale* ‘признаки’ (3));

6) *bekommen* ‘получать’ отражает процесс приобретения (*Geschenk* ‘подарок’ (26), *kriegen* ‘получать (разг.)’ (21), *erhalten* ‘получать (офиц.)’ (19));

7) *genügen* ‘хватать’ выражает идею достаточности (*ausreichen* ’хватать’ (25), *ausreichend* ‘достаточно’ (10), *brauchen* ‘нуждаться’ (10));

8) *gehören* ‘принадлежать’ связано с принадлежностью и сопричастностью (*Besitz* ‘владение / собственность’ (29), *Eigentum* ‘собственность’ (18), *zusammen* ‘вместе’ (6));

9) *erleben* ‘переживать / испытывать’ репрезентирует значимый жизненный опыт (*Abenteuer* ‘приключение’ (19), *Erfahrung* ‘опыт’ (15), *sterben* ‘умирать’ (11));

10) *erfahren* ‘узнавать’ отражает когнитивное получение знания (*wissen* ‘знать’ (18), *hören* ‘слышать’ (11), *lernen* ‘учить / учиться’ (11));

11) *reichen* ‘хватать / подавать’ объединяет передачу объекта и количественную меру достаточности (*geben* ‘давать’ (15), *genug* ‘достаточно’ (14), *Hand* ’рука’ (5)).

В целом, по сравнению с АВС глаголов обладания в плотдич, голландском и русском языках, немецкая модель характеризуется более высокой плотностью ассоциативной сети и демонстрирует разветвленное и концептуально дифференцированное поле, в котором представления о владении материальными объектами, отношениях принадлежности, приобретении знаний и жизненном опыте объединяются вокруг *haben*.

При изучении связей глаголов посредством полученных ассоциаций на материале голландского языка также обнаруживается усиление связности АВС. В результате выявляются следующие интеракции (табл. 9).

Таблица 9

Пересекающиеся реакции глаголов со значением обладания в голландском языке

Реакция	**Частота упоминаний на каждый стимул**	**Общее количество фиксаций реакций**
hebben ‘иметь’	*krijgen* (9), *bezitten* (8), *ervaren*	18
geven ‘давать’	*krijgen* (7), *hebben* (2)	9
liefde ‘любовь’	*houden* (5), *krijgen*	6
meemaken ‘пережить / испытать’	*beleven* (4), *ervaren*	5
eigendom ‘собственность’	*toebehoren* (4), *bezitten*, *hebben*	6
geld ‘деньги’	*profiteren* (2), *bezitten*, *krijgen*	4
auto ‘автомобиль’	*bezitten* (2), *hebben*	3
zijn ‘быть’	*hebben* (2), *ervaren*, *krijgen*	4
verliezen ‘потерять’	*profiteren* (2), *bezitten*	3
mijn ‘мой’	*hebben*, *bezitten*	2

Окончание табл. 9

doen ‘делать’	*beleven, ervaren*	2
goed ‘хороший’	*toebehoren, voldoen*	2

Согласно пересечениям по ассоциациям, наиболее тесная связь наблюдается у *hebben* и *bezitten*, также к ним близок *krijgen*. Сильной остается связь синонимов *beleven* и *ervaren*, однако в данном случае эта пара глаголов не остается обособленной. Кроме того, стимулы, не имеющие взаимной связи с остальными глаголами, соединяются с ними при помощи пересекающихся реакций.

В голландском экспериментальном материале ассоциативная репрезентация обладания включает несколько взаимосвязанных аспектов: статичное владение, приобретение, а также социальный, эмоциональный и экзистенциальный опыт.

Ядро поля образуют глаголы *hebben* и *bezitten*. Наибольшей семантической широтой характеризуется ассоциативное поле *hebben*, включающее связи с глаголами *houden* ‘держать / хранить’ (4), *krijgen* ‘получать’ (2), *geven* ‘давать’ (2) и *zijn* ‘быть’ (2), а также с притяжательным местоимением *mijn* ‘мой’. Эти реакции актуализируют различные аспекты посессивных отношений: удержание объекта, его приобретение и передачу, принадлежность, а также связь обладания с бытийной семантикой.

Bezitten ‘владеть / обладать’, напротив, концентрируется на формальном владении и статусной собственности (*auto* ‘автомобиль’ (2), *huis* ‘дом’ (2), *hebben* ‘иметь’ (8), *eigendom* ‘собственность’, *geld* ‘деньги’, *grond* ‘земля’, *bourgeoisie* ‘буржуазия’).

Глаголы *toebehoren* ‘принадлежать’, *krijgen* ‘получать’ и *houden* ‘держать / хранить’ раскрывают обладание как отношение, переход и удержание: *toebehoren* связано с принадлежностью (*aan* ‘к / для’ (4), *onderdeel* ‘часть’ (2), *eigendom* ‘собственность’ (4), *groep* ‘группа’, *gekoppeld zijn* ‘быть связанным’), *krijgen* репрезентирует фазу приобретения через бинарную связь с *hebben* ‘иметь’ (9) и *geven* ‘давать’ (7), а также через реакции *cadeau* ‘подарок’ (2), *liefde* ‘любовь’, *salaris* ‘зарплата’.

Houden сочетает физическое удержание (*vast* ‘крепко’, *vastpakken* ‘схватить’, *afpakken* ‘забирать’) с эмоциональной привязанностью, что подтверждается высокой частотностью *van* ‘(часть конструкции *houden van* – любить)’ (13), *liefde* ‘любовь’ (5), *van elkaar* ‘друг друга’.

Глаголы *beleven* ‘переживать’ и *ervaren* ‘получать опыт / узнавать’ переносят обладание в сферу опыта и личностного роста: *beleven* связан с эмоциональной насыщенностью (*ervaren* ‘получать опыт’ (7), *avontuur* ‘приключение’ (5), *meemaken* ‘пережить / испытать’ (4), *emoties* ‘эмоции’, *genieten* ‘наслаждаться’, *voelen* ‘чувствовать’), тогда как *ervaren* ориентирован на знание, развитие и социальную зрелость (*werk* ‘труд / работа’ (2), *carrière* ‘карьера’, *groei* ‘рост’, *slim* ‘умный’, *volwassen* ‘взрослый’, *vakmensen* ‘профессионалы’).

Даже в АП глаголов, связанных с получением выгоды и достаточностью ресурсов, проявляется выраженная оценочная окраска: *profiteren* ‘извлекать выгоду’ ассоциируется с выгодой (*geld* ‘деньги’ (2), *winst* ‘прибыль’) и социальной несправедливостью (*misbruiken* ‘злоупотреблять’ (2), *exploiteren* ‘эксплуатировать’, *oneerlijk* ‘нечестный / подлый’, *asociaal* ‘асоциальный’, *verliezen* ‘терять’ (2)).

Reiken ‘доставать’ связывается с бедностью (*arm* / *armen* ‘бедный / бедным’ (23)), риском (*risico* ‘риск’) и отсутствием эмпатии (*geen empathie* ‘никакого сочувствия’); *voldoen* ‘быть достаточным / соответствовать’ – с требованиями (*eisen* ‘требовать’ (3)), достижением результата (*diploma* ‘диплом’, *slagen* ‘добиться успеха’) и достаточностью (*genoeg* ‘достаточно’ (2), *verzadigd* ‘насыщенный’).

Таким образом, модель обладания в голландском языке объединяет статичное и динамическое обладание, оценочное измерение и эмоционально-психологический опыт, где владение осмысляется как обладание вещью, отношениями, социальным статусом, опытом и внутренним состоянием.

Пересечения по общим реакциям в русском языке также формируют ядерные смысловые узлы категории (табл. 10).

Таблица 10

Пересекающиеся реакции глаголов со значением обладания в русском языке

Реакция	Частота упоминаний на каждый стимул	Общее количество фиксаций реакций
жить	*быть* (40), *иметь* (1)	41
собой	*быть* (29), *владеть* (1)	30
есть	*быть* (14), *иметь* (10)	24
друг / *друзья*	*иметь* (21), *быть* (1)	22
знать	*обладать* (4), *иметь* (2), *владеть* (2)	8
всегда	*быть* (6), *иметь* (1)	7

уметь	*владеть* (3), *обладать* (1)	4
счастье	*иметь* (3), *быть* (1)	4
приобретать / *приобрести*	*иметь* (3), *владеть* (1)	4
держать	*владеть* (2), *обладать* (1)	3
думать	*иметь* (1), *быть* (1)	2

Анализ общих реакций демонстрирует, что АП русских глаголов обладания пересекаются по нескольким содержательным осям, образуя единую, но внутренне дифференцированную семантическую сеть. Наиболее частотные общие реакции формируют две содержательные линии: «экзистенциальную» – *жить*, *есть*, *всегда*, связывающую прежде всего АП глаголов *быть* и *иметь*, и «субъектно-идентификационную» – *собой*, объединяющую поля *быть* и *владеть*. Такая организация согласуется с бытийно-реляционной основой посессивности и соотношением моделей *иметь–быть.* Когнитивный аспект представлен реакциями *знать* и *уметь*, которые являются общими для ядерной группы (*иметь*, *владеть*, *обладать* и *владеть–обладать*), указывая на то, что владение информацией или навыком в языковом сознании приравнивается к обладанию материальным объектом. Социально-эмоциональный пласт раскрывается через пересечения по словам *друг* / *друзья* и *счастье*: абстрактные ценности и человеческие отношения одинаково прочно ассоциируются как с процессом обладания (*иметь*), так и с состоянием (*быть*). Наконец, прагматика владения проявляется через реакции *приобретать* / *приобрести* и *держать*: первая связывает поля глаголов *иметь* и *владеть*, вторая – поля глаголов *владеть* и *обладать*, что подчеркивает их семантическую близость в контексте физического или метафорического удержания объекта.

В русском ассоциативном материале исследуемые глаголы-стимулы обнаруживают различную конфигурацию ассоциативных связей, которая характеризует специфику организации соответствующих полей и определяет структурное положение репрезентируемых ими узлов в реконструируемой АВС:

– *иметь* является центральным и стилистически нейтральным узлом всей семантической группы. Согласно полученным реакциям, его семантика охватывает все сферы жизни: материальное обладание – самые частотные реакции: *деньги* (43), *машину* (11), *дом* (7), *квартиру* (4); социальные связи – *друзей*, *детей* (8), *семью*, *жену*; внутренние качества и абстрактные понятия – *мнение* (10), *совесть* (10), *власть*,

успех, *право*; Значительный пласт реакций образуют единицы, отсылающие к устойчивым сочетаниям с глаголом *иметь*: *в виду* (24) – *иметь в виду*, *дело* (13) – *иметь дело*, *место* (7) – *иметь место*;

− глагол *быть* практически не связан в сознании носителей с обладанием вещами, его АП онтологично и экзистенциально. Понятийными центрами становятся сфера «Существование и жизнь» с лидирующими реакциями *существовать* (65), *жить* (40), *бытие*, *сущность*; сфера «Состояние и самоидентификация», представленная реакциями *собой* (29), *человеком* (19), *счастливым* (10), *умным* (9), *честным*; и сфера «Локатив», включающая реакции *находиться* (13), *здесь*, *везде*, *рядом*;

− поскольку глагол *владеть* не представлен в СИБАС в качестве стимула, для его характеристики используются данные обратного словаря, т. е. стимулы, вызвавшие его в качестве реакции. Он ассоциируется с активным управлением и мастерством: вызывается стимулами *уметь* (3), *знать* (2), *понимать*, *держать*;

− *обладать* тяготеет к литературной речи и описанию внутренних качеств и способностей: основными стимулами для этой реакции выступают *иметь* (15) и *знать* (4), к которым примыкают *уметь* и *видеть*. В отличие от *владеть*, где АП включает как имущественные (*держать*, *приобрести*, *собственное*), так и ментально-волевые (*уметь* (3), *знать*, *понимать*, *собой*) стимулы, у *обладать* акцент смещен с распоряжения и контроля на наличие внутренних, часто положительных, характеристик – таких как знание, умение, способность к восприятию;

− глагол *располагать* указывает на возможность использования значительных ресурсов. Однако в ассоциативной базе его связи специфичны и ограничены: он вызывается стимулами *надеяться* и *нравиться*. Это говорит о том, что в обыденном сознании этот глагол чаще ассоциируется с психологической предрасположенностью или состоянием.

В русском ассоциативном материале АВС глаголов со значением обладания имеет мозаичную структуру: глаголы *иметь*, *владеть*, *обладать* и *быть* образуют связанное ядро, тогда как поле глагола *располагать* является изолированным. Функционально-семантическим центром ядра выступает глагол *иметь*. Его АП объединяет материальное, социальное и абстрактное обладание, тогда как *быть* формирует экзистенциальный контур сети и связывает посессивную семантику с существованием, состоянием и самоидентификацией. Глаголы *владеть* и *обладать* образуют

более специализированные зоны, соотносимые соответственно с контролем, управлением и мастерством, с одной стороны, и наличием знаний, способностей и внутренних качеств – с другой. Общие реакции показывают пересечение категории обладания с бытийной, когнитивной и социально-эмоциональной сферами и свидетельствуют о высокой внутренней интеграции ядерной части сети при структурной автономности поля глагола *располагать*.

Таким образом, основу структурно-содержательной специфики АВС глаголов со значением обладания в плотдич составляет доминирующий, но не единственный структурно значимый узел *хабэ* ‘иметь’, объединяющий непосредственное владение, получение и сохранение объекта, достаточность ресурсов, семейно-общинную принадлежность и обладание жизненным опытом.

Центральное положение глагола со значением ‘иметь’ сближает плотдич с немецким и голландским материалами, где аналогичную функцию выполняют нем. *haben* и голл. *hebben*. Однако в немецкой АВС данная тенденция выражена сильнее: *haben* связывает все исследуемые глаголы-стимулы и образует высокоцентрализованную сеть.

В плотдич наряду с *хабэ* существенную роль играют другие узлы, прежде всего *енух* и *ри:т*, репрезентирующие достаточность, а также *хёле*, связывающий обладание с удержанием и сохранением объекта. Наиболее отчетливое соответствие между плотдич и немецким языком обнаруживается в зоне достаточности и обеспеченности необходимым ресурсом. Глаголы *енух* и *ри:т* функционально соотносятся с немецкими *genügen* и *reichen*. Вместе с тем содержательное наполнение этой зоны различается. В немецком материале она включена в более дифференцированную систему юридических, имущественных и экономических отношений, представленную реакциями *Besitz* ‘владение’, *Eigentum* ‘собственность’, *Geld* ‘деньги’, *Gewinn* ‘прибыль’ и *Vorteil* ‘преимущество’. В плотдич семантика достаточности конкретизируется через обозначения повседневных ресурсов: *йелт* ‘деньги’, *брёт* ‘хлеб’, *т’и:ть* ‘время’, *хусь* ‘дом’, *вэртшафт* ‘хозяйство’, а также через развернутые реакции *енух итэ* ‘достаточно кушать’, *ерэнт вуат* ‘урожая хватит’, *хаб фон олэм енух* ‘от всего имею достаточно’. Таким образом, общая для плотдич и немецкого языка связь обладания с количеством и ресурсом получает в плотдич выраженное предметно-бытовое содержание.

С голландским языком плотдич сближается взаимодействием посессивной, эмоциональной и опытной семантики. В ассоциативных полях *хёле* и голл. *houden* физическое удержание объекта соотносится с эмоциональной привязанностью, тогда как глаголам *эрливэ* / *дэрхьмокэ* и *эрфот* функционально соответствуют голл. *beleven* и *ervaren*, связанные с переживанием и приобретением опыта. В голландском материале соответствующие зоны получают выраженную эмоционально-опытную и социально-оценочную направленность, о чем свидетельствуют реакции *liefde* ‘любовь’, *van elkaar* ‘друг друга’, *emoties* ‘эмоции’, а также *asielzoeker* ‘проситель убежища’, *bourgeoisie* ‘буржуазия’ и *goed* ‘хороший’. В плотдич соответствующие смысловые зоны включены в более широкий комплекс семейно-родовых, общинных и религиозных отношений. Так, в АП *ихирэ* ‘принадлежать’ представлены реакции *то эрент воне фамилие* ‘к какой-то семье’, *эть ехе то дэ емендэ* ‘я принадлежу церкви’ и *эть вэл минь Йозус ехерэ* ‘я хочу принадлежать моему Иисусу’. В поле *эрливэ* / *дэрхьмокэ* ‘переживать / убеждаться на опыте’ жизненный опыт соотносится с коллективной семейной памятью: *онзе элре эн грёсьэлре хабэ фил вот дэрьхьемокт эн дэрьхьелэвт* ‘наши родители, дедушки и бабушки многое пережили и перетерпели’. В поле *евэнэ* ‘побеждать / иметь выгоду’ преодоление получает религиозно-нравственное осмысление: *дэ зи:н конть эвэнэ мэт Т’ристус* ‘я могу победить грех с помощью Христа’. Тем самым посессивная семантика в исследованном материале плотдич взаимодействует с представлениями о принадлежности семье и общине, религиозной сопричастности и разделяемом жизненном опыте.

В материале плотдич не выявлена ассоциативная связь *хабэ* с глаголами бытия: его поле организуется прежде всего вокруг наличия, принадлежности, достаточности и практической обеспеченности. В то время как материал на русском языке обнаруживает иной принцип организации посессивной семантики. АП глаголов со значением обладания в русском языке отражают бытийную основу обладания, при которой материальное и духовное синкретично объединены, а «иметь» неразрывно связано с «быть». Поэтому материал на русском языке выступает преимущественно контрастным фоном, позволяющим выявить характерную для плотдич ориентацию на включение материальных и нематериальных объектов в личную, семейную и общинную сферу субъекта.

Итак, специфика АВС глаголов обладания в плотдич определяется не наличием отдельных семантических компонентов, имеющих соответствия в других сопоставляемых материалах, а их сочетанием и структурным соотношением. Общая с немецким и голландским языками организация сети вокруг глагола со значением ‘иметь’ соединяется в плотдич с высокой значимостью достаточности, хозяйственно-бытовой обеспеченности, семейно-общинной принадлежности, религиозного опыта и жизненного преодоления. Сходство с немецкими ассоциативными данными обнаруживается в репрезентации владения и достаточности, с голландскими – в объединении удержания, эмоциональной привязанности и опыта, тогда как сопоставление с русским материалом подчеркивает относительную самостоятельность посессивной семантики по отношению к бытийной. Именно взаимодействие практического, социального и духовно-ценностного компонентов характеризует ассоциативную репрезентацию обладания в исследованном материале плотдич.

В АВС плотдич смысловой узел обладания организован двумя встречными векторами: включением объекта в сферу субъекта и включением самого субъекта в семейно-общинное и сакральное целое. Такая функционально-смысловая организация объединяет значения ‘иметь’ и ‘принадлежать’, расширяя посессивные отношения от модели «субъект–объект» до модели «субъект–объект–сообщество / сакральная сфера».

4. Мицелиальный анализ ассоциативных полей глаголов со значением обладания в плотдич (в сопоставлении с немецким, голландским и русским языками)

В данном исследовании для реконструкции и формализованного описания АВС глаголов со значением обладания предлагается мицелиальный анализ ассоциативных полей (МААП, лат. *mycelium* – грибница), позволяющий эксплицировать как глубинную уникальность каждого стимула, так и системные связи между стимулами внутри АВС.

МААП – это разработанный в настоящем исследовании метод интерпретации данных АЭ, основанный на представлении АП стимула как двухуровневой структуры, метафорически соотносимой с биологическим мицелием.

В рамках МААП АП каждого стимула концептуализируется как совокупность:

1) глубинного, уникального мицелия – реакций, специфичных для данного стимула и не воспроизводящихся в полях других стимулов исследуемой группы. Данный компонент отражает семантическую автономность каждой отдельной исследуемой лексемы;

2) связующей мицелиальной сети – реакций-гифов, разделяемых двумя и более стимулами. Гифы эксплицируют горизонтальные связи между концептами в ментальном лексиконе и служат показателем их интеграции в единую систему.

Процедура МААП включает:

− инвентаризацию реакций на каждый стимул;

− разделение реакций на уникальные и общие;

− вычисление для каждого стимула индекса мицелиальной глубины (ИМГ), т. е. доли уникальных реакций в общем массиве ответов на данный стимул;

− построение матрицы пересечений и визуализацию мицелиальной сети.

Этимологическая опора на латинское *mycelium* подчеркивает специфику предлагаемого способа организации анализа. Обозначения «вертикальный» и «горизонтальный» используются в МААП условно и характеризуют не пространственное устройство АВС, а два аналитических ракурса рассмотрения экспериментального материала. Под «вертикальным» понимается анализ связей внутри отдельного АП – между стимулом и полученными на него реакциями; «горизонтальный» ракурс предполагает сопоставление нескольких АП и выявление повторяющихся в них реакций, на основании которых моделируются межстимульные отношения. Такое разграничение не отрицает многомерного и разнонаправленного характера АВС, а представляет одну из возможных аналитических проекций ее организации. В рамках мицелиальной метафоры отдельные слова-стимулы условно соотносятся с «плодовыми телами», тогда как повторяющиеся в их АП реакции образуют скрытый уровень связей между ними. Тем самым метафора позволяет наглядно представить сочетание относительной автономности отдельных АП и их включенности в общую систему межполевых связей.

ИМГ показывает, насколько АП стимула автономно, как велика доля «глубинного мицелия», не разделяемого с другими стимулами группы. ИМГ для отдельного стимула вычисляется как отношение суммы частот всех специфических реакций, полученных на данный стимул, к общей сумме частот всех реакций, полученных на

этот же стимул. Уникальной считается такая реакция, которая зафиксирована в ответах только на рассматриваемый стимул и не встречается среди реакций ни на один другой стимул анализируемой группы.

Расчет ИМГ проводится отдельно для каждого АП и включает несколько последовательных операций.

1. Определяется общий объем АП – подсчитывается количество всех зафиксированных реакций на данный стимул с учетом их повторяемости. Единицей подсчета выступает отдельная реакция информанта, представленная словом, словосочетанием или высказыванием. Если одна и та же реакция встретилась у нескольких информантов, каждая ее фиксация входит в общий объем поля.

2. Выявляются различные реакции, входящие в данное АП, и сопоставляются с составом АП всех остальных стимулов исследуемой группы.

3. Специфическими считаются реакции, представленные только в анализируемом АП и не встречающиеся ни в одном другом поле группы. При расчете учитывается частота каждой специфической реакции, то есть количество ее фиксаций в ответах информантов. Частоты всех таких реакций складываются, образуя суммарную частоту специфических реакций данного АП.

4. Суммарная частота специфических реакций делится на общую частоту всех реакций данного АП. Полученное отношение составляет ИМГ.

Значение, близкое к 1, означает, что большая часть реакций поля специфична для данного стимула; значение, близкое к 0, свидетельствует о преобладании реакций, которые встречаются также в АП других стимулов.

Например, в АП глагола *опвизэ* зафиксировано 15 реакций. После сопоставления его состава с АП остальных десяти глаголов установлено, что реакции, специфичные только для *опвизэ*, имеют суммарную частоту 12. Оставшиеся 3 фиксации приходятся на реакции, которые представлены также в других АП. Следовательно, ИМГ глагола опвизэ составляет 12 / 15 = 0,80. Это означает, что 80 % всех зафиксированных в его АП реакций приходится на содержание, не разделяемое с другими глаголами исследуемой группы.

ИМГ предлагается рассчитывать по формуле:

$$\text{ИМГ}_i = \frac{\sum_{r \in U_i} f_{i,r}}{\sum_{r \in R_i} f_{i,r}},$$

где i – анализируемый стимул; r – отдельная реакция (слово, словосочетание или высказывание), полученная на данный стимул; R_i – множество всех различных реакций на стимул i; $f_{i,r}$ – количество фиксаций реакции r в ответах информантов на стимул i; U_i – подмножество уникальных реакций стимула i, не встречающихся в АП других стимулов исследуемой группы. Так, в числителе суммируются частоты всех уникальных реакций рассматриваемого АП, а в знаменателе – частоты всех реакций данного поля.

Второй, предлагаемый для расчета в рамках МААП, показатель – плотность мицелиальной сети, который отражает степень интеграции всей группы стимулов через общие реакции, т. е. насколько плотно ассоциативные поля стимулов объединены горизонтальными межстимульными связями. Плотность мицелиальной сети определяется как отношение фактического числа пар стимулов, между которыми существует хотя бы одна общая реакция, к максимально возможному числу таких пар в анализируемой группе стимулов.

Расчет плотности мицелиальной сети проводится следующим образом.

1. Составляются все возможные пары разных стимулов, причем каждая пара учитывается один раз независимо от порядка ее элементов: например, пара *хабэ–енух* тождественна паре *енух–хабэ*.

2. Попарно сопоставляются их АП. Пара считается связанной, если в двух АП зафиксирована хотя бы одна общая реакция. Количество и частота общих реакций на этом этапе не влияют на сам факт наличия связи: как одна, так и несколько совпадающих реакций дают одной паре статус связанной. Если общих реакций нет, пара считается несвязанной.

3. После проверки всех возможных пар подсчитывается число связанных пар и определяется их доля от максимально возможного числа пар в данной группе.

Так, в материале плотдич анализируются 11 глаголов-стимулов. Для них возможно 55 различных пар: 11 × 10 / 2 = 55. Попарное сопоставление АП показало, что 42 из этих 55 пар имеют хотя бы одну общую реакцию. Следовательно, плотность

сети составляет 42 / 55 = 0,76. Это означает, что общими реакциями связаны 76 % всех теоретически возможных пар глаголов исследуемой группы.

В общем виде описанная операция представляется формулой:

$$D = \frac{2E}{N(N-1)},$$

где D – плотность мицелиальной сети; E – количество пар стимулов, между ассоциативными полями которых зафиксирована хотя бы одна общая реакция; N – общее количество стимулов исследуемой группы. Максимально возможное число пар стимулов составляет $N\,(N-1)\,/\,2$, поскольку каждая пара учитывается однократно независимо от порядка ее элементов. Значение плотности сети варьируется от 0 до 1: значение 1 соответствует наличию общих реакций у каждой пары стимулов, тогда как значение 0 свидетельствует об отсутствии межстимульных связей, вследствие чего все АП остаются изолированными.

МААП разработан для выявления структуры связей между психологически актуализированными значениями семантически связанных единиц, представленными в их АП. Исходным материалом анализа остается ассоциативная реакция, однако учитывается не только ее место и частотность внутри отдельного АП, но и представленность того же ассоциата в полях других стимулов исследуемой группы.

Повторение одной реакции в двух и более АП фиксирует точку их пересечения и служит основанием для моделирования межполевой связи. Такой принцип задает два взаимодополняющих аналитических ракурса, условно обозначаемых как «вертикальный» и «горизонтальный». Первый направлен на внутреннюю организацию отдельного АП и позволяет установить, какая часть актуализированного содержания специфична для данного стимула. Второй выявляет общие элементы нескольких АП и тем самым показывает, через какие ассоциаты психологически актуализированные значения исследуемых единиц оказываются связанными между собой. Эти обозначения характеризуют направления анализа экспериментального материала.

Специфика МААП заключается в том, что межполевые пересечения становятся самостоятельным объектом формализации. Выявленные совпадения сводятся в единую систему, позволяющую одновременно характеризовать относительную специфичность отдельных АП и степень их включенности в связи с другими полями. ИМГ

показывает долю специфических реакций в общем объеме конкретного АП, плотность мицелиальной сети характеризует степень реализации возможных связей между полями всей исследуемой группы, показатели центральности позволяют установить, какие узлы занимают наиболее значимое положение в полученной конфигурации.

Таким образом, развернутый массив реакций сворачивается в измеримую структуру, в которой становятся видимыми автономные, интегрированные и центральные участки исследуемой АВС. Тем самым проявляются аналитические возможности МААП. При последовательном описании полей можно установить психологически актуализированное содержание каждого из исследуемых глаголов. МААП позволяет сделать следующий шаг – установить, как эти содержания организованы относительно друг друга внутри выбранной семантической области. Формализация при этом сокращает путь от множества отдельных экспериментальных наблюдений к целостной конфигурации связей: исследователь получает возможность видеть не только содержание каждого АП, но и устройство их совокупности.

Применительно к глаголам обладания результатом такого анализа становится экспериментально реконструируемая структура смыслового поля посессивности: выявляются участки, сохраняющие относительную специфичность, зоны наиболее интенсивного пересечения и глагольные узлы, обеспечивающие связанность разных участков поля. Так, МААП позволяет представить психологически актуализированное содержание семантической группы глаголов со значением обладания как организованную конфигурацию связей между АП. Последующая содержательная интерпретация этой сети дает основание для выявления смысловых акцентуаций образа мира, получивших выражение в экспериментальном материале.

Отличительные особенности МААП могут быть раскрыты при сопоставлении с концепцией ментального лексикона, методом подсчета индексов яркости И. А. Стернина и методом психоглоссирования И. В. Шапошниковой.

По единице анализа МААП отличается от семной интерпретации экспериментального материала, разработанной И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой. В данном подходе реакции интерпретируются как вербализации семантических компонентов психолингвистического значения, а индекс яркости характеризует степень актуализации соответствующей семы в выборке [Стернин, Рудакова, 2011, с. 100; Стернин,

2017, с. 205]. В МААП исходная реакция первоначально сохраняется как самостоятельный элемент экспериментального материала, а предметом формализации становится ее распределение между несколькими АП. Поэтому данные подходы обращены к разным характеристикам ассоциативного материала: семная интерпретация позволяет реконструировать содержательную организацию психолингвистического значения отдельной единицы, тогда как МААП выявляет конфигурацию отношений между экспериментально актуализированными значениями нескольких единиц исследуемой семантической области.

В работах И. В. Шапошниковой разрабатываются приемы статистического анализа ассоциативно-вербальных данных, направленные на выявление психоглосс. Автор отмечает: «В наших работах термином “психоглосса” описываются смысловые образования, которые выявляются на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей и могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами (акцентуациями) языковой личности» [Шапошникова, 2018, с. 257]. При выявлении психоглосс разграничиваются интенсивный и экстенсивный типы разработки смыслов в структуре АП, «первый подразумевает актуализацию смысла за счет частоты возникновения в памяти испытуемых одних и тех же ассоциированных с ним вербальных единиц, в то время как второй – за счет разнообразия вербальных единиц, соотносимых с одним и тем же смыслом» [Шапошникова, 2018, с. 259].

МААП отличается от разработанных И. В. Шапошниковой приемов выявления психоглосс прежде всего единицей анализа и способом формализации ассоциативных связей. При психоглоссическом анализе в соответствии с поставленной исследовательской задачей в структуре отдельного АП могут выделяться смысловые или иные зоны, после чего определяются интенсивность и экстенсивность их разработки, а также направленность смысловых акцентуаций. Так, в работе И. В. Шапошниковой зоны «Персоналии», «Локации», «Качества» и другие используются для выявления психоглосс, связанных с цивилизационной идентификацией российских студентов [Шапошникова, 2018, с. 257–261]. Однако зонирование не сводится к содержательному членению АП и не является обязательным этапом любого психоглоссического

анализа: характер, состав и границы выделяемых зон определяются целью исследования и могут учитывать смысловые, формальные, когнитивные, прагматические и социокоммуникативные параметры.

МААП, в свою очередь, переносит анализ с уровня отдельного АП на уровень системы полей, образуемой лексическими единицами исследуемой семантической группы. Выявленные межстимульные связи формализуются с помощью матрицы пересечений, показателей плотности сети, центральности узлов и ИМГ. Метафора мицелия используется для наглядного представления структуры реконструируемой сети: глаголы, предъявленные в качестве стимулов, маркируют соответствующие узлы модели, а совпадающие в двух и более АП реакции получают условное обозначение «реакций-гифов» как связующих элементов между этими полями. Плотность мицелиальной сети характеризует степень распределенности межстимульных связей внутри исследуемой АВС. Высокое значение данного показателя означает, что общие реакции связывают значительную часть возможных пар стимулов, т. е. связи распределены по сети, а не сосредоточены в отдельных локальных пересечениях.

Таким образом, различие состоит не в противопоставлении содержательного и математического анализа, а в характере исследуемых отношений: выявление психоглосс позволяет описывать направленность акцентуаций внутри АП и его зон, тогда как МААП направлен на выявление и количественную оценку связей между несколькими АП.

МААП и разработанные И. В. Шапошниковой методы психоглоссического анализа объединяет представление о сетевой организации ассоциативно-вербального материала. Теоретической основой такого понимания служит концепция Ю. Н. Караулова, в которой АВС моделирует вербально-семантический уровень языковой личности [Караулов, 1987]. И. В. Шапошникова указывает, что «в качестве экспериментально полученной модели языкового сознания в настоящее время рассматривается АВС» [Шапошникова, 2020, с. 18], и характеризует полученную в эксперименте сеть как «динамическую смысловую структуру, в которой может найти отражение психически актуальное смыслообразование» [Там же, с. 27]. При этом «АП можно рассматривать как микроуровень анализа ассоциативных данных»: оно представляет «в “свернутом” виде смысловую структуру образа сознания, названного одной конкретной вербальной единицей» [Там же, с. 26].

МААП предлагает аналитическую проекцию этой сетевой модели, ориентированную на формализованное описание межстимульных пересечений внутри определенной семантической группы.

Таким образом, отличительная особенность МААП состоит в принципе построения исследуемой сети. Основанием межстимульной связи выступает воспроизведение одной и той же реакции в АП разных стимулов. Благодаря этому один массив экспериментальных данных позволяет соотнести специфическую составляющую каждого АП с характером его пересечений с другими полями исследуемой группы. Тем самым МААП объединяет в одной аналитической процедуре описание внутренней специфики отдельных полей и конфигурации связей между ними. Используемые в МААП аналитические элементы и их функции представлены в табл. 11.

Таблица 11

Аналитические элементы МААП и их функции

Аналитический элемент	**Что характеризует**	**Функция в анализе**
Реакция-гифа	Реакцию, воспроизводящуюся в АП двух и более стимулов	Выступает эмпирическим маркером пересечения АП и позволяет установить, за счет какого вербально эксплицированного содержания возникает связь между моделируемыми узлами
Матрица пересечений	Распределение общих реакций между АП исследуемой группы	Фиксирует конфигурацию межстимульных пересечений и служит основой для определения структурного положения отдельных узлов модели
Центральность узла	Количество / долю других АП, с которыми данное поле связано общими реакциями	Характеризует структурное положение соответствующего узла в реконструируемой сети и степень его участия в межстимульных связях
Индекс мицелиальной глубины (ИМГ)	Долю совокупной частоты реакций, специфичных для данного АП и не воспроизводящихся в других полях исследуемой группы	Характеризует степень специфичности данного АП относительно других полей исследуемой группы
Плотность мицелиальной сети	Долю пар АП, связанных хотя бы одной общей реакцией, от общего числа возможных пар в исследуемой группе	Характеризует распределенность межстимульных связей по всей исследуемой АВС

Применяя МААП, для расчета ИМГ на материале плотдич проведен анализ всего массива реакций (368 реакций). Из общего объема выделены уникальные [*] реакции (глубинный мицелий), которые встречаются строго у одного стимула, и общие реакции (связующая сеть), разделяемые двумя и более стимулами группы (табл. 12).

Таблица 12

Расчет ИМГ глаголов со значением обладания в плотдич

Глагол-стимул	**Сумма частот всех реакций (∑*fi*)**	**Сумма частот уникальных реакций (∑*fi,u*)**	**ИМГ (*Ui*/∑*fi*)**
опвизэ	15	12	**0,80**
ри:т	19	13	**0,68**
хӧле	28	16	**0,57**
эрфот	12	6	**0,50**
евэнэ	18	8	**0,44**
безэтцэ	26	11	**0,42**
хабэ	35	11	**0,31**
тьри'э	20	6	**0,30**
эрливэ	17	5	**0,29**
енух	25	5	**0,20**
ихирэ	25	5	**0,20**

Так, полученные индексы позволяют разделить стимулы по степени их «мицелиальной интеграции».

Глубинный, автономный мицелий (ИМГ > 0,6): *опвизэ* (0,80) обладает самой большой «глубиной мицелия». Его АП на 80 % состоит из специфических реакций, таких как *пос* ‘паспорт’, *папирэ* ‘бумаги’ и *документ*, которые не встречаются у других глаголов. *Ри:т* (0,68) сохраняет высокую автономность за счет уникального физического значения ‘*ри:тэ крють*’ ‘рвать траву’ и предметных реакций вроде *штоуль* ‘стул’.

[*] В рамках настоящего исследования под уникальными понимаются реакции, представленные в АП только одного стимула исследуемой семантической группы и отсутствующие в полях остальных стимулов. Уникальность реакции не предполагает ее единичной фиксации: одна и та же реакция может неоднократно воспроизводиться разными информантами. Частота уникальных реакций определяется как суммарное количество их фиксаций в соответствующем АП.

Срединная мицелиальная зона (ИМГ 0,3–0,5): *хёле* (0,57) и *эрфот* (0,50) имеют развитую семантику, но активно «прорастают гифами» в общую сеть через реакции *фрю* ‘жена’ или *ворхэт* ‘правда’. *Хабэ* (0,31), несмотря на статус ядра, имеет невысокий ИМГ. Это объясняется тем, что его «мицелий» максимально распределен – почти все его реакции являются «гифами», связывающими его с остальными стимулами.

Связующая сеть – гифальные узлы (ИМГ ≤ 0,3): *енух* (0,20) и *ихирэ* (0,20) – стимулы с минимальной автономностью. Их АП почти полностью состоят из «связующих гиф». *Енух* практически неразличим в сети с глаголом *ри:т* (через реакцию *йелт* ‘деньги’), а *ихирэ* полностью интегрирован в АВС через общие реакции *фамилье* ‘семья’ и *Готэс теня* ‘Божьи дети’.

Итак, метод МААП наглядно подтверждает, что образ обладания в сознании носителей плотдич – это не набор отдельных слов, а плотная мицелиальная сеть. Глаголы *енух* и *ихирэ* служат основными «проводниками» связей, в то время как *опвизэ* и *ри:т* обеспечивают семантическую уникальность системы.

Таблица 13

Расчет ИМГ глаголов со значением обладания в немецком языке

Глагол-стимул	Общая частота реакций (∑*fi*)	Частота уникальных реакций (∑*Ui*)	ИМГ
halten	184	158	**0,86**
erleben	142	114	**0,80**
profitieren	185	119	**0,64**
aufweisen	97	56	**0,58**
bekommen	191	104	**0,54**
genügen	147	74	**0,50**
erfahren	167	55	**0,33**
gehören	152	26	**0,17**
reichen	153	24	**0,16**
besitzen	268	23	**0,09**
haben	191	16	**0,08**

В немецком языке (табл. 13) к глубинному, автономному мицелию (ИМГ > 0,60) относятся АП с высокой долей специфических реакций: *halten* (0,86) – наиболее автономный стимул, чье АП формируется преимущественно физическими

действиями (*heben* ‘поднимать’, *loslassen* ‘отпускать’, *fallen* ‘падать’, *tragen* ‘нести’) и конкретными объектами (*Hund* ‘собака’, *Baby* ‘ребенок’, *Hand* ‘рука’), оставаясь вне абстрактной сети владения и сохраняя связь с телесным опытом.

Erleben (0,80) отличается высокой уникальностью за счет экзистенциально-эмоциональных реакций (*Abenteuer* ‘приключение’, *Achterbahn* ‘американские горки’, *sterben* ‘умирать’, *Spaß* ‘удовольствие’). Автономность *profitieren* (0,64) обеспечивается специфическим прагматическим и этическим слоем (*Gier* ‘жадность’, *Gewinn* ‘прибыль’, *Eigennutz* ‘корысть’, 100 %).

Срединную мицелиальную зону (ИМГ 0,30–0,60) образуют стимулы, в которых индивидуальная семантическая специфика уравновешивается системными связями: *aufweisen* (0,58) и *bekommen* (0,54) сохраняют устойчивые уникальные реакции (*Fehler* ‘ошибка’, *Geschenk* ‘подарок’, *kriegen* ‘получать’), но интегрируются в ядро через связи с *haben* и *besitzen*. *Genügen* (0,50) и *erfahren* (0,33) в большей степени зависят от контекста всей системы, причем поле *erfahren* тесно переплетено с *erleben* (40 реакций), что снижает его автономность.

Наконец, к связующей сети, или гифальным узлам (ИМГ < 0,20), относятся глаголы, почти полностью лишенные уникального мицелия: *gehören* (0,17) и *reichen* (0,16), чья семантика растворяется в синонимических и системных реакциях (*Besitz* ‘владение’, *Eigentum* ‘собственность’, *genügen* ‘хватать’, *geben* ‘давать’). *Besitzen* (0,09) и центральный глагол *haben* (0,08) – ключевые узлы сети, чья минимальная глубина отражает не семантическую бедность, а максимальную вовлеченность в ассоциативную систему. При этом *besitzen* практически полностью поглощен полем *haben* (162 реакции), выступая по отношению к нему преимущественно как юридически маркированная оболочка.

Поскольку АЭ на материале голландского языка является пилотным, результаты МААП для глаголов со значением обладания в голландском языке следует рассматривать как основу для будущих сопоставительных исследований.

Таблица 14

Расчет ИМГ глаголов со значением обладания в голландском языке

Глагол-стимул	Общая частота реакций (∑*fi*)	Частота уникальных реакций (∑*Ui*)	ИМГ
reiken	37	37	**1,00**
voldoen	34	31	**0,91**
ervaren	38	29	**0,76**
profiteren	32	24	**0,75**
beleven	54	39	**0,72**
toebehoren	33	20	**0,61**
krijgen	38	22	**0,58**
houden	35	18	**0,51**
hebben	59	24	**0,41**
bezitten	52	20	**0,38**

На этапе пилотного эксперимента установлено (табл. 14), что максимальное значение ИМГ зафиксировано у стимула *reiken* ‘доставать’ – 1,00. Это означает, что все реакции, составляющие его АП, не представлены в полях других глаголов исследуемой группы. Наиболее частотной специфической реакцией является *armen* ‘бедным’ (23), составляющая 62,2 % от общей частоты реакций представленного поля. Преобладание данной реакции свидетельствует о том, что *reiken* актуализируется преимущественно не в пространственно-физическом, а в социально маркированном значении направленного действия. Посессивность при этом выражается не через обладание субъекта, а через характеристику адресата действия.

Высокой автономностью характеризуются также *voldoen* ‘быть достаточным’ (0,91), *ervaren* ‘получать опыт’ (0,76), *profiteren* ‘иметь выгоду’ (0,75) и *beleven* ‘пережить’ (0,72), формирующие собственный глубокий мицелий за счет преобладания уникальных реакций. Так, *voldoen* лишь минимально связан с другими стимулами через отдельные бытовые ассоциации (*vakantie* ‘отпуск’, *werk* ‘работа’), а в поле *profiteren* представлены реакции экономического и социально-оценочного характера (*geld* ‘деньги’ (2), *verliezen* ‘терять’ (2), *asielzoeker* ‘проситель убежища’). Высокая доля реакций, не представленных в полях других стимулов, обусловливает автономность данного АП.

Среднюю степень интеграции обнаруживают *houden* ‘хранить’ (0,51), *krijgen* ‘получать’ (0,58) и *toebehoren* ‘принадлежать’ (0,61), сочетающие устойчивые уникальные реакции (например, *liefde* ‘любовь’ для *houden* или *Nederland* ‘Нидерланды’ для *krijgen*) с заметным количеством общих ассоциатов, связывающих их с ядром системы.

Наименьшие значения ИМГ демонстрируют *bezitten* ‘обладать’ (0,38) и ядерный глагол *hebben* ‘иметь’ (0,41), выступающие основными узлами «связующей мицелиальной сети»: значительная часть их ассоциативного поля представлена общими реакциями-гифами (*geld* ‘деньги’, *zijn* ‘быть’, *krijgen* ‘получать’). Низкий индекс ИМГ *hebben* подтверждает его статус центрального узла, через который проходит семантическая организация практически всего поля обладания.

Максимальную глубинную автономность на материале русского языка (табл. 15) демонстрирует глагол *располагать* (1,00): его ассоциативные связи уникальны и не пересекаются ни с посессивной, ни с бытийной семантикой, что указывает на полную изоляцию этого стимула от остальной группы.

Глагол *иметь* (0,91), несмотря на центральное положение в сети и множество разделяемых реакций-гифов (*знать*, *приобрести*, *жить*, *счастье*), сохраняет колоссальный объем собственного «глубинного мицелия». Высокий ИМГ глагола *быть* (0,81) объясняется тем, что его мицелий формируется реакциями, обозначающими онтологические и качественные характеристики (*существовать*, *человеком*, *здесь*, *везде*), практически не соприкасающееся с имущественной семантикой, что превращает *быть* во вторую автономную вершину поля.

Мицелиальная глубина *обладать* и *владеть* минимальна (0,19 и 0,13 соответственно): их АП почти полностью состоят из реакций-гифов, общих с доминантой *иметь* или друг с другом. Так, «связующая сеть» *владеть* составляет 86,7 % (реакции *иметь*, *обладать*, *уметь*, *собой*, *знать*, *держать*), а *обладать* – 80,8 % (реакции *иметь*, *знать*, *уметь*, *держать*).

В терминах метода МААП эти лексемы выступают не как автономные фунгиальные лексемы, а как узлы плотной мицелиальной сети, центрированной вокруг *иметь*.

Таблица 15

Расчет ИМГ глаголов со значением обладания в русском языке

Глагол-стимул	Общая частота реакций (∑*fi*)	Частота уникальных реакций (∑*Ui*)	ИМГ
располагать	2	2	**1,00**
иметь	544	493	**0,91**
быть	484	392	**0,81**
обладать	26	5	**0,19**
владеть	30	4	**0,13**

Итак, результаты МААП позволяют уточнить, как именно проявляется ядерное положение глаголов со значением ‘иметь’ в каждой из исследованных АВС. В системе показателей МААП их интегративная роль выявляется прежде всего по центральности узла, отражающей количество и распределение межстимульных связей, тогда как ИМГ характеризует долю специфических реакций в соответствующем АП. Поэтому ядерность глаголов *хабэ, haben, hebben* и *иметь* проявляется не в значениях ИМГ, а в том, что образуемые ими узлы связывают различные участки АВС и объединяют несколько зон посессивной семантики. В плотдич *хабэ* является наиболее частотным глаголом-продуцентом и одним из основных узлов сети, однако его связи охватывают не все поля, поэтому АВС сохраняет полицентрическую организацию. В немецком материале *haben* образует наиболее широкий узел пересечения, поскольку представлен в АП всех остальных стимулов. В голландском пилотном материале *hebben* входит в ядро сети наряду с *bezitten*: невысокий ИМГ глагола *hebben* (0,41) обусловлен значительной долей общих реакций, связывающих его с другими глаголами обладания. В русском языковом материале *иметь* организует локальную сеть посессивных значений, тогда как *быть* формирует сопредельный экзистенциальный контур. Таким образом, различия в значениях ИМГ у *хабэ, haben, hebben* и *иметь* не противоречат их ядерному положению, а показывают разные способы включения соответствующих АП в сеть: через охват большого числа стимулов, высокую частотность межстимульных связей или объединение нескольких зон посессивной семантики.

Высокие значения ИМГ у других глаголов-стимулов свидетельствуют о том, что наряду с интегрированным посессивным ядром в каждой сети сохраняются относительно автономные смысловые участки. В плотдич, немецком и голландском максимальную мицелиальную глубину демонстрируют глаголы, укорененные либо в телесно-физическом опыте (*halten, reiken, ри:т*), либо в событийно-опытной сфере (*erleben, beleven*). В русском материале максимальную автономность демонстрирует *располагать* (ИМГ = 1,00), АП которого не имеет общих реакций с другими стимулами группы. В то же время юридически и социально маркированные единицы (*besitzen, gehören, владеть, обладать*) характеризуются низкими значениями ИМГ и высокой степенью включенности в общую сеть ассоциативных связей. Социально-нормативные значения, в свою очередь, тяготеют к интеграции и синонимическому слиянию.

На этом фоне АВС обладания в плотдич демонстрирует отчетливую структурную специфику. В русском материале полностью связанное ядро, включающее глаголы *иметь, владеть, обладать* и *быть*, сосуществует с абсолютным изолятом *располагать*. Аналогично русской сети наличие обособленного АП наблюдается и в голландской АВС – изолированное положение занимает *reiken*. В плотдич абсолютные изоляты отсутствуют, а интегративная функция распределяется между несколькими структурно значимыми узлами. По соотношению автономности и включенности в сеть ядерный глагол *хабэ* занимает промежуточное положение между немецким *haben*, максимально интегрированным в общую сеть, и русским *иметь*, сохраняющим высокую долю специфических реакций. Ядро сети в плотдич имеет троичную структуру (*хабэ–енух–ихирэ*), где системообразующими выступают не нейтральное обладание и его юридический дублер, как в немецком и голландском (*haben–besitzen, hebben–bezitten*), а нейтральное обладание и функционально-смысловые узлы достаточности и принадлежности. Это смещает концептуализацию обладания из сферы собственности в сферу обеспеченности необходимым и включенности субъекта в семейно-общинное и сакральное целое. При этом даже относительно автономные поля, в том числе для глагола *ри:т*, не образуют изолятов и сохраняют включенность в общую АВС.

Абсолютный пик автономности в плотдич демонстрирует *опвизэ* (0,80), однако, в отличие от аналогично автономного русского *располагать* (1,00), актуализирующего преимущественно значение психологической предрасположенности, в плотдич стимул уходит в предметно-бюрократический мир бумаг, предъявления и подтверждения, репрезентируя иную когнитивную модель «обнаружения / предъявления».

Тем самым специфика ассоциативно-вербальной сети плотдич проявляется в сочетании интегрированности и относительной автономности центрального узла *хабэ*, прагматической, а не юридической направленности ядерных узлов, неполной изоляции глагола со значением физического действия и предметно-практической автономности отдельных элементов сети. Совокупность этих признаков свидетельствует о своеобразии организации семантического поля обладания в анализируемом фрагменте языкового сознания носителей плотдич.

Сводные результаты подсчета по всем языкам отражены в табл. 16:

Таблица 16

Расчет плотности мицелиальной сети

Язык	Число стимулов	Макс. число пар	Фактич. число пар	Плотность сети
Немецкий	11	55	55	**1,00**
Голландский	10	45	31	**0,69**
Плотдич	**11**	**55**	**42**	**0,76**
Русский	5	10	6	**0,6**

1. Плотдич: высокая интеграция при сохранении структурной неоднородности (прил. 1). Плотность мицелиальной сети в плотдич составляет 0,76. Это означает, что более трех четвертей всех теоретически возможных пар стимулов (42 из 55) соединены хотя бы одной общей реакцией-гифой.

Ядро сети формируют глаголы *хабэ* (ИМГ = 0,31), *безэтцэ* (ИМГ = 0,32), *енух* (ИМГ = 0,20) и *ихирэ* (ИМГ = 0,20). Они обладают максимальной связностью: *хабэ* связан со всеми 10 остальными стимулами, а *безэтцэ*, *енух* и *ихирэ* с девятью стимулами каждый. Именно через них проходят основные гифальные нити, скрепляющие

поле в единое целое. Ключевыми гифами при этом выступают понятия, отражающие материально-социальный и религиозный уклад: *йелт* ‘деньги’, *фамилье* ‘семья’, *машинь* ‘машина’, *шпэл* ‘игра’, *шонь* ‘хорошо’, *Гот* ‘Бог’.

Минимальной связностью закономерно обладает *ри:т* (ИМГ = 0,68; связан с 5 стимулами), что подтверждает его статус наиболее автономного члена группы. Остальные стимулы (*хёле, опвизэ, эрфот*) занимают промежуточное положение, имея связи с 6–8 другими глаголами.

Таким образом, показатель плотности мицелиальной сети свидетельствует, что «обладание» в исследуемом фрагменте языкового сознания носителей плотдич – единая, густо переплетенная система, в которой материальное (деньги, дом), социальное (семья, дети) и духовное (Бог, община, церковь) неразрывно связаны общими ассоциативными узлами. При этом сеть не является абсолютно гомогенной: наличие автономных элементов придает ей структурную неоднородность.

2. Немецкий язык: предельная интеграция вокруг единого центра (прил. 2). Плотность мицелиальной сети в немецком языке достигает предельного значения 1,00. Все 55 возможных пар стимулов связаны между собой. Абсолютная связность обеспечивается прежде всего глаголом *haben*, обладающим минимальным ИМГ (0,08): он зафиксирован в качестве реакции для всех остальных стимулов группы. Любая пара, составленная из глаголов *halten, besitzen, profitieren, aufweisen, bekommen, genügen, gehören, erleben, erfahren* и *reichen*, автоматически имеет как минимум одну общую реакцию – *haben*. Дополнительные гифы (*Geld* ‘деньги’, *geben* ‘давать’, *nicht* ‘не’, *Besitz* ‘владение / имущество’, *Eigentum* ‘собственность’) лишь усиливают связность.

В терминах МААП немецкая группа глаголов со значением обладания представляет собой моноцентричную сверхплотную сеть, где *haben* выступает не просто ядром, а единственным универсальным «проводником», пронизывающим все ассоциативное пространство.

3. Голландский язык: высокая интеграция с одним изолятом (прил. 3). Плотность мицелиальной сети в голландском языке составляет 0,69 (31 связанная пара из 45 возможных). Ядро сети образуют *hebben, bezitten, profiteren* и *toebehoren*, разде-

ляющие гифы *geld* ‘деньги’, *zijn* ‘быть’, *krijgen* ‘получать’ и *bezit* ‘владение / имущество’. Событийно-опытный кластер (*beleven, ervaren, voldoen*) связан через *meemaken* ‘переживать’, *werk* ‘работа’, *tijd* ‘время’ и *vakantie* ‘отпуск’.

Принципиальное отличие голландской сети от немецкой – наличие абсолютного изолята: глагол *reiken* (ИМГ = 1,00) не имеет ни одной общей реакции с другими стимулами группы, вследствие чего все 9 потенциальных пар с его участием остаются несвязанными. Кроме того, зафиксированы семантические лакуны между отдельными парами (например, *krijgen – beleven*). Несмотря на это, показатель 0,69 говорит о высокой степени интеграции: более двух третей возможных связей реализованы, и компоненты «образа» обладания воспринимаются носителями как части единого когнитивного пространства.

4. Русский язык: мозаичная сеть средней плотности (прил. 4). Значение плотности 0,6 свидетельствует о средней степени интеграции АП глаголов со значением обладания в реконструированной АВС русского языка. В терминах МААП это означает, что, во-первых, сеть не является гомогенной, поскольку значение заметно отклоняется от единицы: в структуре АВС имеется изолированный участок – *располагать*, не образующий горизонтальных межстимульных связей с остальной группой.

Во-вторых, одновременно с этим существует сильное ядро интеграции, образованное глаголами *иметь, владеть, обладать* и *быть*, которые пронизаны густой сетью гифов – общих реакций, что указывает на их тесную взаимосвязь в представленном фрагменте ментального лексикона.

При этом само ядро внутренне дифференцировано: посессивный блок (*иметь, владеть, обладать*) и экзистенциальный (*быть*) соединяются через такие универсальные «гифы», как *собой, счастье* и *жить*.

Сравнение показателей плотности мицелиальной сети выявляет специфическую конфигурацию АВС плотдич. По степени интегрированности она занимает промежуточное положение среди сопоставляемых сетей: в отличие от немецкой, сеть плотдич не характеризуется столь высокой однородностью и концентрацией связей вокруг одного центрального узла. Интегративная функция распределяется между несколькими глаголами, что определяет полицентрическую организацию сети. Связность обеспечивается несколькими узлами (*хабэ, енух, ихирэ*), а часть стимулов (*опвизэ* и *ри:т*) сохраняет значительную автономность. Так, в отличие от

немецкой моноцентрической, плотдич демонстрирует полицентрическую интеграцию.

В отличие от русского, сеть плотдич не фрагментирована. В ней нет абсолютных изолятов, а доля реализованных связей составляет 0,76 против 0,6 в русском материале. АП глаголов со значением обладания в плотдич образуют единое, а не мозаичное пространство.

Наиболее близок плотдич к голландскому, однако структурные отличия существенны: в голландском есть абсолютный изолят *reiken*, задающий принципиально иной тип сети (наличие «провала»), тогда как в плотдич даже самый автономный *опвизэ* сохраняет связи с другими стимулами.

Таким образом, метод МААП по параметру плотности мицелиальной сети выявляет специфику АВС плотдич как сети с высокой, но неоднородной интеграцией поля обладания. По показателю плотности реконструированная АВС плотдич занимает промежуточное положение между интегрированной немецкой и фрагментарной русской сетью. В исследованном материале она представляет собой единую полицентрическую структуру, в которой материальные, социальные и духовные смыслы переплетены достаточно плотно, чтобы образовывать систему, но не настолько, чтобы нивелировать семантическую специфику отдельных АП.

Выводы

Опыт, полученный в ходе экспедиций, показал, что этническая, религиозная и языковая идентичность меннонитов в Сибири сохраняется, несмотря на исторические трансформации, миграции и влияние окружающей культуры. Плотдич, при отсутствии единой письменной нормы, остается важным элементом культурного наследия и средством внутригрупповой коммуникации. Сопоставление языковой ситуации в двух исследованных сообществах показывает, что степень влияния русского языка значительно выше в Неудачино: в молельных домах плотдич используется лишь эпизодически, а в быту – преимущественно представителями старшего поколения. В Аполлоновке, напротив, плотдич активно функционирует как средство повседневного общения: им владеют дети, на нем проводятся занятия в общине.

Проведенное психолингвистическое исследование позволило реконструировать АВС глаголов со значением обладания в плотдич и определить особенности ее

организации в пределах полученного экспериментального материала. Все одиннадцать глаголов-стимулов входят в единую структуру и связаны между собой непосредственно либо через общие реакции. Абсолютно изолированные АП отсутствуют. Сеть имеет полицентрическую организацию с доминирующим узлом *хабэ* ‘иметь’. Его положение определяется высокой частотностью и широтой межстимульных связей, однако интеграция сети обеспечивается не только данным глаголом, но и полями *енух* ‘хватать / быть достаточным’ и *ихирэ* ‘принадлежать’, характеризующимися низкими значениями ИМГ и, следовательно, значительной долей общих реакций.

Сопоставительные данные позволяют уточнить специфику этой конфигурации: в немецком ассоциативном материале интегративная функция сосредоточена в узле *haben*, связанном с полями всех остальных стимулов, в голландском пилотном материале она распределяется между *hebben* и *bezitten,* в русском – *иметь* представляет собой посессивный центр, взаимодействующий с экзистенциальным центром *быть*. На этом фоне особенность АВС плотдич заключается в том, что центральность *хабэ* сочетается с высокой интегрированностью полей *енух* и *ихирэ*, вследствие чего непосредственное обладание оказывается структурно связанным со значениями достаточности и принадлежности. Данная организация выявляется с помощью взаимодополняющих показателей МААП: центральность характеризует распределение межстимульных связей, ИМГ – степень автономности отдельных АП, а плотность мицелиальной сети – общую интегрированность исследуемой группы стимулов.

Анализ реципрокных и интерактивных связей показал, что, несмотря на общее когнитивное ядро, степень интеграции глаголов обладания в единую ассоциативную сеть различна: максимальная связность наблюдается в немецком языке, минимальная – в русском, тогда как плотдич занимает промежуточное положение, сохраняя компактное ядро при высокой семантической дифференциации периферии.

Кроме того, сеть плотдич характеризуется ярко выраженной бытовой, коллективной и религиозно-этической направленностью семантики обладания, что отличает ее от АВС, сложившихся в немецком, голландском и русском языках. Доминирование синтагматических связей (78 %) свидетельствует о том, что обладание в анализируемом фрагменте языкового сознания носителей плотдич актуализируется

преимущественно через конкретные бытовые ситуации, интегрированные в повседневный опыт общины, а не только через абстрактные характеристики собственности. Ассоциативные связи концентрируются вокруг материально-прагматических (*йелт* / *елт* / *Jelt* / *йэлт* ‘деньги’, *хусь* / *хюсь* / *Hüsj* / *hus* / *ху:сь* ‘дом’, *вэртшафт* / *выршафт* / *выэршафт* / *Wertschaft* / *гуэдэ* ‘хозяйство’), семейно-родовых (*фамильe* / *фамилия* / *фемильe* / *familje* / *familija* ‘семья’, *теня* / *тенья* / *Tent* / *тенья* / *тян* ‘дети’, *мон* / *mon* / *монсменш* ‘муж’, *фрю* / *мине фрю* / *фрюменш* / *фрю:* ‘жена’) и духовно-религиозных (*Гот* / *Gott* / *Готтэс* ‘Бог’, *емендэ* / *еменд* / *емэндэ* ‘церковь / община’) смысловых узлов, что позволяет рассматривать посессивность в плотдич как интегральную модель, объединяющую владение, принадлежность, веру и коллективную идентичность.

Немецкая сеть характеризуется наиболее высокой плотностью межглагольных связей, выраженной системностью и развитой парадигматической организацией, где обладание осмысляется как логически структурированная категория, объединяющая материальное, социальное, когнитивное и экзистенциальное измерения. Голландская сеть сохраняет центральность глагола *hebben,* однако разворачивает семантику обладания преимущественно в социально-оценочной и эмоционально-психологической плоскости, связывая владение с отношениями, социальной позицией, личным опытом и аксиологической оценкой. В русском ассоциативном материале посессивный центр *иметь* взаимодействует с экзистенциальным *быть*, что отражает бытийную основу обладания. Глаголы *владеть* и *обладать* образуют более специализированные зоны, связанные с контролем и мастерством, а также наличием знаний, способностей и внутренних качеств.

Следовательно, в исследуемом фрагменте языкового сознания носителей плотдич – немцев-меннонитов Сибири, представленном АВС глаголов со значением обладания, посессивное отношение конструируется по двум встречным векторам: объект вовлекается в сферу субъекта, а субъект встраивается в семейно-общинную и религиозную общность. Доминантный узел *хабэ* совмещает наличие и владение, а высокая степень интеграции в ядро сети полей *енух* ‘доставать / быть достаточным’ и *ихирэ* ‘принадлежать’ привносит в него соответствующие смыслы. Тем самым обладание осмысляется как функционально-смысловое единство двух модусов: «иметь необходимое» и «принадлежать своим».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование АВС глаголов со значением обладания в языке немцев-меннонитов Сибири плотдич позволило выявить структурно-содержательную специфику экспериментально реконструированного фрагмента языкового сознания его носителей, связанного с репрезентацией посессивных отношений. Для уточнения особенностей организации АВС глаголов со значением обладания в плотдич в качестве сопоставительного фона привлечены немецкий, голландский и русский языки.

Основной эмпирический материал исследования составили 368 реакций, полученных от 46 носителей плотдич в ходе полевой работы в местах компактного проживания немцев-меннонитов Сибири (д. Неудачино и д. Аполлоновка) и частично в онлайн-формате. Материал на немецком языке включает 213 анкет и 1877 реакций и используется как ближайший германский экспериментальный фон. Материал на голландском языке, включающий 35 анкет и 340 реакций, позволяет учитывать историко-языковые связи плотдич с голландским языковым ареалом и имеет пилотный характер. Для русского языка, контактного для плотдич, привлечены данные прямого и обратного словарей Русской региональной ассоциативной базы данных (Сибирь и Дальний Восток).

В плотдич в качестве стимулов рассмотрены глаголы *хабэ* ‘иметь’, *хёле* ‘хранить, держать’, *безэтцэ* ‘владеть, обладать’, *тьри’э* ‘получать’, *енух* ‘хватать, быть достаточным’, *ри:т* ‘хватать’, *ихи:рэ* ‘принадлежать’, *евэнэ* ‘иметь выгоду’, *эрливэ* / *дэрьхьмокэ* ‘узнавать, убеждаться на опыте’, *эрфот* ‘узнавать, получать опыт’, *опвизэ* ‘обнаруживать’. Список стимулов сформирован на основе семантических соответствий немецким стимулам, подобранных и уточненных в ходе консультации с носителем плотдич. Лексикографический анализ подтвердил семантическую соотнесенность голландских единиц с немецким списком. Для русского языка сформирован отдельный ряд стимулов, поскольку прямой перевод немецких глаголов не отражает бытийную модель обладания в русском языке. Таким образом, в основу сопоставления положены не только формальные переводные соответствия, но и функционально соотносимые способы выражения посессивных отношений.

Для формализованного описания и моделирования сети разработан и апробирован метод мицелиального анализа ассоциативных полей – МААП. В основе метода лежит сопоставление специфических и воспроизводящихся в нескольких АП реакций: повторение одной и той же реакции в полях разных стимулов служит основанием для установления межстимульной связи. Благодаря этому специфическая составляющая каждого АП рассматривается во взаимосвязи с характером его пересечений с другими полями исследуемой группы. Матрица пересечений позволяет установить конфигурацию сети и распределение связей между ее узлами. При этом центральность характеризует структурную роль отдельных глаголов, индекс мицелиальной глубины (ИМГ) – степень автономности соответствующих ассоциативных полей, а плотность мицелиальной сети – долю пар стимулов, ассоциативные поля которых имеют общие реакции.

Эмпирически установлено, что полученная сеть имеет полицентрическую организацию. Все 11 глаголов-стимулов включены в единую структуру и связаны между собой через общие реакции. В сети выделяется доминирующий узел *хабэ* ‘иметь’, выполняющий основную интегративную функцию, поскольку он возникает в ассоциативных полях других стимулов и обладает наибольшей частотностью межстимульных связей. Вместе с тем сеть полицентрична: наряду с *хабэ* ‘иметь’ значимую роль выполняют зона достаточности, представленная глаголами *енух* ‘хватать, быть достаточным’ и *ри:т* ‘хватать’, зона владения и принадлежности, связанная с *безэтцэ* ‘владеть, обладать’ и *ихи:рэ* ‘принадлежать’, а также опытно-событийная зона, включающая *эрливэ* / *дэрьхьмокэ* ‘узнавать, убеждаться на опыте’ и *эрфот* ‘узнавать, получать опыт’. Глаголы *хӧле* ‘хранить, держать’, *тьри’э* ‘получать’, *евэнэ* ‘иметь выгоду’ и *опвизэ* ‘обнаруживать’ занимают периферийные, но функционально значимые позиции, обеспечивающие связь посессивной семантики с удержанием, получением, извлечением выгоды и обнаружением признака. Таким образом, все 11 стимулов включены в общую сеть (прил. 1), однако выполняют в ней разные функции: одни образуют ядерные и «гифальные» – пересекающиеся – зоны, другие маркируют периферийные или специализированные участки поля.

На сопоставительном фоне центральное положение глагола со значением ‘иметь’ сохраняется, однако конфигурация связей вокруг него различается. В немец-

ком материале *haben* ‘иметь’ образует выраженный моноцентрический узел и представлен в АП всех остальных стимулов. В сети голландского языка ведущую позицию занимает *hebben* ‘иметь’ при значимой структурной роли *bezitten* ‘обладать’, тогда как *beleven* ‘пережить’ и *ervaren* ‘получать опыт’ образуют относительно обособленный событийно-опытный фрагмент. На материале русского языка *иметь* организует посессивный центр сети, а *быть* – сопредельный экзистенциальный контур, *владеть* и *обладать* при этом представляют более специализированные зоны. В отличие от этого, АВС плотдич характеризуется распределенной интегративной организацией: доминирование *хабэ* ‘иметь’ сочетается с участием других структурно значимых ассоциативных полей и отсутствием абсолютных изолятов.

Применение МААП позволило уточнить эту структуру. Наибольшую мицелиальную глубину в плотдич демонстрируют *опвизэ* ‘показывать / обнаруживать’ (ИМГ 0,80) и *ри:т* ‘хватать’ (ИМГ 0,68), что указывает на их семантическую автономность и наличие специфических реакций. Срединную зону образуют *хӧле* ‘хранить, держать / любить’ (0,57), *эрфот* ‘узнавать / получать опыт’ (0,50), *евэнэ* ‘иметь выгоду / побеждать’ (0,44), *безэтцэ* ‘владеть, обладать’ (0,42), *хабэ* ‘иметь’ (0,31) и *тьри’э* ‘получать’ (0,30). Наиболее интегрированными гифальными узлами выступают *енух* и *ихи:рэ*, имеющие минимальные показатели ИМГ (0,20): их ассоциативные поля почти полностью состоят из связующих реакций, обеспечивающих внутреннюю связанность сети. Таким образом, низкий ИМГ в данном случае свидетельствует не о слабости лексемы, а о ее высокой включенности в общую мицелиальную структуру.

В немецкой сети минимальные значения ИМГ зафиксированы у центрального глагола *haben* ‘иметь’ (0,08) и *besitzen* ‘владеть / обладать’ (0,09), тогда как наиболее автономны поля *halten* ‘держать / хранить’ (0,86) и *erleben* ‘переживать’ (0,80). В голландском пилотном материале наибольшей включённостью в сеть характеризуются *bezitten* ‘владеть / обладать’ (0,38) и *hebben* ‘иметь’ (0,41), а максимальную автономность демонстрируют *reiken* ‘доставать’ (1,00) и *voldoen* ‘быть достаточным / соответствовать’ (0,91). В русском – минимальный ИМГ отмечен у глаголов *владеть* (0,13) и *обладать* (0,19), тогда как поля *располагать* (1,00), *иметь* (0,91) и *быть* (0,81) содержат высокую долю уникальных реакций. Следовательно, ядерность глагола не предполагает автоматически низкого значения ИМГ: соотношение

автономности и интегрированности определяется конкретным распределением общих и специфических реакций.

Высокая плотность сети зафиксирована при сохранении ее внутренней структурной неоднородности: преобладание синтагматических связей указывает на ориентацию носителей языка на ситуативно-нарративное развертывание смыслов, опирающееся на коллективный опыт общины. Плотность мицелиальной сети плотдич составляет 0,76, что указывает на высокую степень интеграции глаголов обладания при отсутствии полной гомогенности. Доминирование синтагматических отношений (78 %) показывает, что в рамках анализируемого материала посессивные отношения в языковом сознании носителей плотдич преимущественно актуализируются через конкретные жизненные ситуации, а не через абстрактно-правовые характеристики собственности: владения домом и хозяйством, получения необходимого, принадлежности к семье и общине, участия в религиозной и повседневной жизни.

Этноконфессиональная идентичность играет значимую роль в организации АВС плотдич: религиозно-общинная семантика представлена не отвлеченными тематическими реакциями, а конкретными связующими элементами, участвующими в формировании межстимульных пересечений: *Гот* / *Gott* / *Готтэс* ‘Бог(а)’, *Емендэ* / *Еменде* ‘община / церковь’, *Йозус* / *Т’ристус* ‘Иисус / Христос’, *Готэс теня* ‘Божьи дети’.

Такая содержательная организация может быть соотнесена с преимущественно повседневным и внутригрупповым функционированием плотдич в Сибири. Хозяйственно-бытовая, семейная и религиозная сферы образуют здесь тесно взаимодействующие области коммуникации, что отражается в составе реакций и характере межстимульных пересечений.

На этом фоне специфика плотдич проявляется в уникальном сочетании трех черт: высокой, но не абсолютной интеграции (в отличие от немецкой сети с плотностью 1,00 и моноцентризмом), полицентрической организации и отсутствии изолированных полей (в отличие от голландской и русской сетей с изолятами *reiken* и *располагать*).

Предложенный метод МААП эксплицирует данную специфику через систему взаимосвязанных параметров: конфигурацию межстимульных связей, показатели центральности узлов, степень автономности отдельных полей и общую плотность

сети. Его аналитическая значимость состоит в возможности дифференцировать структурную центральность глагола, содержательное своеобразие его поля и интегративные характеристики группы в целом. В частности, применение МААП показывает, что низкий ИМГ не указывает на семантическую размытость лексемы, а, напротив, отражает высокую долю реакций, связывающих данное поле с другими участками сети. Аналитическая значимость МААП состоит в формализованном соотнесении двух уровней его организации – специфической составляющей отдельного АП и конфигурации его пересечений с другими полями исследуемой группы. Тем самым один массив экспериментальных данных позволяет одновременно характеризовать внутреннюю специфику отдельных полей и их структурное положение в реконструируемой АВС.

Кроме того, материал плотдич уточняет статус *хабэ* ‘иметь’ как носителя эврисемии. В его ассоциативном поле материальное обладание, родственные отношения, неотчуждаемая принадлежность и абстрактные состояния актуализируются при сохранении общей посессивной основы. В отличие от него *безэтцэ* ‘владеть, обладать’ обнаруживает более специализированную организацию содержания. Экспериментальные данные тем самым подтверждают применительно к *хабэ* один из основных признаков эврисемии – семантическую обобщенность, сохраняющуюся при расширении диапазона актуализируемых содержаний. Доминирующее положение *хабэ* в АВС дополняет этот вывод: его обобщенность проявляется не только во внутренней организации собственного АП, но и в связях с другими участками анализируемой сети глаголов со значением обладания.

Собранный экспериментальный материал впервые вводит в научный оборот ассоциативные данные о плотдич немцев-меннонитов Сибири. Он может быть использован в дальнейших психолингвистических и социолингвистических описаниях данного идиома, а также в исследованиях по германистике и миноритарным языкам. Перспективы применения МААП связаны с его апробацией на иных семантически ограниченных группах, расширением экспериментальной выборки и углублением настоящего исследования.

Итак, в ассоциативно-вербальной сети глаголов со значением обладания исследуемого идиома посессивное отношение организуется в двух встречных направлениях: как включение материального или нематериального объекта в сферу субъекта

и как включение самого субъекта в семейно-общинное и религиозное целое. Доминанта *хабэ* формирует общий посессивный центр, а единство сети обеспечивается разветвленной системой межстимульных связей. В результате «образ» обладания не исчерпывается моделью «субъект имеет объект», а охватывает обеспеченность необходимым и определение субъекта через принадлежность к значимой общности. Иными словами, структурно-содержательная специфика фрагмента языкового сознания носителей плотдич Сибири, репрезентирующего семантику обладания, проявляется в формуле «иметь – значит принадлежать».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеев И. Е.* Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в её историческом развитии // Германские языки: Сб. ст. / Отв. ред. В. Я. Плоткин. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1967. С. 84–118.

2. *Алпатов В. М.* О понятии слова в европейской и японской традициях // Слово в грамматике и словаре / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1984. С. 21–29.

3. *Алпатов В. М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.

4. *Амосова Н. Н.* К вопросу о лексическом значении слова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1957. № 2. С. 103–104.

5. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л.: Наука, 1972. 114 с.

6. *Анохин П. К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 447 с.

7. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

8. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

9. *Берков В. П.* Современные германские языки. М.: АСТ, 2001. 336 с.

10. *Боас Ф.* Введение к «Руководству по языкам американских индейцев» (извлечения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. С. 170–180.

11. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Опыт теории фонетических альтернаций // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 265–347.

12. *Бондаренко М. В., Бондаренко Е. М.* Генетические характеристики лексики немецкого диалекта меннонитов плотдич // Эволюционные процессы в системе языка и дискурсе: междунар. сб. науч. ст. Самара: Самарский ун-т, 2013. С. 79–86.

13. *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 220 с.

14. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

15. *Валл Г. И.* Словообразовательные модели нижненемецкого говора Омской области: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Калинин, 1974. 24 с.

16. *Валл М. Н., Канакин И. А.* Фонологические системы немецких диалектов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 79 с.

17. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. Под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Яз. Рус. культуры, 1999. 776 с.

18. *Вендина Т. И.* Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 2001. 288 с.

19. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.

20. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.

21. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.

22. *Горошко Е. И.* Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента (методологические аспекты) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2005. № 3. С. 53–61.

23. *Григорьева А. С.* Ядерная лексика ассоциативного поля глаголов со значением обладания языка немцев-меннонитов Plautdietsch // XXX-е Дульзоновские чтения. Комплексное изучение языков и культур народов России: Сб. междунар. науч. конф. тезисов (21–24 сентября 2023 г.). Томск, 2023. С. 33–34.

24. *Григорьева А. С.* Ассоциативный эксперимент как метод изучения письменности (на примере языка немцев-меннонитов Plautdietsch) // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 222–231.

25. *Гринева Н. М.* Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1979. 24 с.

26. *Гумбольдт В. фон*. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Под ред., с предисл. и примеч. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

27. *Гумбольдт В. фон*. Язык и философия культуры / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

28. *Гутарова А. В.* Классификация немецких аналитических глагольно-именных конструкций с семантикой «обладание» и их перевод на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, вып. 5. С. 343–346.

29. *Дешериев Ю. Д.* Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 18–30.

30. *Журинская М. А.* Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1977. С. 194–258.

31. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1977. 120 с.

32. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 206 с.

33. *Залевская А. А.* Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999а. № 6. С. 31–42.

34. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999б. 382 с.

35. *Залевская А. А.* «Образ мира» vs «языковая картина мира» // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апреля 2003 г., Курск) / Ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. Воронеж: ВГУ, 2003. С. 41–47.

36. *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

37. *Ипатов А. Н.* Меннониты. М.: Мысль, 1987. 213 с.

38. *Калинина М. Г.* Особенности функционирования глагола обладания немецкого языка *finden* в ядерной позиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. С. 73–77.

39. *Канакин И. А.* Краткий очерк морфологии немецких диалектов. Новосибирск: Наука, 1983. 57 с.

40. *Каратаракис Н.* Дискуссионность понятия «эврисемия»: методологический принцип «Бритва Оккама» // Litera. 2025. № 11. С. 311–322.

41. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

42. *Клименко А. П.* Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Минск, 1980. 41 с.

43. *Козлова Н. В.* Глагольные носители эврисемии со значением «посессивное состояние» в английском и немецком языках: опыт историко-типологического сравнительно-сопоставительного анализа: Дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 189 с.

44. *Козлова Н. В.* К теоретическим основам исследования микросистемы глагольных носителей эврисемии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010а. Т. 8, вып. 1. С. 45–58.

45. *Козлова Н. В.* Становление глагольных носителей эврисемии в древневерхненемецком и древнеанглийском языках (на материале глагола «иметь») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010б. Т. 8, вып. 2. С. 13–23.

46. *Козлова Н. В.* Ассоциативно-вербальная модель глагола *HABEN* и его синонимов в немецком языке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 53–64.

47. *Колобаев В. К.* Проблема широкозначности в лексической семантике. Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1983. 78 с.

48. Концепция и смысл: Сб. ст. памяти Артура Павловича Чудинова / Под ред. И. М. Кобозевой, Н. И. Лауфер. М.: Языки славянской культуры, 2004. 448 с.

49. *Кронгауз М. А.* Семантика. М.: Академия, 2001. 398 с.

50. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

51. *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1971. С. 7–19.

52. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

53. *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.

54. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. С. 16–21.

55. *Либерт Е. А.* К вопросу о статусе некоторых языков в западногерманской языковой подгруппе (африкаанс, идиш, плотдич) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 186–190.

56. *Либерт Е. А.* Типология суффиксальных диминутивных моделей в западногерманских языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.

57. *Либерт Е. А.* Фризский след в Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (36). С. 13–19.

58. *Либерт Е. А.* Письменность языка меннонитов плотдич // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019а. Т. 17, № 3. С. 32–41.

59. *Либерт Е. А.* Плотдич – мой родной язык. Тетрадь для чтения для школьников / Ред. Х. Сименс; худож. В. Мурышева. Бонн: Tweeback Verlag, 2019б. 40 с.

60. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

61. *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Яз. слав. культур, 2005. 477 с.

62. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969. 228 с.

63. *Мартинович Г. А.* Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143–146.

64. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1987. 272 с.

65. *Милованова М. В.* Категория посессивности в антропоцентрической парадигме // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2007. № 1. С. 94–101.

66. *Мишанкина Н. А.* Лексикология русского языка. Русский язык как иностранный: профессиональная сфера общения: Учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2017. 124 с.

67. *Найдич Л. Э., Либерт Е. А.* Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В. М. Жирмунского) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2020. Т. 19, № 2. С. 26–39.

68. *Найдич Л. Э., Либерт Е. А.* Plaut или Plot? К изучению развития вокализма в нижненемецких диалектах меннонитов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. № 25–2. С. 936–952.

69. *Налетова Н. В., Григорьева А. С.* Ассоциативно-вербальная сеть языка PLAUTDIETSCH немцев-меннонитов Сибири // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 78–93.

70. *Неборская Л. Н., Кушнерук Н. Н.* Средства реализации категории посессивности в немецком языке (диахроническое сопоставление) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2024. Вып. 14. С. 47–61.

71. *Нечаева Е. Ф.* Сопоставительный анализ отражения «Я-концепта» в дихотомии «обладание – бытие» (на материале французского, английского и русского языков) // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 113–121.

72. *Овчинникова И. Г.* Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 85–92.

73. *Пищальникова В. А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761.

74. *Пищальникова В. А.* Теория деятельности как теоретическая основа отечественной психолингвистики // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. М.: Ин-т языкознания – ММА, 2021. С. 35–53.

75. *Плоткин В. Я., Гросул Л. Я.* Широкозначность и аналитизм // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 82–90.

76. *Плоткин В. Я.* Строй английского языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1989. 239 с.

77. *Плоткин В. Я.* Как устроен английский язык? Новосибирск: Сиб. независ. ун-т, 1999. 92 с.

78. *Плотникова А. М.* Широкозначность и многозначность: к проблеме демаркации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 36, № 23 (161). С. 21–26.

79. *Потебня А. А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

80. *Савин А. И.* Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Новосибирск: Посох, 2009. 752 с.

81. *Сазонова Т. Ю.* Экспериментальное психолингвистическое исследование процесса поиска слова в ментальном лексиконе // Языковое сознание и образ мира: XII междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 2–4 июня 1997 г.). М.: Изд-во МГЛУ, 1997. С. 138–139.

82. *Сазонова Т. Ю.* Стратегии и опоры при идентификации слова // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека / Под общ. ред. А. А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 102–131.

83. *Сазонова Т. Ю.* Психолингвистические механизмы идентификации слова: стратегия опоры на ситуацию // Вопросы психолингвистики. 2014. № 2 (20). С. 134–146.

84. *Сепир Э.* Язык: Введение в изучение речи / Пер. с англ., примеч. и ввод. ст. А. М. Сухотина; предисл. С. Л. Белевицкого / Под общ. ред. Р. О. Шор. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. XX, 223 с.

85. *Сержанова Ж. А., Груба Н. А.* Немцы-меннониты Омской области: к вопросу об этнокультурной идентичности // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 54–61.

86. *Смирницкий А. И.* Значение слова // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 79–89.

87. *Сорокина М. И.* Письменность языка немцев-меннонитов Сибири: к постановке проблемы // XXX-е Дульзоновские чтения. Комплексное изучение языков и культур народов России: Сб. тезисов междунар. науч. конф. (21–24 сентября 2023 г.). Томск, 2023. С. 130–131.

88. *Стернин И. А.* Психолингвистическое значение слова и его описание // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2011. С. 5–12.

89. *Стернин И. А.* Лексикографическое представление психолингвистического значения слова // Вестн. РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15, № 2. С. 204–214.

90. *Стернин И. А., Рудакова А. В.* Психолингвистическое значение и языковая личность // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 98–103.

91. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 7–22.

92. *Теркулов В. И.* Украинский язык: время возникновения // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 137–149.

93. *Топоров В. Н.* О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности / Отв. ред. Л. Э. Калнынь, Т. Н. Молошная. М.: Наука, 1986. С. 142–167.

94. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 2: Чеченский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1888. 429 с.

95. *Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф.* Языковое сознание: проблемы единиц и методов исследования // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 17–35.

96. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.

97. *Уфимцева Н. В.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования национального языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. № 2 (20). С. 340–346.

98. *Уфимцева Н. В.* Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 238–249.

99. *Федюк А. В.* Широкозначность как лексико-семантическая категория // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 4. С. 199–209.

100. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 320 с.

101. *Чавыкина Е. А.* Посессивность как универсальная категория языка // Вестн. Чуваш. ун-та. 2007. № 4. С. 293–298.

102. *Черемисина М. И.* Языки коренных народов Сибири: Учеб. пособие. Новосибирск, 1992. 92 с.

103. *Чинчлей К. Г.* Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 100–117.

104. *Шапошникова И. В.* Становление аналитизма как диахроническая типологическая константа в английском языке // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах. Ч. 1: К разработке понятийно-категориального аппарата. Новосибирск: Ин-т языкознания РАН; Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 7–26.

105. *Шапошникова И. В.* Эмпирическая база для исследования вербальных ассоциаций русских, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10, № 2. С. 63–76.

106. *Шапошникова И. В.* Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 255–273.

107. *Шапошникова И. В.* Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 336 с.

108. *Шапошникова И. В.* К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 314–329.

109. *Шапошникова И. В.* Системность и целостность языка в контексте интегрированного знания о человеке // Вопросы психолингвистики. 2023. № 2 (56). С. 10–33.

110. *Шапошникова И. В.* К ассоциативной типологии в контексте изучения языка как достояния человека // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3 (61). С. 86–110.

111. *Шапошникова И. В.* Деятельно созидающий ум: содружество смысла взаимодействующих величин // Вопросы психолингвистики. 2026. № 2 (68). С. 50–69.

112. *Шиндрова К. В.* Артикуляторно-акустические характеристики звуков типа «г» в языке плотдич // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. № 2 (48). С. 76–90.

113. *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 134 с.

114. *Шор Р. О.* К вопросу о сокращении алфавита (Критические замечания на статью проф. Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита». «Культура и письменность Востока». Кн. 1. М., 1928) // Культура и письменность Востока. Кн. 2. Баку: Издание ВЦК НТА, 1928. С. 62–75.

115. *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова. М.: ГАХН, 1927. 219 с.

116. *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих (влад. А. Э. Коллинс), 1912. 155 с.

117. *Эпп П.* Не исчезли по милости Господа. Waldheim – Аполлоновка, 1911–2011. Steinhagen – Исилькуль: Samenkorn, 2011. 896 с.

118. *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 1. М., 1928. С. 41–64. (Переиздание: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 123–148).

119. *Яковлев А. А.* Классическая и неклассическая интерпретация понятия «Языковое сознание» // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4 (58). С. 164–170.

120. *Agard F. B.* Language and dialect: some tentative postulates // Linguistics. 1971. Vol. 65. P. 5–24.

121. *Aikhenvald A. Y.* Possession and Ownership: A Cross-Linguistic Perspective // Possession and Ownership / Ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 1–64.

122. *Anger H.* Die Deutschen in Sibirien, Reise durch die deutschen Dörfer Westsibiriens. Berlin: Ost-Europa-Verlag, 1930. 102 S.

123. *Bach A.* Deutsche Mundartforschung. Ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben. Heidelberg, 1969. 335 S.

124. *Barabási A.-L.* Network Science. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. 456 p.

125. *Bellmann G.* Probleme des Substandards im Deutschen // Aspekte der Dialekttheorie / Hrsg. von K. J. Mattheier. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1983. S. 105–130.

126. *Brandt M.* Palatalization in Plautdietsch // German Linguistics. 1991. Vol. 9. P. 45–58.

127. *Brown R.* Reference: In Memorial Tribute to Eric Lenneberg // Cognition. 1976. Vol. 4, No. 2. P. 125–153.

128. *Cox C. D.* Verbal complementation in Mennonite Plautdietsch: a constructional, corpus-based approach: Master of Science thesis. Edmonton: Univ. of Alberta, 2008. 306 p.

129. Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes / Hrsg. von B. Jähnig, P. Letkemann. Münster: Nicolaus-Copernicus-Verlag, 1985. 384 S.

130. *De Graaf T., Nieuweboer R.* De taal der Mennonieten in Siberië en hun relatie met Nederland // Doopsgezinde Bijdragen nieuwe reeks 19. Amsterdam: Doopsgezinde Historische Kring, 1993. P. 175–189.

131. *Dixon R. M.* W. Basic Linguistic Theory. Vol. 2: Grammatical Topics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. 490 p.

132. *Epp R.* Plautdietsch: Origins, Development and State of the Mennonite Low German Language // Journal of Mennonite Studies. 1987. Vol. 5. P. 61–72.

133. *Estraikh G.* Yiddish in the Cold War. L.: Legenda, 2008. 192 p.

134. *Fishman D. E.* The Rise of Modern Yiddish Culture. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 2005. 190 p.

135. *Gentner D.* Language as Cognitive Tool Kit: How Language Supports Relational Thought // American Psychologist. 2016. Vol. 71, No. 8. P. 650–657.

136. *Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache: In 2 Bdn. Leipzig: Weidmannsche Buchhandlung, 1848. 1035 S.

137. *Heine B.* Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 266 p.

138. *Heine B., Kuteva T.* World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 387 p.

139. *Herder J. G.* Abhandlung über den Ursprung der Sprache, welche den von der Königl. Academie der Wissenschaften für das Jahr 1770 gesetzten Preis erhalten hat. Berlin: Christian Friedrich Voß, 1772. 222 S.

140. *Heusinger S.* Die Lexik der deutschen Gegenwartssprache. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. 297 S.

141. *Hoge K.* Yiddish Possessives as a Case for Genitive Case // Germanic Genitives / Ed. by T. Ackermann, H. J. Simon, C. Zimmer. Amsterdam: John Benjamins, 2018. P. 231–272.

142. *Hoijer H.* The Sapir-Whorf Hypothesis // Language in Culture: Conference on the Interrelations of Language and Other Aspects of Culture / Ed. by H. Hoijer. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1954. P. 92–105.

143. *Hutterer C. J.* Die germanischen Sprachen. Budapest, 1975. 400 S.

144. *Jacobs N. G.* Yiddish: A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. XIX, 327 p.

145. *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. 1: Phonological Studies. ’s-Gravenhage: Mouton, 1962. X, 678 p.

146. *Jedig H.* Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 106 S.

147. *Kanakin I., Wall M.* Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994. 58 S.

148. *Kloss H.* Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. 2., erw. Aufl. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1978. 463 S.

149. *Kloss H.* «Abstand languages» and «Ausbau languages» // Anthropological Linguistics. 1967. Vol. 9, No. 7. P. 29–41.

150. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. XIII, 242 p.

151. *Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 2: Descriptive Application. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1991. 589 p.

152. *Langacker R. W.* Possession and possessive constructions // Language and the Cognitive Construal of the World / Ed. by J. R. Taylor, R. E. MacLaury. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 51–79.

153. *Langacker R. W.* Reference-Point Constructions // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4, No. 1. P. 1–38.

154. *Libert E. A.* Plautdietsch – the Language of Mennonite Minority in Siberia // Tehlikedeki Diller Dergisi / Journal of Endangered Languages. 2014. Vol. 3, No. 3. P. 419–434.

155. *Louden M. L.* Pennsylvania Dutch: The Story of an American Language. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2016. 473 p.

156. *Lucy J. A.* Linguistic Relativity // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 291–312.

157. *Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. 897 p.

158. *Löffler H.* Dialektologie. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. 154 S.

159. *Mark Y.* Gramatik fun der yidisher klal-shprakh. N. Y.: Alveltlekher yidisher kultur-kongres, 1978. 394 p.

160. *Newman M. E. J.* Networks: An Introduction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. 772 p.

161. *Niebaum H.* Einführung in die Dialektologie des Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1999. 203 S.

162. *Nieuweboer R.* The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German). Groningen: Rijksuniversiteit Groningen, 1998. 380 S.

163. *Nieuweboer R.* The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German). München: LINCOM Europa, 1999. 380 S.

164. *Nieuweboer R.,* de Graaf T. The Language of the West Siberian Mennonites // Internationalt tidsskrift for sprog og kommunikation. 1994. No. 1. P. 47–61.

165. *Postma I. S.* Das Niederländische Erbe der preussisch-russländischen Mennoniten in Europa, Asia und America. Haag, 1959. 187 S.

166. *Quiring J.* Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland. Münster, 1928; 2. Aufl. 1985. 128 S.

167. *Rahn P.* Mennoniten in der Umgebung von Omsk. Winnipeg: Christian Press Ltd., 1975. 248 S.

168. *Roehrs D.* Prenominal possessives in Yiddish: mayn khaver versus mayner a khaver // Linguistics. 2022. Vol. 60, No. 2. P. 347–393.

169. *Salmons J.* The role of community and regional structure in language shift // Regionalism in the Age of Globalism: Vol. 1: Concepts of regionalism / Ed. by L. Hönnighausen, M. Frey, J. Peacock, N. Steiner. Madison: Center for the Study of Upper Midwestern Cultures, 2005. P. 129–138.

170. *Siemens H.* Ess Plautdietsch eene Spoak ooda een Dialetjt? // Plautdietsch Frind. 2025. S. 20–24.

171. *Siemens H.* Plautdietsch. Grammatik, Geschichte, Perspektiven. Bonn: Tweeback, 2012. 268 S.

172. *Socin A.* Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit: Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. Hildesheim: Olms, 1970. 544 S.

173. *Specht F.* Plattdeutsch, wie es nicht im Wörterbuch steht. Frankfurt am Main: Verlag Heinrich Scheffler, 1969. 190 S.

174. *Stassen L.* Predicative Possession. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. 832 p.

175. *Steyvers M., Tenenbaum J. B.* The large-scale structure of semantic networks: statistical analyses and a model of semantic growth // Cognitive Science. 2005. Vol. 29. P. 41–78.

176. *Tarasov E. F.* Consciousness as a Problem of Psycholinguistics // Theoretical Issues. 1988. Vol. 11, No. 2. P. 173–180.

177. *te Velde J., Vosburg N.* Plautdietsch: A Remarkable Story of Language Maintenance and Change // The Emergence of Grammars. A closer look at dialects between phonology and morphosyntax / Ed. by M. Russo. 2019. P. 245–278.

178. *Thiessen J., Reimer A.* A grammatical sketch of Plautdietsch // A Sackful of Plautdietsch: A Collection of Mennonite Low German Stories and Poems / Ed. by A. Reimer, A. Reimer, J. Thiessen. Winnipeg: Hyperion Press, 1983. P. 1–22.

179. *Tolksdorf U.* Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes // Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes / Hrsg. von B. Jähnig, P. Letkemann. Münster: Nicolaus-Copernicus-Verlag, 1985. S. 313–336.

180. *Ufimtseva N. V.* Linguistic Consciousness: The Russian View // Journal of Psycholinguistic Research. 2014. Vol. 43, No. 1. P. 1–12.

181. *Velazquez-Castillo M.* The Grammar of Possession: Inalienability, Incorporation and Possessor Ascension in Guaraní. Amsterdam: John Benjamins, 1996. 274 p.

182. *Weinberg R.* [Review of] History of the Yiddish Language. By Max Weinreich // Slavic Review. 2008. Vol. 67, No. 2. P. 470–471.

183. *Weinreich M.* History of the Yiddish Language / Ed. by P. Glasser; transl. by S. Noble. New Haven: Yale Univ. Press, 2008. Vol. 1–2. 1150 p.

184. *Weinreich M.* YIVO and the problems of our time // Yivo-bleter. 1945. Vol. 25, No. 1. P. 3–18.

185. *Wiesinger P.* „Sprache“, „Dialekt“ und „Mundart“ als sachliches und terminologisches Problem // Dialekt und Dialektologie: Ergebnisse des Internationalen Symposions „Zur Theorie des Dialekts“, Marburg/Lahn, 5.–10.9.1977 / Hrsg. von J. Göschel, P. Ivić, K. Kehr. Wiesbaden: Steiner, 1980. S. 177–198.

186. *Wolff P., Holmes K. J.* Linguistic Relativity // WIREs Cognitive Science. 2011. Vol. 2, No. 3. P. 253–265.

Словари, энциклопедии и справочные издания

187. *Журинская М. А.* Посессивность // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е репринт. изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 388–389.

188. *Кубрякова Е. С.* Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 97–99.

189. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

190. Новый нидерландско-русский и русско-нидерландский словарь / Т. Н. Дренясова, С. А. Миронов, Л. С. Щечкова. М.: Просвещение, 2021. 717 с.

191. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2 / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др.; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. 487 с.

192. *Росенко М. Н.* Этнос // Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник / Под ред. М. Н. Росенко. СПб.: Петрополис, 2007. С. 132–135.

193. Русский ассоциативный словарь (Ассоциативный тезаурус современного русского языка): В 6 кн. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998. Кн. 1 (1994) – 223 с.; кн. 2 (1994) – 357 с.; кн. 3 (1996) – 211 с.; кн. 4 (1996) – 323 с.; кн. 5 (1998) – 202 с.; кн. 6 (1998) – 323 с.

194. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.

195. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970–1971. Т. 1: А–Н. 680 с.; Т. 2: О–Я. 856 с.

196. *Fishman J. A.* Language: Planning and Standardization of Yiddish // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe / Ed. by G. D. Hundert. Vol. 1. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2008. P. 987–991.

197. Mennonite World Conference. World Directory 2009: Mennonite, Brethren in Christ and Related Churches. Strasbourg; Kitchener, ON: Mennonite World Conference, 2009. 23 p.

198. *Neufeld E.* Dictionary of Plautdietsch Synonyms and Antonyms. LINCOM Studies in Germanic Linguistics. Vol. 16. LINCOM Europa, 2003. 240 p.

199. *Rempel H.* Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary. Winnipeg, Manitoba, Canada, 1984. 295 S.

200. *Seiler H.* Possession // International Encyclopedia of Linguistics. Vol. 3. Oxford: Oxford Univ. Press, 1988. P. 477–480.

201. *Weinreich U.* Modern English-Yiddish, Yiddish-English Dictionary. N. Y.: YIVO Institute for Jewish Research, 1968. 789 p.

Электронные ресурсы

202. Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 1. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 20.05.2026).

203. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2003–2026. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 02.06.2026).

204. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2026): СИБАС 1 (2008–2013); СИБАС 2 (2014–2022) / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: http://adictru.nsu.ru (дата обращения: 02.06.2026).

205. *Силантьева О.* Удачное начинание в Неудачино // Московская немецкая газета. 2020. URL: https://ru.mdz-moskau.eu/udachnoe-nachinanie-v-neudachino/ (дата обращения: 22.02.2024).

206. *Сименс Г.* Другой немецкий язык // Московская немецкая газета. 2014. URL: https://ru.mdz-moskau.eu/drugoj-nemetskij-yazyk (дата обращения: 09.06.2025).

207. Duden Online. URL: https://www.duden.de (дата обращения: 05.05.2026).

208. DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 05.05.2026).

209. Glottolog. URL: https://glottolog.org (дата обращения: 05.05.2026).

210. *Jänen M.* Dialekte Hotline: Plattdeutsch // Goethe-Institut. 2022. URL: https://vk.ru/wall-268522_16346?ysclid=mw7o4mtac852074255 (дата обращения: 20.01.2023).

211. Mijnwoordenboek (голландский онлайн-словарь). URL: https://www.mijnwoordenboek.nl (дата обращения: 05.05.2026).

212. Plautdietsch, a Germanic Language, related to Dutch and Frisian, spoken in Siberia. Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning: Endangered languages and archives. 2021. URL: https://www.mercator-research.eu/en/projects/endangered-languages-and-archives/plautdietsch-a-germanic-language-related-to-dutch-and-frisian-spoken-in-siberia/ (дата обращения: 20.12.2024).

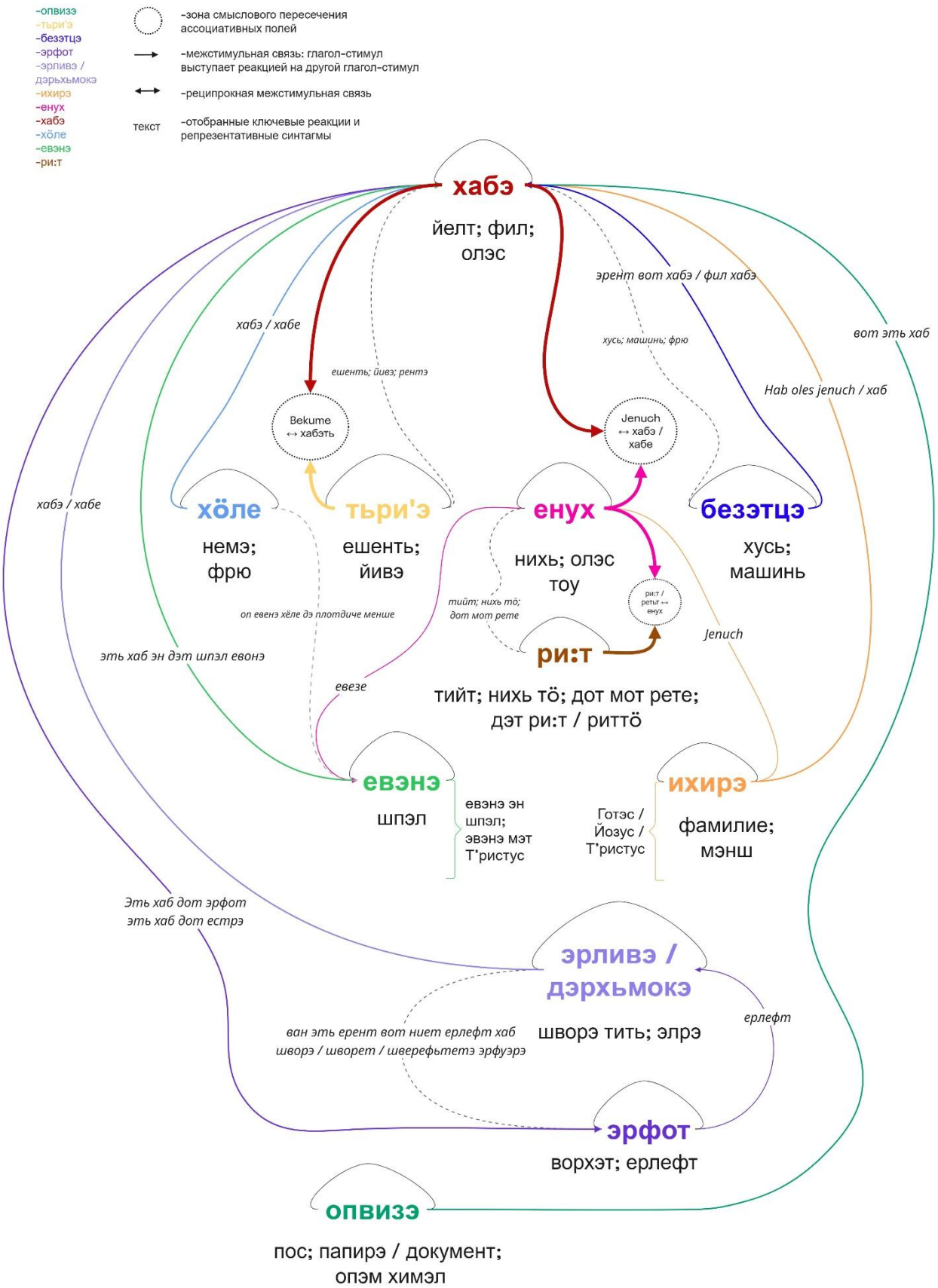
213. Plautdietsch-Freunde e. V. URL: https://www.plautdietsch-freunde.de (дата обращения: 08.06.2026).

214. PONS Online-Wörterbuch Deutsch–Russisch. URL: https://de.pons.com/übersetzung/deutsch-russisch (дата обращения: 25.05.2026).

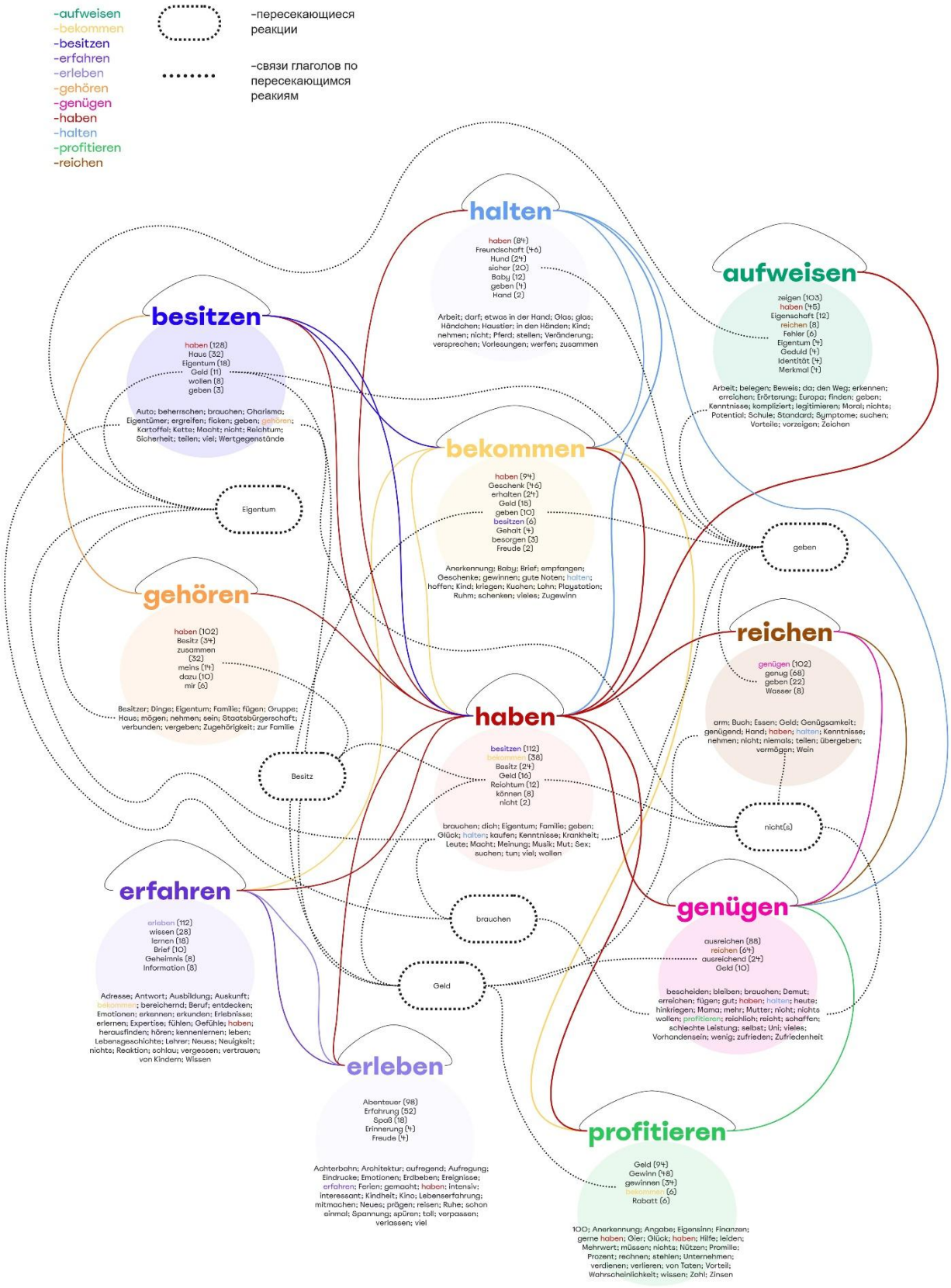
215. Van Dale (нидерландский онлайн-словарь). URL: https://www.vandale.nl (дата обращения: 05.05.2026).

ПРИЛОЖЕНИЯ

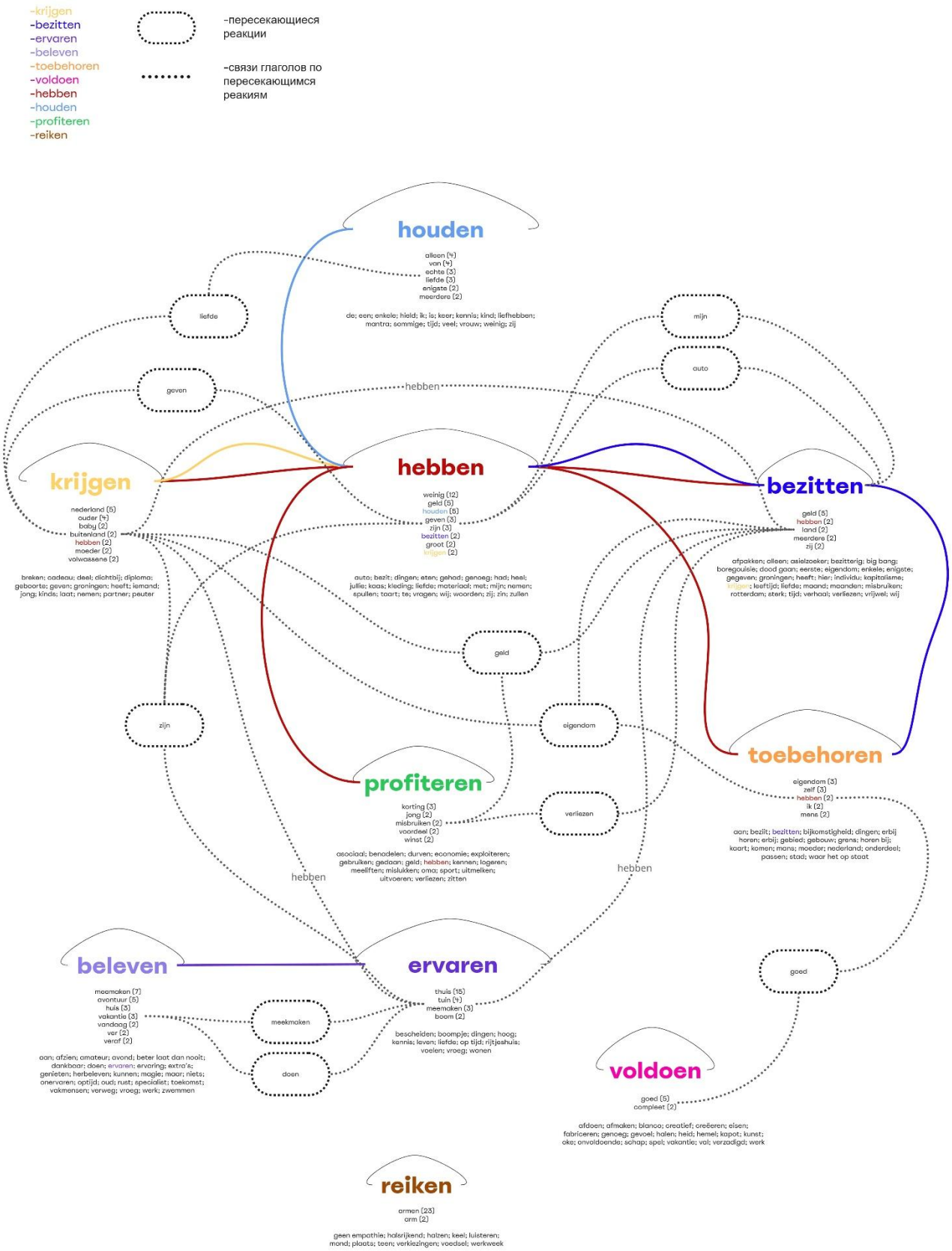
Приложение 1. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в плотдич

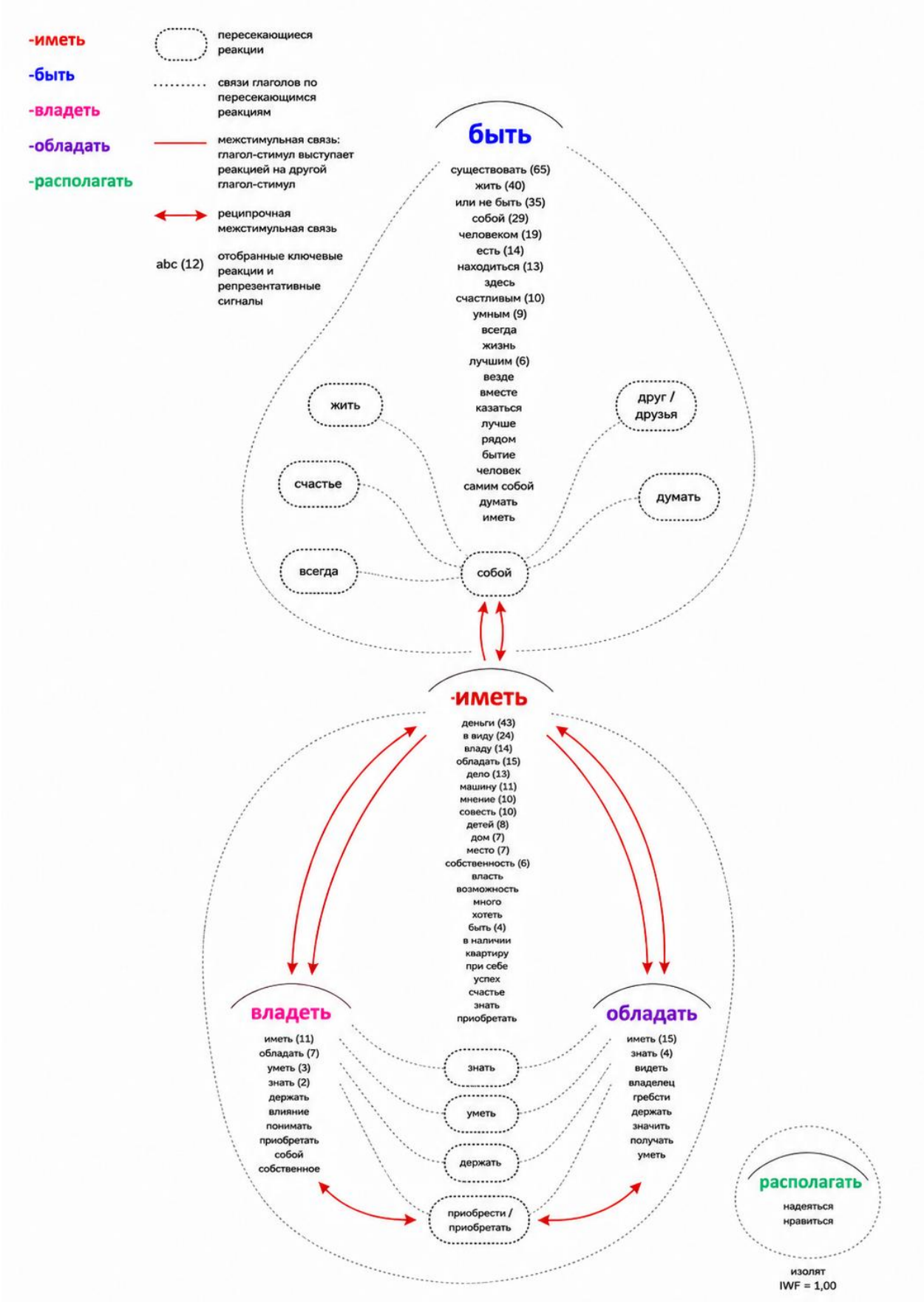
Приложение 2. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в немецком языке

Приложение 3. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в голландском языке

Приложение 4. Ассоциативно-вербальная сеть глаголов со значением обладания в русском языке

Приложение 5. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в плотдич

Стимул	Реакции с посессивной семантикой
***хабэ* ‘иметь’**	*йелт* / *Jelt* ‘деньги’ (3), *Es minjt* / *Es mint* ‘это моё’ (2), *йивэ* / *Iwe* ‘давать’ (2), *немэ* / *нэме* ‘брать’ (2), *ван эть хаб, дот эс миньт* ‘если у меня что-то есть, это моё’, *ви хабэ, дот ха ви* ‘у нас есть, что мы имеем’, *ви хабэ твой штоля, дой хабэ эн дэш* ‘у нас два стула, у него есть стол’, *ви хабэ эн штол, эн гуэдэ, эн э вэртшафт* ‘у нас есть сарай, огород и хозяйство’, *ви хёле оп хабе* ‘нам нравится иметь’, *ви хёле оп олэс хабе* ‘нам нравится иметь всё’, *вот* ‘что-то’, *дот эс миньт дан* ‘тогда это моё’, *дот эс шонь ван ман годет хавт* ‘хорошо, когда имеешь что-то доброе’, *зорье* ‘заботы’, *йезундхэйт* ‘здоровье’, *кукэ* ‘пряник’, *миньт* ‘моё’, *ойнэ машин* ‘машину’, *тырых* ‘война’, *фил* / *Viel* ‘много’, *фил хабе* ‘иметь много’, *habe en sin* ‘имею сына’, *habe rü* ‘имею покой’, *habe te ite* ‘иметь что-нибудь поесть’, *хабе етэ* ‘иметь еду’, *хабе теньа* ‘иметь детей’, *хабе эн рот* ‘иметь велосипед’, *хабэ нэ машинь* ‘иметь машину’, *хабэ нэ фрю* ‘иметь жену’, *хабэ фил* ‘иметь много’, *хабэ фил теньа* ‘иметь много детей’, *хэ:нь* ‘руки’, *эрент-вот вот миньт эс* ‘что-то, что принадлежит мне’, *эть вэл фил хабе* ‘я хочу много иметь’, *эть ха олэс* ‘у меня всё есть’, *эть hab brune hua* ‘у меня каштановые волосы’, *эть хаб фоя теня* ‘у меня четверо детей’, *эть хабэ фил фрэд* ‘у меня много радости’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	эть хаб йестрэ вош евошэ ‘я вчера постирала вещи’
***хёле* ‘хранить, держать / любить’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	апл / *о:пл* ‘яблоки’ (2), *фой* ‘скот’ (2), *безецен* ‘владеть, обладать’, *бук* ‘книга’, *ви хёле зех тён* ‘мы держимся все вместе’, *ви холе ти, дой холе зине тэня* ‘мы держим коров, они любят своих детей’, *вот ми ефелт, оп вот эть хёль* ‘то, что мне нравится, что я храню’, *вэл* ‘хотеть’, *гунэ* ‘идти’, *de zache ene hont* ‘вещи в руке’, *duj hэлst эн опл* ‘ты держишь яблоко’, *ерентвот нэ хэнь хёле* ‘что-то держать в руках’, *итэ* ‘кушать’, *корф* ‘короб’, *nеme* ‘брать’, *ношт хёлеть нихь блёсь эн гуэдэ* ‘из хозяйства ничего не держу, только огород’, *оп’итэ* ‘съедать’, *урлаб форэ* ‘ездить в отпуск’, *фил фой* ‘много скотины’, *фост холе* ‘крепко держать’, *фэ ми холе* ‘оставить себе’, *хабэ* ‘иметь’, *хёле дот эс ерент вот хабэ* ‘держать – значит иметь что-то’, *höle en Tent* ‘держать ребёнка’, *höle op apel* ‘любить яблоки’, *хонт* ‘рука’, *шлупе* ‘спать’, *шмитэ* ‘кидать’, *эть кон ерент вот эне хень хёле* ‘я могу что-то держать в руках’, *эть кон фил утьхёле* ‘я могу многое выдержать’, *этэ* ‘есть’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	ви хёле оп шонет етэ ‘мы любим вкусную еду’, *дот ефелт ми одя дот вэлэть хабэ одя дот шмать ми шонь* ‘это мне нравится, я хочу это иметь или мне это вкусно’, *ефэлт* ‘нравится’, *эрент-вот вот шонь шматьт оп дот хёле* ‘любить что-то вкусное’, *эть хёль оп мине фрю* ‘я люблю свою жену’, *эть höль оп ворщт эн сыр* ‘я люблю колбасу и сыр’, *эть хёль оп шофэ, шпециере гунэ* ‘я люблю работать и ходить в гости’

	Реакции с посессивной семантикой
***безэтцэ* ‘владеть / обладать’**	*хабэ* / *хабе* ‘иметь’ (2), *Артур безэцт* ‘владеть Артуром’, *бэриде* ‘уговаривать’, *веныхь* ‘мало’, *вы(э)ршафт* ‘хозяйство’, *дэ шт’ыт* ‘место’, *em hus* ‘дом’, *йивэ* ‘давать’, *лойт* ‘разрешил’, *met dem Hüsj* ‘с домом’, *мийн мон бэзетцт эн оуто, ви бэзетце эн шойнет хусь* ‘у моего мужа есть машина, у нас есть красивый дом’, *на эн хусь хаб эть* ‘у меня есть дом’, *нихь* ‘нет’, *ранэ* ‘бежать’, *ruth wise* ‘показать’, *фил ид* ‘много земли’, *фил хабэ* ‘иметь много’, *эрент вот хабэ* ‘иметь что-то’, *эть безетц онь грётет хусь* ‘я владею большим домом’, *эть зи безэтцэ* ‘я владею / обладаю’, *эть хаб вот* ‘у меня что-то есть’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	безетцт мотэ фрю, фамилие, оубет ‘быть занятым женой, семьёй и работой’, *ван ерент вонь плотц ененумэ эс* ‘когда какое-то место занято’, *ви безетце ню дэн зоуфа* ‘мы сейчас занимаем диван’, *the te`lefon эс фокэн бэзетцт* ‘телефон часто занят’
***евэнэ* ‘иметь выгоду / побеждать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	фершпил ‘проигрывать’ (2), *шпэл* / *Spell* / *Schpel* ‘игра’ (2), *эн шпэл* ‘игра’ (2), *ван* ‘если’, *ван ви ерент вонь тяннф хабе эн евэнэ дёнэ* ‘когда у нас происходит борьба и мы побеждаем’, *ван ман вот дэт эн даби эн эрфольхь хабэ флэхьт евэнэ* ‘когда что-то делаешь с успехом, возможно, побеждаешь’, *ван эн менш эн циль хавт дан* ‘когда у человека есть цель, тогда…’, *ви хобэ евене* ‘мы выиграли / получили выгоду’, *вэл* ‘хотеть’, *грётэ шпэл* ‘большая игра’, *дем брёда* ‘брату’, *det ischte* ‘первое’, *дой вэле евэнэ* ‘они хотят выиграть’, *дэ шпил* ‘игра’, *дэт ман зich евенэ, характа евенэ* ‘победить себя, преодолеть свой характер’, *евэнэ эн шпэл* ‘выиграть игру’, *ешенть* ‘подарок’, *eschte sene* ‘быть первым’, *jenm schpel* ‘игру’, *лос гунэ* ‘уходить’, *минь брёдя шпелт эма уть* ‘мой брат всегда хорошо играет’, *ойн шпи:л* ‘одна игра’, *оп евенэ хёле дэ* плотдиче *менше* ‘носители плотдич любят выигрывать’, *уть шпэлэ* ‘хорошо играть’, *эма мот ман евэнэ эм лэве* ‘в жизни всегда нужно что-то преодолевать’, *эн лонд* ‘страна’, *эть вэл дот ойвье лэве евенэ* ‘я хочу побеждать ради вечной жизни’, *эть евен дэ оньземтент* ‘я побеждаю одиночество’, *эть зи дот еште* ‘я первый’, *эть хаб эн дэт шпэл евонэ, ту евэнэ эс нэх лэхт* ‘я выиграла игру, победить нелегко’, *ютьешпелт эн шпэл* ‘выиграть игру’
***опвизэ* ‘обнаруживать / показывать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	брёт ‘хлеб’, *вайхранэ* ‘убегать’, *вером* ‘почему’, *de zache* ‘вещи’, *дэхьт* ‘близко’, *нэ мъшинь* ‘машину’, *опвизе вот эть хаб* ‘показывать то, что у меня есть’, *папирэ* ‘бумаги’, *фил ву:д* ‘много значит’, *фъ(э)штопэ* ‘прятать’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	визе / *Wiese* / *Wise* ‘показывать’ (2), *бевизе* ‘доказывать’, *ван эть ерент вэм вот визе дё* ‘когда я кому-то что-то показываю’, *ви доне опвизе* ‘мы показываем’, *дэм пос опвизэ* ‘показать паспорт’, *ерент вот визе* ‘что-то показывать’, *ерент вот опвизе эн папия одя эн документ* ‘показывать какую-то бумагу или документ’, *зийнэ обит опвизэ* ‘показывать свою работу’, *муст минь пос эма опвизе* ‘мне постоянно приходится показывать свой паспорт’, *нахвизе* ‘не показывать’,

	опвизе опэм химэл ‘показывать на небо’, *опвизе эн пос* ‘показывать паспорт’, *опэм поул* ‘на пульс’, *пойта дэт опвизэ* ‘Петя показывает’, *ruth wise* ‘показать’, *эть вэл минэ обит* ‘я хочу показать свою работу’, *эть кон минь пос опвизе* ‘я могу показать свой паспорт’
***тьри’э* ‘получать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	йелт ‘деньги’ (3), *йешенть* / *ешеньть* / *Eschentj* ‘подарок’ (3), *шенте* ‘дарить’ (2), *ван зе онс ерент вот евэ* ‘когда нам что-то дают’, *ви тьрие дытьюа шоне томатэ уть эм гуэдэ* ‘в этом году мы получили хорошие помидоры из огорода’, *ви яст* ‘гости’, *ерент вот фон ерентвэм тьрийе* ‘получить что-то от кого-то’, *зой вэл нэ мэшинь тьри’э* ‘она хочет получить машину’, *iwre Ure* ‘получить по ушам’, *ись* ‘лёд’, *йивэ* ‘давать’, *клоп тьрьие* ‘получить удар’, *ман кон эн посылкэ тьрийе фон дичлонд* ‘можно получить посылку из Германии’, *mezpun* ‘конфеты’, *ми евезе* ‘мне показать’, *mom rojne* ‘с ремнём’, *немэ* ‘брать’, *onеme* ‘без меня’, *онзрэ элрэ* ‘наши родители’, *тьри’э эн йишеньть* ‘получить подарок’, *тьрие штруф* ‘получить наказание’, *тьрийе ерент вонь ешеньть* ‘получить какой-то подарок’, *тьрийе эс нихь шонь* ‘получить – это нехорошо’, *филе зае фешвейлт тьрийе* ‘много говорить – обжечься из-за сказанного’, *фуц вошт триьэ* ‘получить колбасу’, *шэл тьрийе* ‘получить наказание’, *эн ешенть* ‘подарок’, *эн ешенть тьрийе* ‘получить подарок’, *эрент вот тэм еборстдах тьрьие* ‘получить что-то на день рождения’, *эть тьрий нох филе мул нэ халп* ‘я часто получаю помощь’, *эть тьрий рентэ* ‘я получаю пенсию’
***енух* ‘хватать / быть достаточным’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	фил / *Viel* / *Fiel* ‘много’ (4), *веныхь* / *вэнихь* ‘мало’ (2), *йелт* / *йелд* ‘деньги’ (2), *брёт* ‘хлеб’, *ван мул ерент ве фрахт хайи фил едбеере еплоке, на йо енух* ‘когда спрашивают, много ли вы собрали земляники, – да, достаточно’, *ви хабе дэтьюа олэс енух* ‘в этом году у нас всего достаточно’, *детьюа зент енух едбеере* ‘в этом году много земляники’, *дот вот тёньмул унух, уба ман мот тофрэд зэзэ* ‘никогда не бывает достаточно, но нужно быть довольным’, *дот рэтть тоу* ‘этого достаточно’, *дот эс ван олэс енух эс, ван ви олэс хабэ* ‘это когда всего достаточно, когда у нас всё есть’, *енух ван дот торетьт* ‘хватает, когда достаточно’, *енух итэ тьрийе* ‘получать достаточно еды’, *енух итэ тэм яст опниме* ‘достаточно еды, чтобы принимать гостей’, *енух кэнфа’т* ‘достаточно конфет’, *енух хабэ* ‘иметь достаточно’, *енух, эть зи тофрэд, дот реть тё* ‘я доволен, всего хватает’, *zoka* ‘сахар’, *зоя фил, дот ритьт то* ‘очень много, этого достаточно’, *йешентя* ‘подарки’, *йешофт* ‘работали’, *mensche* ‘люди’, *ри:ть, дот олос* ‘доставать, это всё’, *т’и:ть* ‘время’, *ту фил* ‘слишком много’, *тэм итэ* ‘чтобы кушать’, *фэел хабе* ‘иметь много’, *hab oles jenuch* ‘всего достаточно’, *хаб фон олэм енух* ‘имею всего достаточно’, *эн менш дой хафт нимулс нихь енух* ‘человеку никогда не хватает’, *эн менш хавт эма нихь енух* ‘человеку всегда мало’, *энэм тьяла* ‘в погребе’
***ихирэ* ‘принадлежать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	эрент вэм зиньт / *erent wem sinja* ‘чьё-то’ (3), *ту дэ фамилийа* / *ту дэ фамилие* ‘семье’ (2), *бэ дэ мэнш* ‘человеку’, *бэкумэ* ‘получать’, *ви ехере том теня Готтес*

	‘мы принадлежим к Божьим детям’, *ви ехерэ то Готэс теня, то елэбье меншэ* ‘мы принадлежим к Божьим детям, к верующим людям’, *ви ихире не дэ* плотдиче ‘мы принадлежим к сообществу носителей плотдич’, *wid* ‘слова’, *гунэ* ‘идти’, *дем хусь* ‘дому’, *дой ихирэ ми нех* ‘он мне не принадлежит’, *дот вот ми ехет* ‘то, что мне принадлежит’, *дэт эс меньт* ‘это моё’, *зине* ‘быть’, *лу:т* ‘поздно’, *ми* ‘мне’, *мине фамилиэ ехет ну ми, мине фамилиэ* ‘моя семья принадлежит мне’, *мон кон то ерент ву то ехерэ* ‘можно к чему-то принадлежать’, *nem Lond* ‘стране’, *немэ* ‘брать’, *nü de familje Wiebe* ‘к семье Вибе’, *ну ойнэ фемилье ехире* ‘принадлежать одной семье’, *то эрент воне фамилие* ‘принадлежать к какой-то семье’, *ту Росланд* ‘России’, *унэ* ‘без’, *эть вэл минь Йозус ехерэ* ‘я хочу принадлежать моему Иисусу’, *эть ехе то ден дичен фольт* ‘я принадлежу немецкому народу’, *эть ехе то дэ емендэ* ‘я принадлежу церкви’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	ван эть ерент вот ехет хаб ‘когда я что-то услышал’, *зэнй* ‘петь’, *эть кон ол нихь зое хирэ* ‘я уже не всё могу слышать (*хи:рэ* – ‘слышать’)’
	Реакции с посессивной семантикой
***эрливэ* / *дэрхьмокэ* ‘переживать / убеждаться на опыте’**	*вайхнемэ* ‘убирать / забирать’, *ван эн оне шворе логх нена темст, дан мот ман дот ерлевэ* ‘когда попадаешь в тяжёлую ситуацию, её нужно пережить’, *ви хабе онс леве дэрьелэвт, ви хабе нихь шворэт фил ерлэвт, онзе элре хабе моя дэрьхьемокт* ‘мы прожили свою жизнь, пережив немного трудностей, наши родители пережили больше’, *ви хабэ мост эн дизэм ливэ зае фил* ‘нам пришлось в этой жизни многое пережить’, *ви хабэ нэ шворэ тить ерлэфт ос онзэ ешвэста ола вахь фурэ нэ дичьлонд* ‘мы пережили тяжёлое время, когда наши братья и сёстры уехали в Германию’, *vielet derchmoke* ‘многое пережить’, *вот шворэ* ‘что-то тяжёлое’, *вот шворэт дэрхьмокэ* ‘пережить что-то тяжёлое’, *dem Dach* ‘день’, *дем трехь* ‘войну’, *derch gune* ‘пережить’, *дой хабе фил эрливт эн дерх’йимокт* ‘они много пережили и перенесли’, *дот пасэд мул эн минь леве* ‘это случилось однажды в моей жизни’, *дэрхьгунэ* ‘проходить’, *ерент вот хабэ эн зинь лэве эн ман кон зихь дот денте* ‘пережить что-то в своей жизни и помнить об этом’, *ерент вот шворет дерьхьлевэ* ‘пережить что-то тяжёлое’, *кум быт тыэнь* ‘идти до конца’, *нихь* ‘нет’, *он тьрехьтстить эн дан ходе онзе элре фил дэрьхьемокт* ‘во время войны наши родители многое пережили’, *оне кранкхейт* ‘болезнь’, *онзе элре эн грёсьэлре хабэ фил вот дэрьхьемокт эн дэрьхьелэвт* ‘наши родители, дедушки и бабушки многое пережили и перетерпели’, *онзе элрэ хабе фил ерлевт эн дерьхьемокт* ‘наши родители многое пережили и перетерпели’, *онзэ элрэ хабэ фил* ‘наши родители многое…’, *тоуп* ‘вместе’, *трурихьтит* ‘горе’, *uabit* ‘работа’, *ётхёле* ‘выдерживать’, *фарэ фамилиа* ‘для семьи’, *фил* ‘много’, *фил эрливэ* ‘много пережить’, *хаб фил дэрьхьемокт, уба дот ве нихь дот зоя фил хаб ерент овт дерьемокт* ‘я многое пережила, не очень много, но кое-что пережила’, *шмок* ‘красивый’, *эн вонда эрливэ* ‘пережить чудо’, *эрент вот эм лэвэ шворет дэрьхьмоке* ‘пережить что-то тяжёлое в своей жизни’, *эрэнт вот утьhёле* ‘что-то выдержать’, *эть лэв олёнь* ‘я живу одна’, *эть фил ерлэвт эн минь лэвэ* ‘я многое пережила в своей жизни’

	Реакции с посессивной семантикой
***эрфот* ‘узнавать / получать опыт’**	*машин* / *Meschinj* ‘машина’ (2), *ван эть ерент вот ниет ерлефт хаб* ‘когда я пережил что-то новое’, *ви хабэ ок эрфуэрэ ол дот эт кон дытьюа вэ фил рейн, дохт вэ дот эт воэт эвашвамунг мест евэ* ‘мы поняли, что в этом году было много дождя, и уже думали, что будет наводнение’, *wot nijet* ‘что-то новое’, *ву:т* ‘слово’, *гос* ‘дорога’, *дэ ворхэт эрфоре* ‘узнать правду’, *дэрхь* ‘через’, *рита эрфот* ‘Рита узнаёт’, *тем тхъе* ‘идёт сюда’, *ётьехёльт* ‘выдержал’, *fred* ‘радость / мир’, *freshet upmoke* ‘открывать свежее’, *хаб фил эн минь лэвэ ерфуэт* ‘я многое узнала и приобрела большой опыт в своей жизни’, *хой* ‘он’, *шверефьтетэ эрфуэрэ* ‘пережить трудности’, *эне вордэ* ‘становиться’, *эн ерегнис* ‘событие’, *энворэ* ‘узнавать’, *эрфуэт ерент воня оп рушь опыт* ‘получить какой-то опыт’, *эть тян дыт* ‘я это знаю’, *эть фил фрэд эн минь лэвэ ерфоэт* ‘я пережила много радости в своей жизни’, *эть хаб дот естрэ* ‘вчера’, *эть хаб дот эрфот* ‘я это пережила’, *эть хаб дох эн минь лэве моньхь оне годэд штунд ерфуэт* ‘в своей жизни я пережил не один хороший час’, *эть хаб нох нихь фил эрфуэт ос мине элрэ* ‘я пережил не так много, как мои родители’
	Реакции с посессивной семантикой
***ри:т* ‘хватать / быть достаточным’**	*енух* ‘достаточно’ (2), *тратьэ* / *Trate* ‘тянуть’ (2), *брокэ* ‘нуждаться’, *ван зент менше фил эн дан темт нох ве би дан заезе, нихь шлем дот вот рете* ‘когда людей много и кто-то ещё подходит, говорят: ничего страшного, всего хватит’, *ван онс олэс то ретьт* ‘когда нам всего хватает’, *воушт* ‘мыть’, *дот вэл эма дэм менш нихь рете* ‘человеку всегда чего-то не хватает’, *дот эс енух* ‘этого достаточно’, *дэ хонд* ‘руку’, *дэт йэлт рийт то, дэ тийт рийт нэх* ‘денег достаточно, времени не хватает’, *дэт ри:т* ‘уже хватит’, *дэт тё* ‘уже хватит’, *ешэт шофе* ‘усердно работать’, *йо дот ретьт* ‘да, хватает’, *конст ми дэм кафе хе рите?* ‘мне хватит кофе?’, *ми рете дэ вэд нихь то* ‘мне не хватает слов’, *mi rite mine jake tö* ‘мне хватает моих курток / кофты’, *mil* ‘мука’, *мэнш* ‘человек’, *нихь тё* ‘не хватает’, *олос тоу* ‘всё закрыто’, *онс ритьтет олэс то, дот вот ви хабэ тэм лэвэ* ‘у нас всего достаточно, чтобы жить’, *онст рийт дэт то* ‘нам этого достаточно’, *ретьт то, ес енух* ‘хватает, всего достаточно’, (*рит*)*тё:* ‘хватает / уже хватит’, *руть ритэ крють* ‘достаточно рвать траву’, *то рете* ‘хватает’, *schtotj* ‘быстро’, *штоуль* ‘стул’, *эрэнт вуат рите* ‘урожая хватит’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	hua ritje bem tjame ‘волосы рвутся при расчесывании’

Приложение 6. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в немецком языке

Стимул	Реакции с посессивной семантикой
haben **‘иметь’**	*besitzen* ‘владеть’ (112), *bekommen* ‘получать’ (38), *Besitz* ‘владение’ (24), *Geld* ‘деньги’ (16), *Reichtum* ‘богатство’ (12), *können* ‘мочь’ (8), *brauchen* ‘нуждаться’, *dich* ‘тебя’, *Eigentum* ‘собственность’, *Familie* ‘семья’, *geben* ‘давать’, *Glück* ‘счастье’, *halten* ‘держать’, *kaufen* ‘покупать’, *Kenntnisse* ‘знания’, *Krankheit* ‘болезнь’, *Leute* ‘люди’, *Macht* ‘власть’, *Meinung* ‘мнение’, *Musik* ‘музыка’, *Mut* ‘мужество’, *Sex* ‘секс’, *suchen* ‘искать’, *tun* ‘делать’, *viel* ‘много’, *wollen* ‘хотеть’
halten **‘держать, хранить’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	haben ‘иметь’ (84), *Freundschaft* ‘дружба’ (46), *Hund* ‘собака’ (24), *sicher* ‘надёжно’ (20), *Baby* ‘младенец’ (12), *Arbeit* ‘работа’, *darf* ‘можно’, *etwas in der Hand* ‘что-то в руке’, *Glas* ‘стакан’, *glas* ‘стеклянный’, *Hand* ‘рука’, *Händchen* ‘ручка’, *Haustier* ‘питомец’, *in den Händen* ‘в руках’, *Kind* ‘ребёнок’, не ‘*nicht*’, *nehmen* ‘брать’, *Pferd* ‘лошадь’, *stellen* ‘ставить’, *Veränderung* ‘изменение’, *versprechen* ‘обещать’, *Vorlesungen* ‘лекции’, *werfen* ‘бросать’, zusammen ‘вместе’
besitzen **‘владеть / обладать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	haben ‘иметь’ (128), *Haus* ‘дом’ (32), *Eigentum* ‘собственность’ (18), *Geld* ‘деньги’ (11), *wollen* ‘хотеть’ (8), *gehören* ‘принадлежать’ (5), *Auto* ‘автомобиль’, *beherrschen* ‘овладевать’, *brauchen* ‘нуждаться’, *Charisma* ‘харизма’, *Eigentümer* ‘владелец’, *ergreifen* ‘захватывать’, *ficken* ‘сношаться’, *geben* ‘давать’, *Kartoffel* ‘картофель’, *Kette* ‘цепочка’, *Macht* ‘власть’, *Reichtum* ‘богатство’, *Sicherheit* ‘безопасность’, *teilen* ‘делиться’, *viel* ‘много’, *Wertgegenstände* ‘ценности’.
profitieren **‘иметь выгоду’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	Geld ‘деньги’ (94), *Gewinn* ‘прибыль’ (48), *gewinnen* ‘выигрывать’ (34), *bekommen* ‘получать’ (6), *Rabatt* ‘скидка’ (6), 100 ‘сто’, *Anerkennung* ‘признание’, *Angabe* ‘сведения’, *Eigensinn* ‘упрямство’, *Finanzen* ‘финансы’, *gerne haben* ‘любить’, *Gier* ‘жадность’, *Glück* ‘счастье’, *haben* ‘иметь’, *Hilfe* ‘помощь’, *leiden* ‘страдать’, *Mehrwert* ‘добавочная стоимость’, *müssen* ‘быть должным’, *nichts* ‘ничего’, *Nutzen* ‘польза’, *Promille* ‘промилле’, *Prozent* ‘процент’, *rechnen* ‘рассчитывать’, *stehlen* ‘красть’, *Unternehmen* ‘предприятие’, *verdienen* ‘зарабатывать’, *verlieren* ‘терять’, *von Taten* ‘от поступков’, *Vorteil* ‘преимущество’, *Wahrscheinlichkeit* ‘вероятность’, *wissen* ‘знать’, *Zahl* ‘число’, *Zinsen* ‘проценты’
aufweisen **‘обнаруживать, иметь’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	haben ‘иметь’ (45), *Eigenschaft* ‘свойство’ (12), *reichen* ‘хватать’ (8), *Fehler* ‘ошибка’ (6), *Eigentum* ‘собственность’ (4), *Geduld* ‘терпение’ (4), *Identität* ‘идентичность’ (4), *Merkmal* ‘особенность’ (4), *Arbeit* ‘работа’, *da* ‘тут’, *erkennen* ‘распознавать’, *erreichen* ‘достигать’, *Erörterung* ‘обсуждение’, *Europa* ‘Европа’, *finden* ‘находить’, *geben* ‘давать’, *Kenntnisse* ‘знания’, *kompliziert* ‘сложно’, *legitimieren* ‘узаконивать’, *Moral* ‘мораль’, *nichts* ‘ничего’, *Potential* ‘потенциал’,

	Schule ‘школа’, *Standard* ‘стандарт’, *Symptome* ‘симптомы’, *suchen* ‘искать’, *Vorteile* ‘преимущества’, *Zeichen* ‘знак’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	zeigen ‘показывать’ (103), *belegen* ‘доказывать’, *Beweis* ‘доказательство’, *den Weg* ‘путь’, *vorzeigen* ‘предъявлять’
***bekommen* ‘получать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	haben ‘иметь’ (94), *Geschenk* ‘подарок’ (46), *erhalten* ‘получать’ (24), *Geld* ‘деньги’ (15), *besitzen* ‘владеть’ (6), *Gehalt* ‘оклад’ (4), *besorgen* ‘доставать’ (3), *Freude* ‘радость’ (2), *Anerkennung* ‘признание’, *Baby* ‘младенец’, *Brief* ‘письмо’, *empfangen* ‘принимать’, *Geschenke* ‘подарки’, *gewinnen* ‘выигрывать’, *gute Noten* ‘хорошие оценки’, *halten* ‘держать’, *hoffen* ‘надеяться’, *Kind* ‘ребёнок’, *kriegen* ‘получать, доставать’, *Kuchen* ‘торт’, *Lohn* ‘зарплата’, *PlayStation* ‘игровая приставка PlayStation’, *Ruhm* ‘слава’, *schenken* ‘дарить’, *vieles* ‘многое’, *Zugewinn* ‘выигрыш’
***genügen* ‘хватать, быть достаточным’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	ausreichen ‘быть достаточным’ (88), *reichen* ‘хватать’ (64), *ausreichend* ‘достаточно’ (24), *Geld* ‘деньги’ (10), *bescheiden* ‘скромный’, *bleiben* ‘оставаться’, *Demut* ‘смирение’, *erreichen* ‘достигать’, *fügen* ‘добавлять’, *gut* ‘хорошо’, *haben* ‘иметь’, *halten* ‘держать’, *heute* ‘сегодня’, *hinkriegen* ‘справиться’, *Mama* ‘мама’, *mehr* ‘больше’, *Mutter* ‘мать’, *nicht* ‘нет’, *nichts wollen* ‘ничего не хотеть’, *profitieren* ‘извлекать выгоду’, *reichlich* ‘обильно’, *reicht* ‘хватает’, *schaffen* ‘создавать, справляться’, *schlechte Leistung* ‘плохой результат’, *selbst* ‘самому себе’, *Uni* ‘университет’, университет ‘*Universität*’, *vieles* ‘многое’, *Vorhandensein* ‘наличие’, *wenig* ‘мало’, *zufrieden* ‘довольный’, *Zufriedenheit* ‘удовлетворение’
***gehören* ‘принадлежать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	haben ‘иметь’ (102), *Besitz* ‘владение’ (34), *zusammen* ‘вместе’ (32), *meins* ‘моё’ (14), *dazu* ‘к этому’ (10), *mir* ‘мне’ (6), *Besitzer* ‘владелец’, *Dinge* ‘вещи’, *Eigentum* ‘собственность’, *Familie* ‘семья’, *fügen* ‘соединять’, *Gruppe* ‘группа’, *Haus* ‘дом’, *mögen* ‘любить’, *nehmen* ‘брать’, *sein* ‘быть’, *Staatsbürgerschaft* ‘гражданство’, *verbunden* ‘связанный’, *vergeben* ‘прощать’, *Zugehörigkeit* ‘принадлежность’, *zur Familie* ‘к семье’
***erleben* ‘переживать, убеждаться на опыте’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	Abenteuer ‘приключение’ (98), *Erfahrung* ‘опыт’ (52), *Spaß* ‘удовольствие’ (18), *Erinnerung* ‘воспоминание’ (4), *Freude* ‘радость’ (4), *Achterbahn* ‘американские горки’, *Architektur* ‘архитектура’, *aufregend* ‘захватывающий’, *Aufregung* ‘волнение’, *Eindrücke* ‘впечатления’, *Emotionen* ‘эмоции’, *Erdbeben* ‘землетрясение’, *Ereignisse* ‘события’, *erfahren* ‘узнавать’, *Ferien* ‘каникулы’, *gemacht* ‘сделано’, *haben* ‘иметь’, *intensiv* ‘интенсивно’, *interessant* ‘интересно’, *Kindheit* ‘детство’, *Kino* ‘кино’, *Lebenserfahrung* ‘жизненный опыт’, *mitmachen* ‘участвовать’, *Neues* ‘новое’, *prägen* ‘запечатлевать’, *reisen* ‘путешествовать’, *Ruhe* ‘спокойствие’, *schon einmal* ‘уже однажды’, *Spannung* ‘напряжение’, *spüren* ‘чувствовать’, *toll* ‘потрясающе’, *verpassen* ‘упускать’, *verlassen* ‘покидать’, *viel* ‘много’

	Реакции с посессивной семантикой
***erfahren* ‘узнавать, получать опыт’**	*erleben* ‘переживать, узнавать на опыте’ (112), *wissen* ‘знать’ (28), *lernen* ‘учить’ (18), *Brief* ‘письмо’ (10), *Geheimnis* ‘тайна’ (8), *Information* ‘информация’ (8), *Adresse* ‘адрес’, *Antwort* ‘ответ’, *Ausbildung* ‘образование’, *Auskunft* ‘сведение’, *bekommen* ‘получать’, *bereichernd* ‘обогащающий’, *Beruf* ‘профессия’, *entdecken* ‘открывать’, *Emotionen* ‘эмоции’, *erkennen* ‘распознавать’, *erkunden* ‘исследовать’, *Erlebnisse* ‘переживания’, *erlernen* ‘выучить’, *Expertise* ‘экспертиза’, *fühlen* ‘чувствовать’, *Gefühle* ‘чувства’, *haben* ‘иметь’, *herausfinden* ‘выяснить’, *hören* ‘слышать’, *kennenlernen* ‘знакомиться’, *leben* ‘жить’, *Lebensgeschichte* ‘история жизни’, *Lehrer* ‘учитель’, *Neues* ‘новое’, *Neuigkeit* ‘новость’, *nichts* ‘ничего’, *Reaktion* ‘реакция’, *schlau* ‘хитрый’, *vergessen* ‘забывать’, *vertrauen* ‘доверять’, *von Kindern* ‘от детей’, *Wissen* ‘знание’

	Реакции с посессивной семантикой
***reichen* ‘хватать, быть достаточным’**	*genügen* ‘быть достаточным’ (102), *genug* ‘достаточно’ (68), *geben* ‘давать’ (22), *Wasser* ‘вода’ (8), *arm* ‘бедный’, *Buch* ‘книга’, *Essen* ‘еда’, *Geld* ‘деньги’, *Genügsamkeit* ‘скромность’, *genügend* ‘достаточно’, *haben* ‘иметь’, *halten* ‘держать’, *Hand* ‘рука’, *Kenntnisse* ‘знания’, *nehmen* ‘брать’, не ‘*nicht*’, *niemals* ‘никогда’, тейлен ‘*teilen*’, *vermögen* ‘быть в состоянии’, *Wein* ‘вино’, передавать ‘*übergeben*’

Приложение 7. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в голландском языке

Стимул	Реакции с посессивной семантикой
***hebben* ‘иметь’**	*houden* ‘держать’ (6), *geven* ‘давать’ (3), *bezitten* ‘владеть’ (2), *gehad* ‘имел’ (2), *krijgen* ‘получать’ (2), *zijn* ‘быть’ (2), *auto* ‘автомобиль’, *eigendom* ‘собственность’, *had* ‘имел’, *jullie* ‘вы’, *kleding* ‘одежда’, *liefde* ‘любовь’, *materiaal* ‘материал’, *met* ‘с’, *mijn* ‘моё’, *nemen* ‘брать’, *spullen* ‘вещи, имущество’, *wij* ‘мы’, *zij* ‘она, они’, *zijn* (*hele werkwoord*) ‘быть (инфинитив)’, *zien* ‘видеть’, *zin* ‘желание’, *zullen* ‘собираться, быть должным’
***houden* ‘держать, хранить / любить’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	hebben ‘иметь’ (3), *bezitten* ‘владеть’ (2), *afpakken* ‘отнимать’, *geven* ‘давать’, *hield* ‘держал’, *vast* ‘крепко’, *vastpakken* ‘схватить, держать’, *wegdoen* ‘избавляться, выбрасывать’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	van в сочетании *houden van* ’любить’ (15), *liefde* ‘любовь’ (5), *liefhebben* ‘любить’ (2), *van elkaar* ‘друг друга’, в сочетании *houden van elkaar* ‘любить друг друга’.
***bezitten* ‘владеть / обладать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	hebben ‘иметь’ (12), *auto* ‘автомобиль’ (2), *bezat* ‘владел’ (2), *huis* ‘дом’ (2), *krijgen* ‘получать’ (2), *afzien* ‘отказываться, страдать’, *bourgeoisie* ‘буржуазия’, *eigendom* ‘собственность’, *geld* ‘деньги’, *grond* ‘земля’, *houden* ‘держать’, *mijn* ‘моё’, *veel* ‘много’, *verliezen* ‘терять’, *weggeven* ‘отдавать’
***profiteren* ‘иметь выгоду’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	van ‘от, за счёт’ (5), *geld* ‘деньги’ (3), *gebruiken* ‘использовать’ (2), *misbruiken* ‘злоупотреблять, эксплуатировать’ (2), *verliezen* ‘терять’ (2), *voordeel* ‘преимущество, выгода’ (2), *winst* ‘прибыль, выигрыш’ (2), *arrogant* ‘высокомерный’, *asielzoeker* ‘проситель убежища’, *asociaal* ‘асоциальный’, *benadelen* ‘ставить в невыгодное положение’, *economie* ‘экономика’, *Elon Musk* ‘Илон Маск’, *exploiteren* ‘эксплуатировать’, *gratis* ‘бесплатно’, *kapitalisme* ‘капитализм’, *korting* ‘скидка’, *lijden* ‘страдать’, *meeliften* ‘пользоваться чужими усилиями, ехать за чужой счёт’, *oneerlijk* ‘нечестный’, *oordeel* ‘суждение’, *profiteur* ‘корыстный человек, нахлебник’, *uitmelken* ‘эксплуатировать до предела’, *arrogant* ‘высокомерный’.
***krijgen* ‘получать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	hebben ‘иметь’ (11), *geven* ‘давать’ (7), *cadeau* ‘подарок’ (5), *baan* ‘работа, должность’, *cadeautje* ‘подарочек’, *dankbaar* ‘благодарный’, *liefde* ‘любовь’, *oma* ‘бабушка’, *salaris* ‘зарплата’, *verkrijgen* ‘получать, приобретать’, *wij* ‘мы’, *zijn* ‘быть’, *zij* ‘она, они’

voldoen **‘хватать, быть достаточным’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	goed ‘хорошо, приемлемо’ (4), *compleet* ‘полный, завершённый’ (2), *genoeg* ‘достаточно’ (2), *afmaken* ‘заканчивать’, *eten* ‘еда, есть’, *gedaan* ‘сделано’, *gevoel* ‘чувство’, *diploma* ‘диплом’, *halen* ‘достигать, сдавать’, *oké* ‘нормально’, *onvoldoende* ‘недостаточно’, *overmaken* ‘переводить деньги’, *slagen* ‘сдавать, успешно справляться’, *studie* ‘учёба’, *verzadigd* ‘насыщенный, сытый’
	Реакции, актуализирующие иные значения стимула
	voldoen aan eisen ‘соответствовать требованиям’
toebehoren **‘принадлежать’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	eigendom ‘собственность’ (5), *aan* ‘кому-либо, чему-либо’ (4), *hebben* ‘иметь’ (3), *krijgen* ‘получать’ (2), *onderdeel* ‘часть, компонент’ (2), *bezit* ‘владение, имущество’, *bezitten* ‘владеть’, *bijkomstigheid* ‘сопутствующая деталь’, *blijven* ‘оставаться’, *erbij* ‘к этому, в составе этого’, *erbij horen* ‘относиться, принадлежать’, *extra’s* ‘дополнительные принадлежности’, *gekoppeld zijn* ‘быть связанным’, *goed* ‘имущество, добро’, *Groningen* ‘Гронинген’, *groep* ‘группа’, *horen* (*bij*) ‘относиться к, принадлежать’, *lenen* ‘одалживать’, *mijn* ‘моё’, *passen* ‘подходить, соответствовать’, *producten* ‘продукты, товары’, *uitlenen* ‘давать взаймы’, *zijn* ‘его, быть’
beleven **‘переживать, убеждаться на опыте’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	ervaren ‘испытывать, узнавать на опыте’ (8), *avontuur* ‘приключение’ (6), *meemaken* ‘переживать, становиться свидетелем’ (6), *leuk* ‘приятно, весело’ (2), *leven* ‘жить, жизнь’ (2), *doen* ‘делать’, *drugs* ‘наркотики’, *emoties* ‘эмоции’, *ervaring* ‘опыт’, *genieten* ‘наслаждаться’, *herbeleven* ‘переживать заново’, *ondernemen* ‘предпринимать, заниматься чем-либо’, *vandaag* ‘сегодня’, *voelen* ‘чувствовать’
ervaren **‘узнавать, получать опыт’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	meemaken ‘переживать, становиться свидетелем’ (5), *beleven* ‘переживать’ (4), *amateur* ‘любитель, непрофессионал’ (2), *onervaren* ‘неопытный’ (2), *oud* ‘старый’ (2), *werk* ‘работа’ (2), *bescheiden* ‘скромный’, *carrière* ‘карьера’, *dingen* ‘вещи, события’, *doen* ‘делать’, *groei* ‘рост’, *meegemaakt* ‘пережитый’, *slim* ‘умный’, *specialist* ‘специалист’, *vakantie* ‘отпуск’, *vakmensen* ‘профессионалы, квалифицированные работники’, *volwassen* ‘взрослый’, *zijn* ‘быть’, *zwemmen* ‘плавать’
reiken **‘хватать, быть достаточным’**	**Реакции с посессивной семантикой**
	armen ‘бедные / бедным’ (21), *arm* ‘бедный’ (2), *geld* ‘деньги’ (2), *geen empathie* ‘отсутствие эмпатии’, *halsrijkend* ‘с нетерпением’, *halzen* ‘шеи’, *pakken* ‘хватать’, *risico* ‘риск’, *vereisten* ‘требования’, *veel geld* ‘много денег’, *villa* ‘вилла’, *voedsel* ‘еда’

Приложение 8. Ассоциативные поля глаголов со значением обладания в русском языке

Стимул в качестве реакции	Ассоциации-стимулы
иметь	*деньги 43; в виду 24; друзей; обладать 15; ввиду 14; дело 13; владеть; все; машину 11; есть; мнение; совесть 10; детей 8; вещь; всё; дом; место 7; не иметь; собственность 6; власть; возможность; много; хотеть 5; быть; в наличии; всех; квартиру; при себе; успех 4; брать; в распоряжении; девушку; достаток; доход; друг; друга; машина; мое; ничего; паспорт; представление; свой; секс; семью; стимул; счастье; терять 3; 100 друзей; волю; выгоду; давать; желать; жену; знать; или не иметь; любовь; опыт; положение; получать; пользоваться; право; приобретать; свое; семья; собаку; состояние; статус; хранить; честь; что-либо 2; 100 рублей,100 друзей; 1 тр. долларов; have; автомобиль; авторитет; английский; бабу; богатство; вещи; в ж…; взять; вкус; властвовать; возможное; возможности; врагов; время; всегда; все или ничего; в собс Экспедиционная работа в местах компактного проживания немцев-меннонитов: процедура полевого исследования твенности; голову на плечах; голос; девочку; дела; делиться; диплом; довод; довольствоваться; должность; домашнее животное; дом, мужа; доступ; думать; ее; жалеть; жилье; жить; жопа; занимать; звонок; здоровье; знакомых; знания; значение; зуб; имущество; и не иметь (Хэмингуэй); интерес; капитал; квартира; комп; кота; кошку; личное; место быть; мечту; многое; мозг; мужчину; ненавидеть; необходимое; нефть; норма; одежда; охота; питомца; подарили; подача; под хвост; полномочия; получить; потеря; потерять; потребности; потребность; предлог; предметы; принадлежать; приобрести; присвоить; прихапать; просеивать; распоряжаться; решимость; самоутверждаться; свое мнение; себя; сердце; силу воли; словарь; смелость; собственник; способности; ссадину; стол; сына; талант; твое; телефон; телку; терпение; то, чего ни у кого нет; тратить; труд; угол; удовольствие; фарт; хозяин; хозяйство; хорошую работу; целый; цель; ценность; чем-то располагать; что-то; чувство 1*
владеть (обратный словарь)	*иметь 11; обладать 7; уметь 3; держать; знать 2; влияние; наш; понимать; приобрести; собой; собственное 1*
обладать (обратный словарь)	*иметь 15; знать 4; видеть; владелец; грести; держать; значить; покупать; уметь 1*
располагать (обратный словарь)	*надеяться; нравиться 1*
быть	*существовать 65; жить 40; или не быть 35; собой 29; не быть; человеком 19; есть 14; находиться 13; здесь; счастливым 10; умным 9; всегда;*

жизнь; лучшим 6; везде; вместе; казаться; лучше; рядом 4; ближе; бытие; или не быть?; красивой; любимым; может; присутствовать; сильным; там; хорошим; хорошо; человек; честным 3; в курсе; в нужном месте; вопрос; где-то; добрым; довольным; дома; живым; им; кем-то; нужным; одиноким; первым; самим собой; стать; сущность; счастливой; умереть; Шекспир 2; be; аге; а не казаться; беде; бита; богатым; богом; быть; великим; веселее; веселым; влюбленным; в настроении; в недоумении; в себе; в состоянии; в теме; в школе; гадом; героем; главным; глагол; гламурным подонком; говорить; готовым; гроб; дали; дебилом; делать; дилемма; другом; думать; дураком; дурой; единым; есть (не кушать); забытым; звездой; здоровым; Земля; знаменитым; и жить; извне; иметь; исчезнуть; и учиться; как?; кем; командиром; красивым; кротким; легким; лидеру; личностью; модной; молодым; Монти Пайтон; мужчиной; мышь; наготове; надо; наличие, состояние; на море; на учебе; не в себе; не казаться; не может; не опоздать; непонятой; нет; нуждаться; нужность; оставаться; пара; плохим; плыть; подругой; польза; правильным; правым; принцессой; простор; пуленепробиваемым; работающим; радость; разным; решение; самым умным; с Бурятией; сдать; с деньгами; сила; со мной; состояние здесь и сейчас; стремительным; стремиться; студентом; существо; счастье; таким; точка; трудно; убитым; уверенность; умный; успешным; уставшим; ученым; х.з.; хорошей; хорошим, отзывчивым; Человеком; чмо; шить; экзистенция 1

Приложение 9. Анкета для проведения ассоциативного эксперимента (плотдич)

Здравствуйте, уважаемые участники эксперимента!

Мы благодарим Вас за уделенное время и помощь в нашем исследовании. Ваши ответы будут очень ценны для нашей работы! Заполнение анкеты займет у Вас около 10 минут.

Инструкция участникам

В данном опросе мы просим Вас:

- Прослушать поочередно слова на плотдич
- После каждого услышанного слова, записать на плотдич все возможные слова / словосочетания, которые ассоциируются у вас с данным словом

Для прослушивания

1. Нажмите на «Слово № ...»
2. В открывшейся новой вкладке прослушайте слово
3. Вернитесь к опросу и впишите все слова / словосочетания, которые пришли на ум во время прослушивания

Сведения об информанте

Фамилия и имя; возраст; национальность; место жительства.

Аудиостимулы (в порядке предъявления)

В анкете каждому стимулу соответствовала отдельная ссылка «Слово №…» на аудиофайл.

Слово №1 – *хабэ*

Слово №2 – *хӧле*

Слово №3 – *безэтцэ*

Слово №4 – *евэнэ*

Слово №5 – *опвизэ*

Слово №6 – *тьри’э*

Слово №7 – *енух*

Слово №8 – *ихирэ*

Слово №9 – *эрливэ* / *дерхьмокэ*

Слово №10 – *эрфот*

Слово №11 – *рит*

Примечание. В анкете слова-стимулы не предъявлялись письменно: информанты переходили по ссылкам и прослушивали записи. Наименования стимулов приведены по названиям звуковых файлов. Все поля анкеты были обязательными.

Приложение 10. Анкета для проведения ассоциативного эксперимента (немецкий язык)

Liebe Teilnehmer und Teilnehmerinnen! Ich freue mich sehr, dass Sie sich entschieden haben, an dieser Umfrage teilzunehmen. Mein Name ist Aljona Grigorjewa, und ich bin Studentin der Staatlichen Universität Nowosibirsk. Das Ziel dieser Umfrage ist es, mögliche Assoziationen zu den vorgegebenen Wörtern zu sammeln, um für die deutsche Sprache typische Assoziationsmodelle zu konstruieren. Die Ergebnisse dieser Umfrage können eine gute Frequenzbasis bilden. Außerdem kann dieses Experiment dazu dienen, linguistische Erkenntnisse zu gewinnen. Und natürlich bilden die Ergebnisse die Grundlage für die derzeit entstehende Arbeit und künftige Untersuchungen. Die Teilnahme ist anonym und dauert höchstens 15 Minuten. Ich bedanke mich im Voraus für Ihre Zeit und Aufmerksamkeit!

Mit freundlichen Grüßen
Aljona Grigorjewa

Инструкция участникам

Schreiben Sie bitte das erste Wort, das in Ihren Gedanken als Reaktion auf die gegebenen Wörter plötzlich erscheinen wird.

Сведения об информанте

Ihre Muttersprache; Ihr Wohnort; Ihr Alter; Ihr Geschlecht.

Слова-стимулы (в порядке предъявления)

1. viel	*2. haben*	*3. Jahr*	*4. Mann*
5. halten	*6. er*	*7. besitzen*	*8. Stadt*
9. Ende	*10. bleiben*	*11. profitieren*	*12. alt*
13. können	*14. Prozent*	*15. gut*	*16. Mutter*
17. Mensch	*18. Deutschland*	*19. aufweisen*	*20. klein*
21. bekommen	*22. weit*	*23. Frau*	*24. es*
25. machen	*26. ich*	*27. genügen*	*28. hoch*
29. Kind	*30. geben*	*31. ander*	*32. Land*
33. gehören	*34. sagen*	*35. groß*	*36. lassen*
37. erleben	*38. Haus*	*39. sollen*	*40. Uhr*
41. nah	*42. erfahren*	*43. fragen*	*44. Wort*
45. reichen	*46. spät*	*47. Stimme*	*48. Woche*
49. kommen	*50. werden*		

Примечание. Все вопросы анкеты были обязательными; каждое слово-стимул предъявлялось в отдельном поле для ответа.

Приложение 11. Анкета для проведения ассоциативного эксперимента (голландский язык)

Beste Deelnemer! Hartelijk dank voor uw deelname aan dit onderzoek!

Het doel van dit onderzoek is mogelijke associaties van gegeven woorden te verzamelen en zo enkele associatieve patronen specifiek van de Nederlandse taal te identificeren. Dit experiment draagt bij aan taalkundige kennis en zal dienen als basis voor lopend werk en toekomstig onderzoek.

Deelname aan dit onderzoek is anoniem en neemt niet meer dan 15 minuten van uw tijd in beslag.

Инструкция участникам

Schrijf het eerste woord op dat plotselling bij u opkomt als reactie op de gegeven woorden.

Сведения об информанте

Uw moedertaal; Uw woonplaats; Uw leeftijd; Uw geslacht.

Слова-стимулы (в порядке предъявления)

1. veel	*2. hebben*	*3. jaar*	*4. man*
5. enige	*6. houden*	*7. hij*	*8. bezitten*
9. stad	*10. einde*	*11. blijven*	*12. profiteren*
13. oud	*14. kunnen*	*15. procent*	*16. goed*
17. moeder	*18. mens*	*19. Duitsland*	*20. klein*
21. krijgen	*22. ver*	*23. vrouw*	*24. het*
25. maken	*26. ik*	*27. voldoen*	*28. hoog*
29. kind	*30. geven*	*31. ander*	*32. land*
33. toebehoren	*34. zeggen*	*35. groot*	*36. beleven*
37. huis	*38. moeten*	*39. klok*	*40. dicht bij*
41. ervaren	*42. vragen*	*43. woord*	*44. reiken*
45. laat	*46. stem*	*47. week*	*48. komen*
49. worden			

Примечание. Все вопросы анкеты были обязательными; каждое слово-стимул предъявлялось в отдельном поле для ответа.

Приложение 12. Рассказ-наставление детям из д. Аполлоновка

– Дуф эть эм вольт гун? Эть Вэл шпцир гун.

Тьэмт Лука ну мама би йрант эн фрахьт би де. Дой ходэ эм дарп эн хусь йекофт эн вирзэ нхь лэнст ивайтрокэ. Эн мама тьйд оп Ам зо фрнтлхь эн дохт футс он Дой йорэ ос зой клинь Ви. де йфол дот ок Зоя оп виз гун, бломэ плэтьэ ок эм вольт шпцир эн хе тэмт ок дэ нейнйоше Лорна би эн зайт, эть Вэл ок эм вольт гун, эн дан тэмт нох дот фифйоша брожате Лейстер би эн зайх эть Вэл ок мт дин мэт гун.

Дан захьт мама:

– на дан мот йи би папа гун фрогхе: Папа войт бита, дуф йи гун ода нхь. Эн ранд д Лука ну папа, папа дойт Буте шофэ, эн дат тэмта онйрант , йо, папа хафт онст эрлобт эм вольт гун. На йо, ну гунз эн тьтьзэ, Ду эс н гротэ виз, эн до восэ бломэ, эн захьт Лорна:

– вот ДТ эс нэ шойнэ виз, хе кон Ман ранэ, эн дан плэтьд зэ бломэ шмок,эн дан гунз эм вольт эн доньз до зхь доа нох олэс бтьте, оп оймул зайхьт дэ Лейстер:

– тьть мул, тьть мул до опс бом эс эн айхернхен (дост н белка, й) хупст эн Ду эс ойнэ белка, эн дан гунз вида эн дан тьтьз зо, рунт ом бтьтьз зхь олс эн оп оймул Ви д Лука нхь моя ту зойн.

Эн Лука Ви тин йо ӧльт, дот Ви д элста, эн дан оп оймул фн эрнт Ву хирз д штэм:

– кумт мул хе, кумт мул хе, эть хаб вот йфонг захьт Лорна:

– ву бэст Ду,Ви зойн ди нхь.

– кумт хе, кумт хе – ропта дан

На йо,гунз ну Дой ЗиД, фэн Ву д штэм ком, эн тьтьз эс эн грота лох, эн Дой эс мт бэша Ол гонс бэвосэ, эн Ду эн мэд штэт дан д Лука, эн ду эс дан нох вот.эн гунз Ду бид бэша фби эн тьтьз штэт ду н оле оле мшинь. Эн захьт д Лука:

– тьйт хе мул, хе кон Ман ок дм дак уп мок. Эн мокта дм дак уп, эн зэнд Ду твой зэт, оль твой зэт бэнэ, эн мокта д Дэ уп, эн захьта:

– зат йуньт нэн

– на, захьт Лорна, дуф ви онс эн дз мшинь нэн зат?

– эть войт нхь. Эс дот вот йферлхет эн зоне оль мшинь зхь нэн зат?

– эть войт нхь– захьт Лорна – Ви мот дохвол ишт би папа фрогхе. Эн тьйт з зо н хэхьт, д зон Дой Ви зо хух, эн захьт з:

– о, ви мот о л ту мэдах нэ хусь гунэ.

– на йо, эн Лука Дой вул нихь вахь гун фн хе, дот ви ам дох зо энтросонт н мшинь фнье эм вольт.

Эн нэмт Лорна дм Клестер он хонт эн гунз н хусь, эн муст Лука ок хенярон гунэ. Эн дан, ван з хаб мэдахт ййит, эн дан захьт д Клестер:

– папа, Ви хаб эм вольт н мшинь йфонге н оль мшинь , эн дан захьта:

– на вот фн мшинь, эть хаб ношт нхь йзойн.

– йо, зальт д Лука – фанкта он ту фталэ– дот эс зойн мшинь, ду кон ман дм дак упмок, ду кон ман бэнэ зэтэ. Эн захьт папа:

– на эть мот ми дот ишт зэлст бэтьте.

На йо, д ондр знвнт вулз вада гун, эн фрахьт д Лука:

– папа, кон эть эм вольт гун шпцир?

Эн папа тьйт ам зо штрэнь он эн захьта:

– уба нуд мшинь дуфст ду нхь би гун

– на йо – вира энфштун. Эн Клестер хид дот, вот Лука вол эм вольт гун эн захьта:

– эть ву ок мэт гун. Щойн дот Лорна дот нхь хид, Лорна дойт мама халпэ, виз нхь мэт йгун.

Ну гунз йерв твой эн Клесте плэйт блом ф мама, эн фокн тьйда вот д тьнипа дойт, эн Лука до вэл оба Ду хан гун, Ву д кюль эс. Эн захьт Клестер:

– Лука, уба Ви вор дох нхь гуд мшинь гун? Папа ерлопт нхь.

– на папа ЗиД йе нхь дот Ви Дой нхь кон бтьть –захьта.

На йо, йета Ду хан. Эн гунз эн дот лох вада нэна, гунз би ну Дой Оль мшинь эн бтьтьз зхь Дой зо, эн дан захьт д Лука:

– вэл мул дм багажник уп мок, (.....) Вэл мул уп мок, флехьт эс до эн шатс Бэнэ, до Ви ок зойн рэтс, Дой Ви нхь гонс дхьт то, провда мт хэнь эн конда нхь упмок, эн дан захьта:

– эть во футс эн шток ним

Нэмта эн шток, эн дэта дм шток эн рэтс нэна, эн зо хупст д багажник уп, эп оп оймул хирз ду зонь грозлхьт жжжжжжжжж тэмт до зо рута зоне швутэ

вольть. Эн дэньт д Лука Бине, вэл швнда ран фн хе, тэмта нум Клестер, тьрхьта Дим ту холь, ранз рут нуд куль, оба д бине Дой флух дин хьнярон, д Клестер зат зхь оп оймул хан оп ид эн мукта ДТ йизэхьт мт хэнь то эн хильт зо Зоя. Ход Ам д бинь йбит эн бак.

Эн Ви зай эма н Бинь хавт йбит, оба д бинь донь нхь бит, войт йи дойт,й? Дой хаб хнь эн рсл, эн доньз мэтм рсл штеть. Дот дэт Зоя вой нох до Вейн, вейнс эм рсл эс нох ефт Бэн, эн дан швалд дот Зоя.

Эн хильта, эн Лука захьт, вэфлт мт хэнь, д бинь дэта вахь йог, захьта:

– вэл швнд ран, уба д Клестер Дой зэт эн хилье, Дой кон нхь вида ран, д бак дой вот эма дтьа эн дтьа, швалт эма дола эн зада зхь дим опм рдь эн ранда мт дим нхусь.

На йо,кумз н хусь, эн тьйд мама, эн захьт з зо:

– йо, Клестер Дой хафт дох вол аллергия оп Бинь,зо Зоя Ви д бак опйшвол. На йо, форз мт гонс фмилье н блнтсэ, эн йнть мама эн папа мэтм Клестер нум докта нэна, эн Лука зэт дан хе опм штоль бид де, эн мокта зхь зо шво, рехьта зхь оп, эн деньта зо: ван б Клестер дох нхь дойд штув, оп оймул штуфта, эн дан зи эть шолт. Эн Лорна штунт бим фэнста, тьйд тум фэнста рут, эн дан ну энтльхь ком мама эн папа мтм Клестер рут, эн на тьйта зо ну Клестер эн хода фштун, дт вот ол олс фби гун. Клестер вут нхь штув. Йо, эн дан комз нхусь, эн муст папа Лука штруфэ дота ви онйхурзам, папа лойт дин нхь ду би гун, йо?

Эн дой йньть уба би. Эн захьт папа тум Лука:

– фштест Ду, дот Ду хаст ну шлахьт йдун, эн Вейн Ди муст ну д Клестер лид дим дэт дот вой. На йо, лука Ви энфштун, Ам Ви Клестер зоя шуд, эн захьта:

– уба даже ван Дим нхь ход н Бинь йбит, дан бэст Ду дох эн шлахьта бишпил ф дим йвизэ, винс д йньсьт Дой Вэл олс нуу доне вот Ду дэст, дот эс нхь шойн. Ван Ду вот шлахьтт дэст,дан вэлз ок дот донь, эн дот эс нхь щойн. Эн ... На йо, лука муст офпрахрэ бим Клестер, ок бим папа эн дохта зо:

– ван дох моя эн Минь лив зоньт нхь вот пэсирэ, дот эть зо шлахьт во зэн.

До Вейн тьня, Вэл эма дэньт он дот, ван Ви шлахьт зэнд, дот эс нхь блось ф онс шлахьт, дот эс ок фэрэ ондрэ мэншэ шлахьт, Ви зэнд дан эн шлахьта бишпэл. Вэл эма шойн зэн,й?

Перевод на русский язык

Можно мне пойти в лес? Я хочу пойти погулять. – Подбежал Лука к маме и спросил у нее. Они купили дом в деревне и недавно переехали. Мама приветливо на него посмотрела и сразу вспомнила то время, когда она была маленькой. Ей тоже всегда нравилось ходить на луг, собирать цветы и гулять в лесу. Тут подошла девятилетняя Лорна и говорит: «Я тоже хочу пойти в лес». И тут еще подходит пятилетний братишка Лестер: «Я тоже хочу пойти с ними».

– Тогда спросите у папы, он лучше знает, можно вам идти или нет, – сказала мама.

Папа работал во дворе. Лука подбежал, попросил разрешения, и папа ответил:

– Да, идите.

Дети обрадовались и пошли. Луг был широкий и красивый: можно бегать, цветы пахнут, птицы поют. Увидели белку – крикнули, побежали за ней, но она ловко скрылась.

Вдруг послышался голос:

– Идите сюда, идите сюда, я кое-что нашел!

– Где ты? Мы тебя не видим! – отозвалась Лорна.

Голос звал снова, и дети пошли на звук. За кустами оказалась большая яма, а рядом старая машина. Лука сказал:

– Смотрите, сверху крышка, ее можно открыть.

Они приподняли крышку и заглянули внутрь: два старых сиденья. Тогда Лука открывает дверь и говорит: «Садитесь». Лорна говорит: «А нам можно сюда садиться?» – «Не знаю», – говорит Лука. «Разве это опасно – садиться в такую старую машину?» – «Не знаю, может, спросить лучше у папы», – говорит Лорна и посмотрела вверх, а солнце было уже высоко. «Нам надо уже идти домой на обед», – говорит она.

Луке уходить не хотелось – это так интересно: прямо в лесу найти машину! Но Лорна взяла Клестера за руку, и Луке пришлось идти за ними.

– Папа, мы нашли в лесу машину, старую, – говорит Клестер за обедом.

– Какую еще машину? Я такой не видел, – удивился он.

– Настоящую, – подтвердил Лука. – Крышку можно открыть, сиденья видно.

– Сами туда не лезьте и ничего не открывайте, – строго сказал папа.

На следующий вечер Лука снова спросил:

– Папа, можно нам прогуляться в лес?

– Можно, – ответил папа, – но к машине не подходить.

– Понял, – кивнул Лука.

Клестер услышал, что Лука идет, и сказал:

– Я тоже хочу.

Лорна в этот раз осталась помогать маме, и поэтому она не пошла. Они шли по лесу, Клестер собирал для мамы цветы, увидев жучка, смотрел, что он делает.

Шли, играли по дороге, Лука все хотел пойти туда, в сторону машины, а Лестер говорит: «Папа же запретил подходить к машине». – «Ну, мы можем же просто пойти посмотреть». Дошли до той ямы, снова увидели старую машину.

– Давай откроем багажник, – предложил Лука. – Вдруг там клад?

Руками открыть не получилось. – Нужна палка, – сказал он.

Нашли палку, просунули в щель – багажник резко подскочил, и тут же раздалось громкое «ж-ж-ж-ж»: изнутри вырвался рой пчел. Дети в ужасе бросились бежать. Лука несся что есть сил, а Клестер вдруг сел на землю, закрыл лицо руками и заплакал, а Лука понял, что его ужалила пчела в щеку.

Вы же знаете, что пчелы не кусают, а жалят. У них есть жало, которым они жалят, и это очень больно, потому что в жале есть пчелиный яд, и от него все начинает распухать. Щека Лестера стала быстро пухнуть. Лестер заплакал; бежать он уже не мог, и Лука посадил его себе на спину, и так они добежали до дома.

– У Клестера аллергия на пчелиный яд, – встревожилась мама. – Потому и распухло так сильно.

Семья срочно поехала к врачу. Папа с мамой зашли с Лестером к врачу, а Лука сел возле двери на стуле, думал и корил себя: «А что, если он умрет и умрет из-за меня?» Лорна стояла у окна и ждала.

Наконец родители вернулись с Клестером. Ему велели лежать спокойно – теперь все будет хорошо. Он не умер, опасность миновала.

Дома папа строго сказал Луке:

– Ты понимаешь, ты сделал плохо, и из-за этого Клестер пострадал. Лука все понимал, и ему было жалко Клестера.

– Даже если бы его пчелы не тронули, все равно это было неправильно. Ты старший, и младшие берут пример со старших. Если ты поступаешь плохо, и они будут делать то же самое. Это неправильно.

Лука попросил прощения у Клестера и у папы и подумал: «И что я в этой
70 жизни сделал еще что-нибудь плохое?»

Поэтому, дети, давайте всегда думать о том, что когда мы плохо себя ведем, это плохо не только для нас, но и для других людей тоже, мы являемся для них плохим примером. Давайте всегда быть хорошим примером.